

19
7-98

Гербертъ Уэльсъ.

У.

50 коп.

Служебный
каталог

Грядущее.

ЛБФ

(Техника и наука въ будущемъ
человѣчества).

△
△ △

Современная == утопія. ==

Литература

№ 7687

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
СЕНТРАЛЬНО-УЧЕБНОЙ
ОБЛАСТНОЙ
БИБЛИОТЕКИ ИМ. Н. В. ГОГОЛЯ

862

Переработанъ для русскаго изданія

В. Готвальтъ.

Г Р Я Д У Щ Е Е .

(Техника и наука въ будущемъ человѣчества).

I.

Механическое передвиженіе въ XX вѣкѣ.

Главная цѣль этой книги заключается въ томъ, чтобы по возможности скато и наглядно описать то русло, по которому въ ближайшемъ будущемъ должны направиться силы, завоевавшія себѣ права гражданства въ современной жизни человѣчества. Куда направятся эти силы? Въ какія формы онѣ выльются? Эти жгучіе вопросы не могутъ не интересовать всякаго мыслящаго человѣка.

До сихъ поръ попытки болѣе или менѣе вѣроятно изобразить будущее обыкновенно выливались въ форму фантастическихъ романовъ. Сколько-нибудь серьезные книги по этому вопросу можно положительно перечестъ по пальцамъ. А между тѣмъ для такой серьезной темы форма романа или повѣсти оказывается наименѣе пригодной, потому что въ романѣ или повѣсти непременно должно заключаться вполне законченное дѣйствіе, почти несомѣстимое со сколько-нибудь исчерпывающими выводами по отдѣльнымъ вопросамъ. Мы хотимъ дать приблизительный, но возможно полный набросокъ хотя бы ближайшаго будущаго и по причинамъ, которыя читатель пойметъ позднѣе, мы считаемъ, что нашъ набросокъ удобнѣе всего начать съ обзора будущихъ путей сообщенія.

Кто изучалъ социальную исторію XIX вѣка, тотъ знаетъ, какое всеобъемлющее вліяніе могутъ имѣть на всѣ области человѣческой жизни пути сообщенія. Въ послѣднихъ войнахъ судьба кампаній нерѣдко рѣшалась въ зависимости отъ быстроты подвоза войскъ, снарядовъ и провіанта. Ростъ большихъ городовъ, быстрое заселеніе Америки, вовлеченіе далекаго Китая въ пучину европейской политики, и т. д.—все это вызвано исключительно и непосредственно усовершенствованіемъ средствъ сообщенія. Съ другой стороны, это развитіе протекаетъ почти совсѣмъ независимо отъ тѣхъ крупныхъ явленій которыя имъ вызываются. Это развитіе зависитъ съ

одной стороны, отъ изобрѣтательности отдѣльныхъ, наиболѣе способныхъ личностей, а съ другой—отъ законовъ народнаго хозяйства, законовъ, которые по своей непреложности и немумолимой послѣдовательности можно сравнить съ законами природы.

Представимъ себѣ на минуту, что въ Европѣ совершился какой-нибудь чудовищный политическій переворотъ. Пусть это будетъ возобновленіе свѣтскаго могущества римской Церкви, пусть Британская имперія будетъ поглощена Германіей, пусть, наконецъ, вся Европа будетъ наводнена волнами „желтаго моря“ съ Востока,—во всякомъ такомъ случаѣ, быть-можетъ, измѣнится архитектура, измѣнится форма ручекъ у дверей, наконецъ измѣнятся принятыя теперь пограничныя размежеванія, но артеріи сообщенія останутся тѣ же, и пути сообщенія будутъ развиваться такъ же, какъ теперь.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы бросимъ взглядъ назадъ, въ исторію, и проведемъ параллель между далекимъ прошлымъ и настоящимъ, то мы увидимъ развѣ, что малаецъ теперь отправляется на поклоненіе священной Меккѣ въ гигантскомъ стальномъ пароходѣ, что индусъ—торговецъ ѣдетъ за своими покупками по желѣзной дорогѣ и т. д., но сущность явленій осталась въ сторонѣ отъ вліянія средствъ сообщенія. Европа совершила свой процессъ развитія медленно, а такія страны, какъ Японія, Америка и др., совершаютъ его быстрѣе, пользуясь нашимъ примѣромъ. Вотъ и все. Сущность остается та же.

Если когда-нибудь люди захотятъ создать для каждаго вѣка свою эмблему, то эмблемой XIX вѣка по всей справедливости долженъ быть локомотивъ, бѣгущій по рельсамъ. Въ XIX вѣкѣ были сдѣланы первые шаги въ сторону этого средства сообщенія, въ XIX вѣкѣ желѣзныя дороги нашли поразительно широкое развитіе и въ XIX вѣкѣ всѣ историческія событія въ какой-либо степени находились въ связи съ этимъ средствомъ сообщенія. Въ виду такого подавляющаго значенія желѣзнодорожнаго сообщенія, будетъ вполне справедливо, если мы остановимся на немъ нѣсколько подробнѣе.

Прежде всего невольно возникаетъ довольно любопытный вопросъ: почему паровой локомотивъ не былъ изобрѣтенъ много раньше?

Отвѣтъ: потому что онъ не былъ изобрѣтенъ. Но почему онъ не былъ изобрѣтенъ? Вѣдь и до Стефенсона были люди не менѣе гениальные, чѣмъ онъ. Едва ли будетъ правъ тотъ, кто скажетъ, что какъ разъ въ это время люди сознали необходимость болѣе быстрого сообщенія и что (величайшее за-

блужденіе человѣчества!) спрось родилъ предложеніе; произошло какъ разъ обратное. Въ дѣйствительности до появленія локомотива никто не ощущалъ въ немъ потребности. Въ 1800 году людей вполне удовлетворяли почтовые омшбусы и, быть-можетъ, интеллигентный чиновникъ Римской имперіи или древняго Китая больше чувствовалъ потребность въ быстрыхъ способахъ сообщенія, чѣмъ люди конца XVIII вѣка.

Кромѣ того, всякій, кто интересовался техникой, отлично знаетъ, что паровой локомотивъ отнюдь не явился непосредственнымъ результатомъ открытія силы пара. Водяной паръ и механическая возможность использованія его силы были извѣстны 2000 лѣтъ тому назадъ. Еще до Р. Х. люди пользовались паромъ для подъема воды и для разныхъ игрушекъ. Быть-можетъ, локомотивъ явился слѣдствіемъ введеннаго лордомъ Вэкономъ систематизированія знанія? Едва ли, хотя, конечно, развитію науки значительную пользу принесло строго послѣдовательное отношеніе къ ней. Есть нѣкоторыя области, на примѣръ, область электротехники, въ которыхъ мы видимъ, какъ тотъ или иной законъ, только что открытый и обоснованный теоретически, немедленно примѣняется на практикѣ и служитъ ступеню для дальнѣйшаго развитія. Про паровой локомотивъ этого сказать нельзя.

Нѣкоторые ученые теоретики пытаются доказать, что изобрѣтеніе локомотива находится въ непосредственной связи съ открытіемъ удобнаго способа возстановленія желѣза изъ руды при помощи угля. Но угольное возстановленіе желѣза примѣнялось въ Китаѣ за много вѣковъ до изобрѣтенія локомотива. Разумѣется, что многія усовершенствованія въ металлургіи и общей механикѣ значительно облегчили работу изобрѣтателямъ паровоза, но самое изобрѣтеніе было сдѣлано совершенно независимо отъ этихъ факторовъ. Въ дѣйствительности паровозъ явился слѣдствіемъ не какой-либо одной причины, а цѣлаго ряда очень сложныхъ причинъ. Рѣшающей причиной оказалась необходимость добывать въ Англии въ широкихъ размѣрахъ каменный уголь. Дѣло въ томъ, что на небольшомъ Британскомъ островѣ къ началу XIX вѣка стала ощущаться такая бѣдность въ топливѣ, что пришлось думать о разработкѣ природныхъ каменно-угольныхъ залежей. По количеству осадковъ (т.-е. по дождливости) Англія занимаетъ первое мѣсто въ Европѣ. А между тѣмъ каменный уголь приходилось добывать изъ-подъ глинистыхъ слоевъ, подъ которыми всегда стоитъ вода. Тогда-то впервые была сознана жгучая потребность въ сильныхъ механическихъ насосахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ практичные люди вспомнили и о давно забытомъ водяномъ

парѣ. Вѣтеръ въ напвхъ широтахъ отличается такимъ непостоянствомъ, что для постоянной работы имъ пользоваться неудобно, но даже, если прибѣгать къ вѣтрянымъ двигателямъ, несмотря на ихъ ненадежность, то легко могло получиться положеніе, при которомъ какъ разъ въ нужное время откачка воды прекращается и обратно возобновляется, когда воды нѣтъ. Въ двухъ-трехъ богатыхъ владѣніяхъ въ Англіи еще въ XVII вѣкѣ паръ примѣнялся для работы насосовъ, такъ что обращеніе къ этому источнику энергіи было вполне естественно.

Если мы взглянемъ на первую паровую машину Уатта или на первый паровозъ Стефенсона, то мы поймемъ, что эти сложныя машины не могли явиться слѣдствіемъ внезапнаго „просвѣтлѣнія“ изобрѣтателя, что изобрѣтатели имѣли могучаго помощника: опытъ прошлаго. Правда, въ прошломъ водянымъ паромъ пользовались больше, какъ игрушкой, но теперь, благодаря работамъ Сэвери, Ньюкомена и, наконецъ, Уатта, игрушка превратилась въ сильный практичный двигатель. Сѣйчасъ же возникли механическіе заводы, литейни, вмѣстѣ съ тѣмъ возникла потребность въ сильныхъ двигателяхъ, способныхъ перемѣщать значительныя тяжести, и... только что построенную паровую машину поставили на колеса *).

Первыя попытки въ этомъ направленіи неизбѣнно кончались неудачей. Неуклюжія чудовища упорно отказывались двигаться по пробѣжимъ дорогамъ, хотя во Франціи еще въ 1769 году были сдѣланы такія же попытки, такъ что Уатту и его предшественникамъ можно было пользоваться готовыми примѣрами. Въ концѣ-концовъ Стефенсонъ, опять-таки воспользовавшись примѣромъ прошлаго, создалъ свой локомотивъ, свой „рокетъ“, который теперь намъ кажется верхомъ наивнаго безобразія. Но въ основѣ первый локомотивъ представлялъ собою видоизмѣненіе парового насоса, потому что это была та же самая паровая машина, плечевой шатунъ которой вмѣсто штанги насоса двигалъ кривошипъ колеса. Такъ какъ локомотивъ Стефенсона былъ слишкомъ неуклюжъ и громоздокъ, чтобы двигаться по обыкновеннымъ дорогамъ, то его

*) Не считая себя въ правѣ вносить поправки въ мысли автора, переводчикъ оговаривается, что Г. Уэльсъ явно противорѣчитъ себѣ: нѣсколько выше онъ называетъ „величайшимъ заблужденіемъ чловѣчества“ законъ, согласно которому спросъ рождаетъ предложеніе, здѣсь же онъ вполне справедливо доказываетъ, что паровая машина была изобрѣтена потому, что въ ней ощутилась насущная потребность, т.-е. предложеніе явилось естественнымъ послѣдствіемъ спроса!

пришлось поставить на стальные полосы, на рельсы. И до сихъ поръ въ нашемъ представленіи локомотивъ неразрывно связать съ рельсами, хотя въ дѣйствительности рельсы представляютъ собою лишь неудобство, которое до нашего времени случайно не удалось устранить.

Дѣйствительно, путешествіе по желѣзной дорогѣ можно въ крайнемъ случаѣ признать какъ лучшее изъ неизбежныхъ золь, потому что желѣзная дорога связываетъ путешественника, вынуждаетъ его строго придерживаться опредѣленнаго направленія, опредѣленныхъ остановокъ. Идеальнымъ способомъ передвиженія въ будущемъ представляется экипажъ, быстро передвигающійся по обыкновеннымъ проѣзжимъ дорогамъ, экипажъ, снабженный всѣми удобствами, предоставленный въ полное распоряженіе путешественника, который можетъ въ немъ направляться куда угодно и останавливаться гдѣ угодно *).

Этимъ же способомъ сообщенія въ грядущемъ человѣкъ будетъ пользоваться для перевозки скоро портящихся продуктовъ. Надо ожидать, что по мѣрѣ спроса на такія средства сообщенія явятся и соотвѣтственные машины, которыя постепенно почти совсѣмъ должны вытѣснить желѣзныя дороги съ ихъ громоздкими и дорого стоящими рельсовыми путями. Если бы во времена Стефенсона техники отказались отъ мысли воспользоваться рельсами и все свое вниманіе обратили на постройку именно такого легко подвижного моторнаго экипажа, то за 100 лѣтъ, несомнѣнно, они успѣли бы создать подходящий для указанной цѣли типъ моторнаго экипажа. Тогда мы были бы избавлены отъ тѣхъ неприятностей, съ которыми неизбежно связано путешествіе по желѣзной дорогѣ: ожиданіе или опозданіе, непродуцительныя остановки, невольныя заѣзды въ города, лежащіе въ сторонѣ отъ прямого пути, и т. д. Къ такому идеалу люди должны были бы стремиться, по крайней мѣрѣ, полстолѣтія тому назадъ, и, если бы они это сдѣлали, мѣръ давно былъ бы избавленъ отъ необходимости переходить въ области путей сообщенія, отъ компромисса къ

---

*) Эти строки Уэльсъ писалъ въ 1902 году, когда автомобиль еще былъ очень мало доступенъ. Въ настоящемъ году уже и въ русскихъ газетахъ появилось объявленіе Лондонскаго клуба туристовъ, который приглашаетъ желающихъ „путешествовать по Европѣ вѣтъ желѣзнодорожнаго шаблона“. Кругосвѣтныя путешествія на автомобиль (изъ Пекина въ Парижъ и изъ Нью-Йорка въ Парижъ) показали, что при сколько-нибудь сносной дорогѣ, хотя бы проселочной, автомобиль является именно тѣмъ средствомъ сообщенія, о которомъ мечталъ Уэльсъ семь лѣтъ тому назадъ. Итакъ, мечты Уэльса уже начинаютъ сбываться!

компромиссу, окружной дорогой итти къ цѣли, къ которой онъ въ концѣ-концовъ долженъ прійти.

На рис. 1 изображенъ первый локомотивъ Гедлей, построенный въ 1813 году. Совершенно ясно, что такое громоздкое сооруженіе никоимъ образомъ не могло передвигаться по проѣзжимъ дорогамъ. Однако вмѣсто того, чтобы всё свои старанія направить къ созданію болѣе легкаго типа машины, техники занялись изобрѣтеніемъ приспособленій, которыя позволили бы пользоваться несовершеннымъ, громоздкимъ паровозомъ. Такимъ образомъ появились рельсы. Когда появились рельсы, то изобрѣтатели сразу успокоились и направили свою

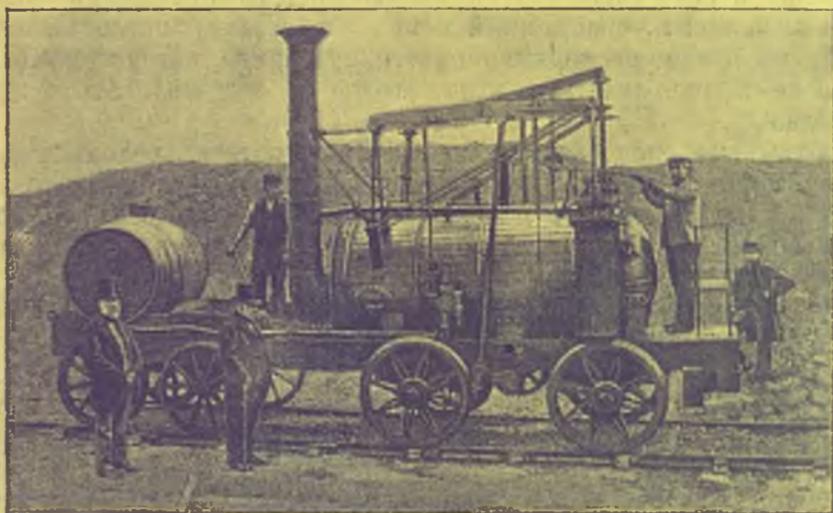

Рис. 1. Локомотивъ Гедлей, построенный въ 1813 г.

изобрѣтательность уже исключительно въ сторону машинъ, приспособленныхъ именно къ рельсамъ. Въ этомъ направленіи за 100 лѣтъ сдѣлано очень много. На рис. 2 изображенъ современный американскій локомотивъ, отличающійся отъ перваго локомотива приблизительно такъ, какъ современная скорострѣльная пушка отличается отъ той ступки, въ которой по преданію, монахъ Берггольдъ Шварцъ получилъ первый порохъ. Первые локомотивы таскали за собой не вагоны, а тѣ же мальшестныя кареты, въ которыхъ въ то время принято было путешествовать, но кареты эти уже были поставлены на колеса, приспособленные къ рельсамъ. Человѣкъ до такой степени привыкъ путешествовать въ тѣснотѣ, безъ всякихъ удобствъ, что даже послѣ того, какъ ему удалось создать себѣ

механическое передвиженіе, послѣ того, какъ онъ научился пользоваться мощными машинами, онъ все-таки не рѣшился и не рѣшается даже раздвинуть шире рельсы, чтобы сдѣлать вагоны болѣе удобными и приспособленными для путешествія. Черезъ 100 лѣтъ послѣ того, какъ былъ поставленъ на рельсы первый локомотивъ, ширина рельсоваго пути осталась почти безъ измѣненія. И если, тѣмъ не менѣе, въ настоящее время существуютъ поѣзда „люксъ“, въ которыхъ, за бѣшенныя цѣны, путешественникъ можетъ лечь на настоящую кровать, а днемъ—сидѣть на настоящемъ креслѣ, то эти небольшія удобства получаютъ за счетъ *длины* вагоновъ, такъ что тѣ „салоны“ и „столовыя“, которыми могутъ пользоваться только

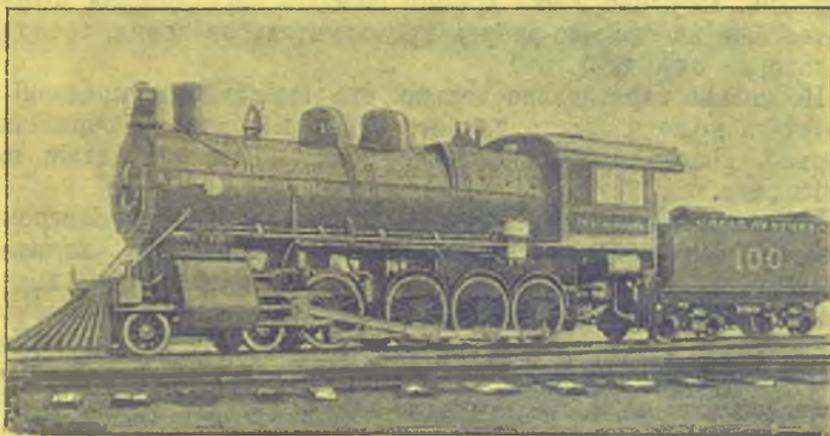

Рис. 2. Современный американскій локомотивъ.

очень богатые люди, въ сущности представляютъ собою разукрашенные коридоры.

Пользуясь рельсами, человекъ поневолѣ долженъ ограничивать скорость движенія по нимъ, потому что при всякомъ поворотѣ, на всякой стрѣлкѣ, колесо можетъ соскочить съ рельса, что неминуемо должно повлечь за собою страшную катастрофу. Всѣ авторитеты техники согласны между собою въ томъ, что при существующей конструкціи желѣзныхъ дорогъ скорость въ 50 миль въ часъ ($75\frac{1}{2}$ верстъ) является предѣльной, при которой можно быть относительно спокойнымъ за безопасность движенія. За предѣлы этой скорости можно пойти лишь при условіи полной, основательной реорганизациіи всѣхъ конструкцій желѣзныхъ дорогъ.

Человѣкъ покорно мирится съ желѣзными дорогами потому, что онъ привыкъ къ нимъ, какъ привыкъ къ небу и землѣ;

потому что человекъ, такъ сказать, родился подъ знакомъ желѣзныхъ дорогъ и съ дѣтства убѣдилъ себя въ томъ, что ему и суждено умереть подъ такимъ знакомъ. Но если бы человекъ могъ сбросить съ себя эту обезличивающую повязку привычки, онъ увидѣлъ бы, что вся огромная желѣзнодорожная сѣть, охватившая земной шаръ, въ дѣйствительности представляетъ собою чудовищную систему вереницъ изъ тѣхъ же тѣсныхъ почтовыхъ повозокъ, въ которыхъ люди путешествовали полтора вѣка тому назадъ, съ той лишь незначительной разницей, что эти повозки связаны по нѣскольку штукъ въ одинъ корпусъ, который мы называемъ вагономъ, и что эти вереницы движутся при помощи цилиндрическихъ машинъ, безъ лошадей. Неужели этотъ древнѣйшій способъ передвиженія сохранится еще на сколько-нибудь продолжительное время, хотя бы только на одно столѣтiе?

Насколько справедливо только что высказанное сравненiе, читатель можетъ судить по рис. 3, на которомъ изображенъ первый „пассажирскiй поѣздъ“, появившiйся въ Англiи въ 1812 году.

Въ современныхъ желѣзныхъ дорогахъ заложенъ такой огромный капиталъ, онѣ представляютъ собою такой видъ капиталистической собственности, рассчитанной на полученiе хорошихъ процентовъ, что одно это обстоятельство можетъ служить серьезнымъ препятствiемъ для развитiя другихъ способовъ сообщенiя. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ областяхъ чело-вѣческой жизни, единственнымъ могучимъ, дѣйствительнымъ двигателнымъ рычагомъ можетъ явиться соревнованiе, конкуренцiя, въ которую, однако, необходимо тоже вложить соответственный капиталъ. Исходя отсюда, мы можемъ заняться вопросомъ, скоро ли слѣдуетъ ожидать появленiя конкуренцiи, какъ орудiя борьбы съ современными желѣзными дорогами, если только этому орудiю вообще суждено когда-либо появиться.

Попробуемъ выяснитъ, не встрѣтится ли какой-либо иной исходъ изъ создавашагося положенiя.

Во всякомъ случаѣ, быстрый ростъ моторныхъ (самодвижущихся) экипажей въ данную минуту еще нельзя считать признакомъ близости осуществленiя только что указаннаго идеала. Современные автомобили страдаютъ многими существенными недостатками. Прежде всего, какъ показали послѣднiе кругосвѣтные пробѣги (Пекинъ—Парижъ и Нью-Йоркъ—Парижъ), длительное путешествiе на автомобилѣ возможно только въ томъ случаѣ, когда въ опредѣленныхъ мѣстахъ находится достаточное количество запаснаго бензина, масла и т. д., но,

главное—когда все время можно рассчитывать на близость рельсового пути, при помощи котораго во всякую минуту, при поломкѣ машины, есть возможность добраться до ближайшаго болѣе или менѣе значительнаго города. Современный автомобиль страдает именно благодаря своей полной беспомощности въ случаѣ поломки, а поломки въ немъ случаются слишкомъ часто. Тяжелая, сложная машина, съ цѣлой системой трубъ, насосовъ, цилиндровъ и т. п., работаетъ удовлетворительно только до тѣхъ поръ, пока она катится по совершенно гладкой поверхности. Неровности дороги уже грозятъ цѣлости машины, такъ что автомобиль въ данное время связанъ съ опредѣленными дорогами несколько не меньше, чѣмъ паровозъ

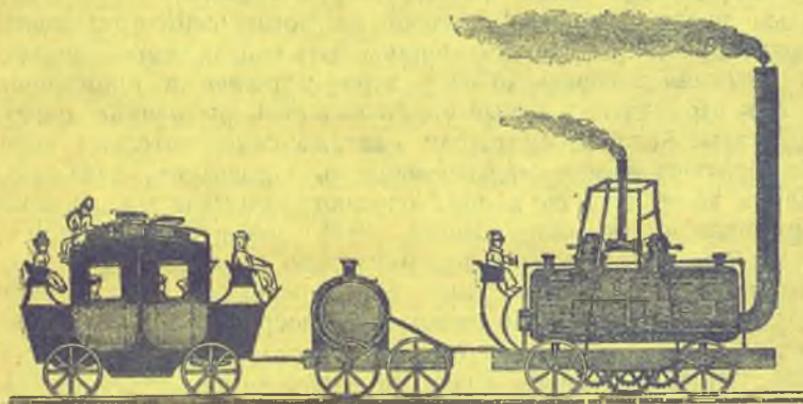

Рис. 3. Первый пассажирскій поѣздъ 1812 года.

связанъ съ рельсами. Кромѣ того, работа автомобиля сопровождается безобразнымъ шумомъ и выдѣленіемъ отвратительныхъ газовъ, благодаря которымъ улицы большихъ городовъ, гдѣ автомобильное движеніе развито особенно широко, всегда наполнены запахомъ, напоминающимъ запахъ ретортнаго отдѣленія газоваго завода,—запахомъ и неприятнымъ и далеко не безвреднымъ.

Еще раньше, чѣмъ автомобиль вылился въ ту практически примѣнимую форму, въ которой мы его видимъ теперь, многіе ученые старались хотя бы теоретически найти движущую силу, могущую замѣнить жидкія вещества (бензинъ, керосинъ и т. п.) и въ то же время не занимающую много мѣста при перевозкѣ. Такъ какъ во всѣхъ тепловыхъ двигателяхъ движеніе поршни въ цилиндрѣ вызывается взрывомъ, т.-е. сопровождающимъ всякій взрывъ расширеніемъ развивающихся при этомъ газовъ,

то вполне естественно было желаніе примѣнить для этой цѣли сухія взрывчатыя вещества. Оригинально то обстоятельство, что эта мысль возникла не только раньше появленія автомобиля, но даже раньше изобрѣтенія паровой машины. Эта мысль была впервые высказана знаменитымъ физикомъ (и астрономомъ) Христіаномъ Гуйгенсомъ, скончавшимся въ 1695 году. Гуйгенсъ первый сказалъ, что взрывомъ можно пользоваться въ качествѣ двигательной силы. Современные тепловыя машины, черезъ двѣсти слишкомъ лѣтъ, блестяще доказали справедливость мысли Гуйгенса, хотя его современники дружно издѣвались надъ нимъ.

Выше мы говорили, что паровозъ, т.-е. перемѣщающаяся машина, до сихъ поръ остался неразрывнымъ съ рельсами только потому, что изобрѣтатели не могли себѣ представить передвиженія при помощи машины безъ неподвижныхъ рельсъ. Та же самая косность до сихъ поръ мѣшаетъ и примѣненію сухихъ взрывчатыхъ веществъ въ качествѣ источника движущей силы. Какъ изобрѣтатели считали самостоятельно перемѣщающуюся машину неразрывной съ паровозомъ, такъ техники и химики до сихъ поръ считаютъ взрывчатыя вещества неразрывными съ разрушеніемъ. Всѣ усовершенствованія въ этой области направлены исключительно къ одной цѣли: увеличить разрушительную силу этихъ веществъ. Когда былъ впервые открытъ нитроглицеринъ, изобрѣтатель немедленно постарался приспособить его для массоваго убійства, т.-е. войны. Нитроглицеринъ почти не поддается перевозкѣ: Нобель смѣшалъ его съ инфузورной землей и „осчастливилъ“ человечество динамитомъ. Затѣмъ мы видимъ нитроглицеринъ въ смѣси съ желатиномъ, съ хлопчатой бумагой и пр. И современные меллиниты, лиддиты и пр., представляя собою чудо изобрѣтательности, все-таки служатъ одной цѣли — убійству возможно большаго числа людей сразу.

Представимъ себѣ, что громоздкій паровой котель или неприятныя во всѣхъ отношеніяхъ бензиныя баки съ ихъ карбураторами замѣнены приемниками, въ которыхъ насыпанъ чистый, сухой порошокъ. Какъ теперь, бензигъ или паръ поступаетъ въ распредѣлительную часть цилиндра двигателя, такъ туда будетъ поступать опредѣленное количество взрывчатого порошка. Какъ теперь, смѣшанные съ воздухомъ пары бензина взрываются отъ соприкосновенія съ электрической искрой, такъ будетъ взрываться порошокъ въ машинѣ будущаго. Конечный результатъ будетъ получаться тотъ же, но самая машина много выиграетъ: не будетъ надобности пополнять запасъ тяжелаго бензина (или еще болѣе тяжелыхъ воды и топлива)

черезъ каждыя 200—300 верстъ, не будетъ той грязи, которая неразлучна съ топкой или съ жидкими взрывчатыми веществами.

Надо замѣтить, что цилиндровая машина далеко не является идеаломъ двигателя. Въ цилиндровой машинѣ прямое движеніе поршневаго стержня превращается въ движеніе вращательное при посредствѣ кривошипа, въ которомъ происходитъ излишнее треніе, т.-е. совершенно непроизводительно затрачивается работа. Несравненно выгоднѣе заставлять непосредственно вращаться самую ось рабочей машины. Къ этому выводу теперь постепенно приходятъ всѣ техники, благодаря чему цилиндровый двигатель все больше вытѣсняется двигателемъ турбиннымъ, гдѣ газы (или расширяющійся паръ) непосредственно дѣйствуютъ на вращающееся колесо.

Оригинально, что здѣсь мы, какъ и во многихъ другихъ областяхъ, лишь возвращаемся къ глубокой старинѣ. Еще до Р. Х. Геронъ (изъ Александріи) построилъ первую въ мірѣ турбину. Хотя его приборчикъ, разработанный позднѣе Сегнеромъ, въ то время не имѣлъ практическаго значенія, но принципъ былъ установленъ.

Въ XVII вѣкѣ, какъ мы уже говорили раньше, наступила полоса созданія механическихъ двигателей, въ которыхъ ощутилась надобность, потому что нужно было откачивать воду изъ шахтъ въ Англии. Вспомнили о принципѣ турбины, но такъ какъ вращательное движеніе оказалось неудобнымъ для поршневыхъ насосовъ, то... создали поршневую машину. А къ тому времени, когда потребовалось вращать колеса двигателей, въ представленіи изобрѣтателей поршень уже былъ настолько тѣсно связанъ съ двигательной машиной вообще, что прямолинейное движеніе поршня стали превращать въ движеніе вращательное. Разумѣется, несравненно проще было бы для вращенія колесъ сразу взять двигательное колесо, т.-е. турбину, но для того, чтобы люди поняли эту простую истину, потребовалось цѣлое столѣтіе.

Итакъ, техника идетъ впередъ, возвращаясь къ далекому прошлому. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что ближайшимъ „последнимъ“ словомъ науки будетъ слово Гуйгенса, сказанное болѣе 200 лѣтъ тому назадъ, относительно взрывчатыхъ веществъ, какъ источника двигательной силы.

Однако существуетъ еще одинъ источникъ силы, отличающійся отъ взрывчатыхъ веществъ двумя необычайно важными преимуществами: полной безшумностью и совершенной безопасностью работы. Этотъ источникъ — электричество. Съ каждыиъ годомъ электричество завоевываетъ себѣ все новыя

широкія области примѣненія. Уже теперь нѣтъ культурнаго города, въ которомъ не потреблялась бы электрическая энергія.

Электромобиль, т.-е. автомобиль, движущійся при помощи электричества, на западѣ теперь можно встрѣтить всюду, и въ Европѣ и въ Америкѣ. Чуть ли не каждый мѣсяць появляются новые, все болѣе усовершенствованные типы аккумуляторовъ, позволяющихъ запасаться электричествомъ на путь длиною болѣе 100 верстъ. Если мы представимъ себѣ, что на всѣхъ проѣзжихъ дорогахъ на опредѣленныхъ разстояніяхъ будутъ работать небольшія электрическія станціи, на которыхъ можно будетъ за небольшую плату заряжать автомобильные аккумуляторы, то едва ли останется широкій просторъ для нашей фантазіи въ этомъ направленіи, потому что электромобиль, легкій, быстрый и безшумный, мы пока можемъ считать идеальнымъ средствомъ передвиженія, но, къ сожалѣнію, по многимъ причинамъ этому идеалу суждено воплотиться въ дѣйствительность развѣ лишь въ далекомъ будущемъ.

Во всякомъ случаѣ, двигатель автомобиля будетъ усовершенствованъ, по той или иной системѣ, а потому можно прямо перейти къ теоретическому вопросу о томъ, какое вліяніе окажетъ развитіе автомобиллизма на желѣзныя дороги и къ чему, наконецъ, это развитіе насъ приведетъ.

Въ данное время самодвижущіеся экипажи развиваются по тремъ различнымъ направленіямъ.

Для соціальной жизни главное значеніе имѣетъ грузовое движеніе, т.-е. повозки, способныя быстро перемѣщать большіе грузы. Уже теперь мы всюду видимъ такіе тяжелые грузовозы, переправляющіе товары въ большихъ городахъ. Настанетъ время, когда образуются цѣлыя компаніи для организаціи грузового движенія по проѣзжимъ дорогамъ. Понятно, что такія компаніи должны будутъ устроить рядъ ремонтныхъ мастерскихъ въ районѣ своей дѣятельности, но такъ какъ параллельно съ товарнымъ движеніемъ будетъ развиваться и пассажирское автомобильное движеніе, то грузовозныя компаніи, конечно, предоставятъ свои мастерскія въ пользованіе частнымъ владѣльцамъ автомобилей, чѣмъ, вѣроятно, окупятъ расходы по этимъ мастерскимъ. Доходность такихъ компаній можетъ увеличиться и отъ комиссіонной продажи запасныхъ автомобильныхъ частей.

О преимуществахъ пассажирскаго автомобильнаго движенія передъ движеніемъ желѣзнодорожнымъ мы уже говорили. Въ автомобилѣ путешественникамъ можно создать всѣ тѣ удобства, которыя теперь имѣются въ желѣзнодорожныхъ поѣздахъ. Уже

теперь (хотя бы во время упомянутых выше кругосвѣтныхъ пробѣговъ), на сколько-нибудь сносной дорогѣ автомобиль свободно дѣлаетъ болѣе 400 верстъ въ день, т.-е. 800-900 верстъ въ сутки. Слѣдовательно, въ отношеніи скорости автомобиль уже теперь не уступаетъ желѣзной дорогѣ

Вмѣстѣ съ возвращеніемъ къ передвиженію по проѣзжимъ дорогамъ вернется и поэзія путешествій, съ которой мы по-неволѣ разстались въ половинѣ прошлаго вѣка. Правда, въ началѣ передвиженіе при помощи автомобилей будетъ отличаться дороговизной, но по мѣрѣ социальныхъ переустройствъ упадетъ и это неудобство, и движеніе по проѣзжимъ дорогамъ отвлечетъ путешественниковъ отъ желѣзнодорожныхъ путей. Снова можно будетъ въ путешествіи обѣдать тогда, когда хочется ѣсть, и обѣдать такъ, какъ хочется. По желанію, можно будетъ остановиться, рвать цвѣты, наслаждаться природой.

Уже появился моторный омнибусъ, развившійся изъ прежняго „мальпоста“. Уже теперь въ большинствѣ крупныхъ городовъ можно встрѣтить омнибусы, сильно напоминающіе такіе же омнибусы съ конной тягой.

Уже теперь начинается борьба между моторными омнибусами и конными извозчиками. Правда, какъ и во всякой культурной, мирной борьбѣ, исхода можно ждать лишь въ отдаленномъ будущемъ, но это будущее придетъ, станетъ настоящимъ. Создадутся особые дороги, специально приспособленные для автомобильнаго движенія. Такія дороги, хотя и созданныя при помощи покровительства и поддержкѣ коронованныхъ особъ, уже имѣются въ Бельгій, въ окрестностяхъ Брюсселя. И эти дороги значительно ускоряютъ окончаніе борьбы между проѣзжей дорогой и рельсовымъ путемъ.

Можно съ большей увѣренностью предсказать, что черезъ какое-нибудь десятилѣтіе автомобильное движеніе по проѣзжимъ дорогамъ уже явится очень серьезнымъ конкурентомъ для движенія по рельсовымъ путямъ.

Какъ распространится этотъ новый видъ движенія? Точно отвѣтить на этотъ вопросъ, конечно, невозможно, но съ болѣею долей вѣроятія можно предположить, что постепенно будутъ распространяться рейсы тѣхъ автобусовъ (моторныхъ каретъ), которые уже теперь обслуживаютъ сообщеніе между центрами крупныхъ европейскихъ городовъ и ихъ пригородами.

Вполнѣ понятно, что для серьезной конкуренціи съ желѣзными дорогами автомобилямъ придется постепенно развивать все болѣею скорость и серьезно заботиться объ удобствахъ своихъ пассажировъ. Совершенно незамѣтно движеніе съ рельсовыхъ путей перейдетъ на проѣзжія дороги. Одна за другой

желѣзнодорожныя линіи будутъ упраздниться, потому что онѣ не будутъ окупать высокой стоимости своей эксплуатаціи. Конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ улучшаться и самыя проѣзжія дороги. Вопросъ о приспособленіи проѣзжихъ дорогъ къ автомобильному движенію уже теперь серьезно занимаетъ специалистовъ. На послѣднихъ конгрессахъ городскихъ представителей этому вопросу было удѣлено особенно серьезное вниманіе. Выяснилось, что многіе города и районныя управленія уже приступили къ созданію особенно прочныхъ, цементированныхъ дорогъ, вполне приспособленныхъ для движенія тяжелыхъ автомобилей. Этотъ процессъ переустройства дорогъ будетъ протекать очень медленно, но непрерывно. Мы сами не замѣтимъ его и, быть-можетъ, однажды, развернувъ какой-нибудь иллюстрированный журналъ, мы съ удивленіемъ увидимъ тамъ изображеніе... желѣзной дороги! Въ нашемъ представленіи желѣзная дорога будетъ казаться такимъ же пережиткомъ стараго, какимъ теперь намъ кажется неуклюжій мальшество.

Мы можемъ даже сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ, по всей вѣроятности, будутъ построены эти приспособленныя дороги. Онѣ должны существенно отличаться отъ тѣхъ дорогъ, которыми мы пользуемся теперь. Такъ какъ постепенно конная тяга исчезнетъ совершенно, то дороги будутъ приспособляться исключительно для мягкихъ колесъ, т.-е. для резиновыхъ шинъ. Дороги не будутъ портиться отъ выбоинъ, потому что имъ не придется выносить тяжелыхъ ударовъ желѣзныхъ подковъ, на нихъ не будетъ той разъядающей грязи, съ которой неразрывно связана конная тяга. Изъ всѣхъ матеріаловъ, известныхъ намъ въ настоящее время, наиболѣе подходящимъ для дорогъ будущаго кажется хорошій асфальтъ. Однако весьма возможно, что будетъ созданъ новый матеріалъ, теперь еще неизвѣстный. Во всякомъ случаѣ, будущія проѣзжія дороги должны отличаться шириной, достаточной для движенія большихъ автомобилей въ нѣсколько рядовъ. По своему разбѣзу дороги будутъ представлять изогнутую линію, слегка поднимающуюся къ серединѣ и опускающуюся къ сторонамъ для ската воды. По каждой дорогѣ движеніе будетъ производиться только въ одномъ направленіи, такъ что движеніе будетъ отличаться безопасностью. Понятно, что при сооруженіи этихъ проѣзжихъ дорогъ придется кое-чѣмъ воспользоваться и изъ практики желѣзнодорожнаго строительства. Такъ, опытъ показалъ, что на скрещиваніяхъ, или въ мѣстахъ оживленнаго движенія, рельсы необходимо прокладывать выше или ниже обычнаго уровня. Въ первомъ случаѣ строятся мосты и насыпи, во второмъ — возводятся вѣдуки, прорываются тоннели или ложбины. Въ цѣляхъ безопас-

F80f

ности, къ такимъ же сооруже́нїямъ будутъ прибѣгать и строители проѣзжихъ дорогъ.

Что касается ширины дорогъ будущаго, то она, несомнѣнно, будетъ значительно отличаться отъ ширины современныхъ дорогъ, созданныхъ для конной тяги и узкоходныхъ поездовъ.

Естественно, что моторное движеніе вѣдъ рельсовыхъ путей встрѣтитъ цѣлый рядъ препятствій и вліяній, которыя мы теперь не въ силахъ предусмотрѣть. Въ настоящее время подавляющее большинство желѣзныхъ дорогъ составляетъ собственность государствъ, которыя извлекаютъ изъ нихъ значительные доходы. Государства не отдадутъ безъ борьбы эти доходныя статьи. Въ чемъ выразится борьба государствъ съ новымъ видомъ движенія. Обстоятельно отвѣтить на этотъ вопросъ невозможно, тѣмъ болѣе, что въ разныхъ государствахъ борьба будетъ носить различный характеръ. Постараемся представить себѣ мѣры, которыя могутъ стать, такъ сказать, международными.

Прежде всего, разумѣется, будутъ примѣнены мѣры матеріальнаго воздѣйствія: будутъ увеличиваться налоги на автомобили, будутъ установлены всевозможные сборы и т. д. Въ то же время желѣзныя дороги постараются уменьшить свои тарифы, приложить всѣ усилія, чтобы создать своимъ пассажирамъ возможно большія удобства. Рельсы раздвинутся, появятся болѣе совершенныя стыки (соединенія двухъ рельсовъ) и стрѣлки, такъ что вагоны не будутъ подпрыгивать во время хода. Въ широкихъ, плавно бѣгущихъ вагонахъ пассажиры будутъ себя чувствовать менѣе стѣсненными, чѣмъ теперь, въ узкихъ, невозможно тряскихъ вагонахъ. Всѣ эти мѣры непремѣнно задержатъ развитіе моторнаго движенія по проѣзжимъ дорогамъ, но не остановятъ его совершенно. Одновременно съ ростомъ удобствъ и съ удешевленіемъ движенія на желѣзныхъ дорогахъ будутъ расти удобства въ автомобиляхъ и будетъ удешевляться пользованіе ими. Симпатіи путешественниковъ, несомнѣнно, окажутся на сторонѣ свободнаго передвиженія по проѣзжимъ дорогамъ, и, наконецъ, настанетъ моментъ, когда рельсовые пути признаютъ себя побѣжденными. Однако это еще не значитъ, что государства лишатся такой крупной статьи доходовъ, какъ пути сообщенія. Напротивъ того, пути сообщенія, вѣроятно, всецѣло перейдутъ въ руки правительственныхъ или общественныхъ организацій. Линіи, по которымъ проложены рельсы, будутъ перестроены въ дороги для моторнаго движенія, подвижной составъ прежнихъ желѣзныхъ дорогъ будетъ приспособленъ къ новому виду движенія или же пойдетъ въ ломъ, на сырой матеріаль.

N 7687

ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
 ОБЩЕСТВЕННОЙ
 БИБЛИОТЕКИ ИМ. Н. В. ГОГОЛЯ

Однако все это вопросъ далекаго будущаго, тѣмъ болѣе, что теперь желѣзныя дороги еще имѣютъ значительныя преимущества передъ автомобилями. Прежде всего, до сихъ поръ автомобильное сообщеніе на далекія разстоянія совсѣмъ не организовано. Когда особенно энергичные спортсмены проѣзжаютъ на автомобилѣ черезъ всю Европу, объ этомъ пишутъ, какъ о чудѣ. Несмотря на всѣ неудобства желѣзнодорожнаго вагона, въ немъ все-таки можно ночью, не прерывая путешествія, спать сравнительно удобно, на постели. Въ дальнихъ поѣздахъ есть вагоны-рестораны, гдѣ за умѣренную плату

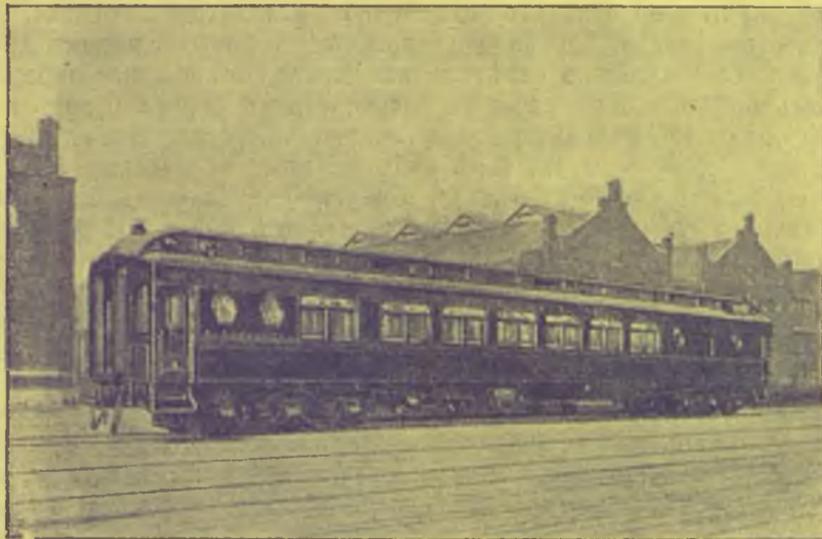

Рис. 4. Американскій вагонъ Пульмана.

можно въ любое время дня получать все, что вообще даетъ всякій болѣе или менѣе порядочный ресторанъ большого города. Въ Америкѣ есть желѣзнодорожныя линіи, на которыхъ рельсы проложены такимъ образомъ, что тряска вагоновъ устранена почти окончательно; тамъ въ вагонѣ поѣзда, несущагося со скоростью до 100 верстъ въ часъ, можно читать и писать, не испытывая никакихъ неудобствъ. Въ этомъ отношеніи особенно отличаются линіи между Нью-Йоркомъ и Чикаго и между Нью-Йоркомъ и Буффало. На рис. 4 изображенъ вагонъ этой линіи, какъ внутри, такъ и снаружи.

Правда, за пользованіе этими вагонами берутъ большія деньги, но вѣдь и за пользованіе автомобилями теперь приходится

платить дорого. Постепенно и то и другое средство сообщения сдѣляется общедоступнымъ.

Какъ только автомобиль будетъ приспособленъ для далекихъ путешествій, онъ, несмотря на дороговизну, найдетъ широкое примѣненіе для этой цѣли.

Сторонники желѣзной дороги любятъ въ защиту послѣдней выставать тотъ аргументъ, что при рельсовомъ пути цѣлый поѣздъ обслуживается одной машиной, въ то время какъ ка-

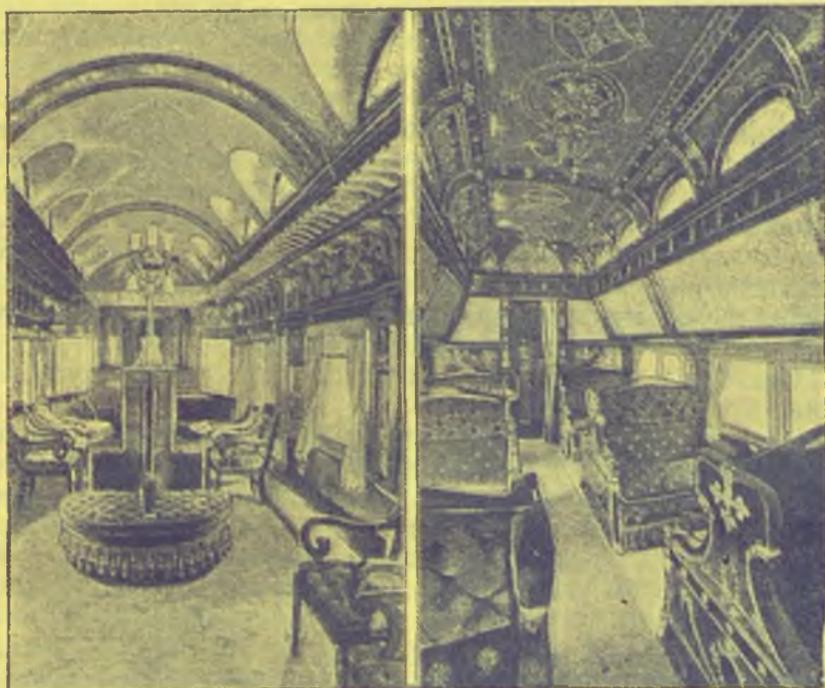

Рис. 5. Внутренность пульмановскаго вагона.

ждый автомобиль непременно долженъ имѣть свой двигатель. При этомъ упускается изъ виду, что одинъ большой паровозъ стоитъ дороже десяти автомобилей, что одно отчисленіе на погашеніе стоимости паровоза и вагоновъ обходится дороже, чѣмъ содержаніе десяти автомобилей. Кроме того, если даже предположить, что расходы на топливо и смазку въ одномъ большомъ паровозѣ въ одну единицу времени равняются расходамъ на питаніе и смазку десяти автомобилей, то въ эту единицу времени при равныхъ расходахъ на эксплуатацію автомобилей по приспособленной дорогѣ пройдутъ значительно

большее разстояніе, чѣмъ поѣздъ, а слѣдовательно, принимая въ расчетъ огромную разность стоимостей цѣлаго поѣзда и десяти автомобилей, мы приходимъ къ убѣжденію, что автомобильное сообщеніе при правильной организаціи уже теперь могло бы быть выгоднѣе сообщенія желѣзнодорожнаго.

Какъ бы то ни было, но желѣзная дорога можетъ исчезнуть лишь въ очень далекомъ будущемъ. Такія сложныя организаціи разрушаются и гибнутъ крайне медленно. Прежде всего, какъ въ рельсовыхъ путяхъ, такъ и въ подвижномъ составѣ, вложены чудовищные капиталы, которые должны почти безвозвратно погибнуть вмѣстѣ съ рельсовымъ движеніемъ. Это немыслимо, потому что это означаетъ цѣлую экономическую революцію. Но разъ капиталисты убѣдятся въ томъ, что желѣзныя дороги недостаточно обезпечиваютъ доходъ съ капиталовъ, тѣ же экономическія соображенія заставятъ ихъ уклониться отъ постройки новыхъ линій и отъ сооруженія новаго подвижнаго состава. Несмотря на самый усердный ремонтъ, старые вагоны и паровозы постепенно будутъ окончательно изнашиваться, и постепенно наступитъ то, о чемъ мы говорили выше: желѣзнодорожныя линіи одна за другой будутъ приспособляться для моторнаго движенія.

Можно дать волю своей фантазіи и нарисовать такую картину будущаго.

По насыпи, заросшей травой, хрипя и отплевываясь, скрипя всѣми суставами, медленно ползетъ заплатанный, покосившійся паровозъ. Окраска на немъ облупилась, всѣ части изнасились и обвѣтривались до такой степени, что утратили всякій металлическій блескъ. Съдой, дряхлый машинистъ стоитъ у регулятора. Изъ трубы тяжело поднимаются густые клубы удушливаго дыма. За паровозомъ, съ грохотомъ и скрипомъ, тянется безконечная вереница платформъ, наполненныхъ городскимъ мусоромъ, который направляется куда-нибудь къ свалкамъ или на заводъ для сжиганія.

Это конецъ желѣзныхъ дорогъ. Однако эта вполне возможная картина вовсе не обязательна для будущаго. Желѣзныя дороги, какъ всѣ общественныя предпріятія, будутъ постепенно видоизмѣняться, поддаваясь вліянію измѣняющихся жизненныхъ условій, такъ что для только что описаннаго трагическаго конца едва ли найдется почва. Желѣзныя дороги, вѣрнѣе—ихъ подвижной составъ, будутъ работать въ теченіе не только десятковъ, но, вѣроятно, сотенъ лѣтъ, хотя, быть-можетъ, постепенно въ нихъ произойдетъ рядъ такихъ основательныхъ перемѣнъ, что мы бы не узнали ихъ. Въдъ рисунокъ 3 и рисунокъ 5 оба изображаютъ желѣзнодорожныя

вагоны, на рисункахъ 1 и 2 мы видимъ локомотивы. Прошло меньше ста лѣтъ, а между этими вагонами и локомотивами схожими остались развѣ только названія.

Одно изъ измѣненій ближайшаго будущаго должно, по нашему мнѣнію, заключаться въ замѣнѣ цилиндрическихъ паровозовъ турбинными двигателями. Ясно, что это должно совершенно измѣнить наружный видъ паровозовъ. Вслѣдъ за тѣмъ на очереди станетъ расширение рельсоваго пути, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, радикальное измѣненіе наружнаго вида вагоновъ.

Эти измѣненія можно предсказать съ полной увѣренностью.

До сихъ поръ мы почти исключительно оставались въ области техники. Однако измѣненіе средствъ сообщенія въ весьма значительной степени зависитъ и отъ другихъ условий, социальныхъ, экономическихъ и политическихъ.

Прежде всего намъ въ настоящее время приходится считаться съ узловыми точками сообщенія, какими являются густо населенные города.

Позднѣе мы увидимъ, что централизація населенія въ городахъ—явленіе преходящее. Чѣмъ больше людей тянутся къ городамъ, тѣмъ скорѣе наступитъ время, когда большіе города стануть нелѣпостью, пережиткомъ стараго. Однако пройдетъ еще много десятилѣтій, прежде чѣмъ настанетъ этотъ моментъ и до того времени развитіе или измѣненіе способовъ передвиженія будетъ находиться подъ весьма ощутительнымъ вліяніемъ городовъ.

Въ свою очередь, въ каждомъ городѣ есть тѣсно сплоченное ядро торговыхъ заведеній, банковъ и т. п., ядро, которое сплочено настолько тѣсно, что оно управляетъ всей жизнью города, все исходитъ отъ него и направляется къ нему, и это ядро не разрушится даже тогда, когда огромное большинство городского населенія разсѣется. Торговые центры не исчезнутъ до тѣхъ поръ, пока социальный строй не приметъ какія-нибудь формы, о которыхъ мы пока еще не имѣемъ никакого представленія.

Тѣмъ не менѣе, города въ томъ видѣ, въ которомъ они существуютъ сейчасъ, должны исчезнуть въ весьма недалекомъ будущемъ. Улицы такихъ городовъ, какъ Лондонъ, Парижъ и др., переполнены невѣроятно, до карикатурности. Вмѣстѣ съ переполненіемъ города непремѣнно растетъ его загрязненіе, несмотря на самыя энергичныя мѣры въ этомъ направленіи. Пока существуетъ конная тяга, животныя загрязняютъ города, особенно улицы, самымъ невѣроятнымъ образомъ.

Въ прошломъ, когда жизнь даже въ городахъ отличалась патриархальностью, когда на городскія улицы еще падали сол-

нечные лучи, потому что не было тѣхъ безобразныхъ каменныхъ ящиковъ, въ которыхъ теперь вынуждены ютиться горожане, въ это прошлое время можно было мириться даже съ конной тягой, тѣмъ болѣе, что тогда разстоянія въ чертѣ города позволяли горожанамъ въ большинствѣ случаевъ обходиться безъ всякой тяги, собственными ногами.

Англійскій соціологъ Гринъ такъ описываетъ улицу Лондона:

„Мокрый ноябрьскій день. Молодая дама переходитъ черезъ улицу Marble Arch. Задыхаясь отъ волненія и усилій, едва переставляя ноги подъ тяжестью прилипшей къ сапогамъ грязи, съ головы до пяты обрызганная проносающимися по улицѣ экипажами, она, наконецъ, добирается до противоположнаго тротуара и благодаритъ Небо за то, что цѣною своего платья ей удалось спасти свою жизнь“.

Другой соціологъ пишетъ:

„Какъ разъ въ то время, когда промышленные центры вылились въ формы, при которыхъ невозможна жизнь вблизи торговыхъ и промышленныхъ учреждений, рабочимъ и торговымъ служащимъ огромную пользу могъ бы принести велосипедъ, какъ средство сообщенія. Но именно къ этому времени движеніе на улицахъ тѣхъ же центровъ достигло такихъ размѣровъ, что только рѣдкіе храбрецы рискуютъ двинуться на велосипедѣ въ эту лавину, гдѣ каждый неосторожный поворотъ педали или руля грозитъ неизбѣжной смертью“.

Кажется, здѣсь мы пришли къ полнѣйшему абсурду: человѣкъ, ведущій сидячую жизнь, или просто человѣкъ, желающій передвигаться самостоятельно, съ возможно большой скоростью, силою создавшихся ненормальныхъ условій вынужденъ ежегодно затрачивать на трамвайный или желѣзнодорожный абонементъ сумму, вполнѣ недостаточную для покупки хорошаго велосипеда. Обязанъ, потому что на велосипедѣ ѣздить отъ жилища къ мѣсту работы значило бы на каждомъ шагу рисковать жизнью!

Въ какомъ направленіи пойдетъ улучшеніе путей сообщенія въ городахъ? Вѣроятно все же, что первымъ шагомъ должно быть расширеніе существующихъ улицъ и прокладка новыхъ. Возможно, что городскіе пути сообщенія частью уйдутъ подъ землю или поднимутся на крыши домовъ. Въ большихъ европейскихъ городахъ, въ Лондонѣ, Берлинѣ, Парижѣ и др., уже имѣются какъ подземныя дороги, такъ и рельсовые пути, проложенные надъ крышами домовъ. Слѣдовательно, остается лишь пользоваться готовымъ примѣромъ.

Этотъ исходъ тѣмъ болѣе вѣроятенъ, что въ городахъ съ каждымъ годомъ совершенно непомѣрно растетъ стоимость

земли *), и недалеко время, когда выгоднѣе будетъ проклады-
вать пути подъ землей, въ серебряныхъ трубахъ, чѣмъ поку-
пать право на поверхность земли.

Возможны, конечно, и другіе способы урегулированія сооб-
щенія въ городахъ, вплоть до... упраздненія самыхъ городовъ.
Объ этомъ намъ еще придется говорить подробно.

Одной изъ мѣръ, направленныхъ въ наше время къ урегу-
лированію движенія въ городахъ, является запрещеніе грузо-
вымъ повозкамъ двигаться по центральнымъ улицамъ въ часы
наибольшаго оживленія. Обыкновенно, грузовозамъ позволяютъ
ввозить товары въ центръ и вывозить ихъ изъ него въ утрен-
ніе часы, до 9 или до 10 часовъ, а также вечеромъ, послѣ
семи.

Многіе люди, выросшіе въ большихъ городахъ, не видятъ
ничего особеннаго въ царящей на улицѣ сутолокѣ, въ хаосѣ
экипажей на улицахъ и пѣшеходовъ на тротуарахъ, считаютъ
создавшійся порядокъ вполне нормальнымъ, а между тѣмъ,
трудно себѣ представить что-либо менѣе нормальное. Если мы
взглянемъ назадъ, въ далекое прошлое, то мы увидимъ, что
первые города совершенно не знали уличной ѣзды, что онѣ
были приспособлены только для пѣшеходовъ. Даже въ такомъ
изнѣженномъ, утопавшемъ въ роскоши городѣ, какъ древній
Римъ, по улицамъ не ѣздили, а ходили, и развѣ только це-
зари позволяли себѣ передвигаться на носилкахъ.

Этимъ объясняются узкія улицы средневѣковыхъ городовъ,
по которымъ ѣзда положительно невозможна.

Слѣдовательно, наши современные „проѣзжія дороги“ внутри
городовъ являются нововведеніемъ, созданіемъ послѣднихъ
столѣтій, когда городъ сталъ особенно пагубно вліять на людей.

Прежде городъ былъ приблизительно тѣмъ, чѣмъ онъ дол-
женъ быть: культурнымъ центромъ, куда люди стекались,
чтобы купить себѣ необходимое, чтобы повидаться съ другими
людьми, развлечься. Люди ходили по улицамъ, не опасаясь
за дѣлность своихъ костей и за чистоту своего платья. Со
временемъ, однако, городъ сталъ перерождаться, пока не пре-
вратился въ тотъ адъ, который мы видимъ теперь.

Огромная разстоянія внутри города поневолѣ заставили людей
превратить улицы въ проѣзжія дороги, и притомъ въ отврати-
тельные дороги, лишенные даже единственной прелести другихъ
современныхъ проѣзжихъ дорогъ: свѣжаго воздуха и окрест-
наго простора.

---

*) Въ торговой части Нью-Йорка 1 квадратъ сажень земли цѣнится до
50.000 рублей!

Мысль примѣнить въ городахъ рельсовые пути, пустить по нимъ трамваи или настоящіе поѣзда оказалась совѣмъ роковой для города, потому что ея осуществленіе сдѣлало движеніе по городскимъ улицамъ окончательно несноснымъ и угрожающимъ жизни.

Остается только одно утѣшеніе: признаніе, что создавшійся порядокъ не можетъ сохраниться на продолжительное время. Этотъ порядокъ созданъ сравнительно недавно, установился далеко не прочно, непрерывно видоизмѣняется и, если пойдетъ по избранному теперь направленію, то придетъ къ совершенному абсурду, отъ котораго люди должны будутъ рѣзко повернуть въ другую сторону.

Въ Парижѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, были произведены опыты съ любопытнымъ, совершенно своеобразнымъ средствомъ сообщенія въ предѣлахъ города—съ подвижнымъ тро-туаромъ.

Можно съ увѣренностью сказать, что этотъ способъ передвиженія найдетъ широкое распространеніе.

Представимъ себѣ подъ почвой города кольцо изъ туннеля, шириною около 24 футовъ, какъ Лондонскій туннель District Railway. Кольцо можетъ имѣть любой діаметръ. Вмѣсто кольца можно взять любую фигуру, состоящую изъ безконечной изогнутой линіи.

Во всю ширину туннеля тянутся шесть платформъ, слегка возвышающихся одна надъ другой, каждая шириною въ три фута, а седьмая, самая высокая платформа, шириною въ шесть футовъ, расположена у стѣнки туннеля. Всѣ платформы непрерывно движутся въ одномъ направленіи. Схему (разрѣзъ) такой системы изображаетъ рис. 6.

Теперь представимъ себѣ, что платформа *a* движется со скоростью 4 мили въ часъ, а всѣ послѣдующія платформы—каждая на 4 мили быстрѣ своей сосѣдки. Въ такомъ случаѣ скорость движенія будетъ:

<i>a</i> —4 мили;	<i>d</i> —20 мили
<i>b</i> —8 " ;	<i>e</i> —24 " "
<i>v</i> —12 " ;	<i>ж</i> —28 " "
<i>г</i> —16 " ;	

Слѣдовательно, самая высокая, широкая платформа будетъ двигаться со скоростью хорошаго поѣзда.

Переходъ съ одной платформы на другую, при разности часовой скорости въ 4 мили*), не представитъ затрудненій ни для кого.

*) 1 англ. миля=1½ версты. Скорость движенія въ 4 мили въ часъ=6 верст.=24.000 вершк., т.-е.=6½ вершк. въ секунду.

Если взять большее число платформъ, то разность скорости ихъ движенія можно уменьшить, а скорость крайней платформы—увеличить.

Представимъ себѣ чистый, свѣтлый туннель, вдоль котораго движутся эти платформы. На нихъ стоятъ удобныя скамьи, кюски. Всякій можетъ войти на нихъ въ любомъ мѣстѣ, избрать нужную для него скорость движенія и затѣмъ сойти, гдѣ ему нужно. Нѣтъ ни давки, ни суеты, ни ожиданія, ни опозданія: скорость передвиженія всегда можно рассчитать съ точностью до секунды.

Если представимъ себѣ все это, и мы заглянемъ въ лучшее будущее, когда жизнь въ городахъ сдѣлается менѣе несносной, чѣмъ теперъ, и намъ останется лишь пожалѣть о томъ, что мы живемъ теперъ, а не на сто лѣтъ поздне!

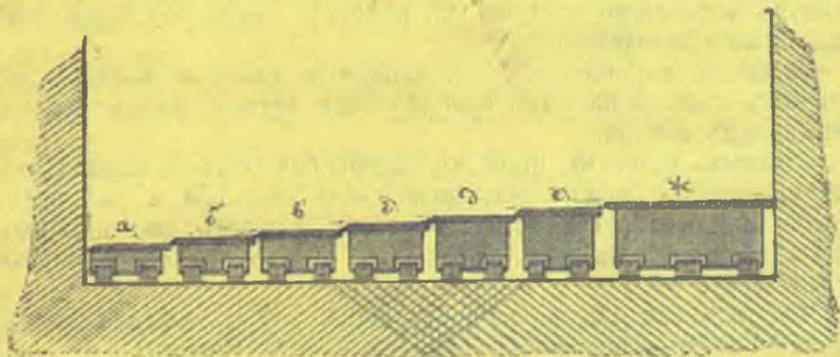

Рис. 6. Передвижныя платформы.

Во многихъ большихъ городахъ есть подземные пути сообщенія, перѣдко и городскіе туннели, прорытые въ видѣ колець или эллипсовъ, такъ что имѣются налицо главныя сооруженія для такихъ средствъ передвиженія будущаго. Какъ видно на рис. 6, техническая сторона этихъ подвижныхъ тротуаровъ не отличается сложностью: достаточно имѣть въ своемъ распоряженіи соответствующую механическую силу. Какъ мы увидимъ дальше, въ будущемъ, когда люди приучатся эксплуатировать силы природы, въ механической энергіи недостатка не будетъ, тѣмъ болѣе, что силу, при помощи электричества, можно будетъ передавать на значительныя разстоянія.

За самое послѣднее время властно пробивается на первый планъ еще одинъ видъ сообщенія: воздухоплаваніе. Правда, до сихъ поръ эта область настолько загадочна, что техники еще не рѣшили вопроса о томъ, какой типъ воздухоплавательныхъ машинъ болѣе пригоденъ: *аэростаты*, т.-е. аппараты легче воз-

духа (типы Цеппелина, Сантосъ-Дюмона и др.), или *аэропланы*, т.-е. аппараты тяжелѣе воздуха (типы бр. Райтъ, Блеріо, Фармана и др.).

Но, во всякомъ случаѣ, сейчасъ нельзя рѣшить вопросъ о томъ, по какому направленію пойдетъ дальнѣйшее видоизмѣненіе путей сообщенія, уйдутъ ли послѣдніе подъ землю, или, наоборотъ, поднимутся на воздухъ.

Германія, самая воинственная страна въ мірѣ, уже начала строить цѣлый рядъ воздушныхъ пристаней, предполагая, для начала, организовать пассажирское движеніе между нѣкоторыми городами, пользуясь аэростатами типа воздушнаго корабля Цеппелина, но самъ Цеппелинъ, при каждомъ своемъ полетѣ, обязательно садится или на сосну или на остроко-нечную крышу, такъ что въ ближайшемъ будущемъ сколько-нибудь надежныхъ воздушныхъ рейсовъ по способу Цеппелина ждать не приходится.

Остаются аэропланы, т.-е. аппараты тяжелѣе воздуха, но до сихъ поръ и на нихъ изобрѣтатели летали чаще на землю, чѣмъ надъ землей.

Словомъ, здѣсь мы пока вынуждены блуждать въ полной темнотѣ. Конечно, можно дать волю своей фантазіи и набросать болѣе или менѣе вѣроятныя картины будущаго, но это не входитъ въ задачи нашихъ серьезныхъ очерковъ, посвященныхъ грядущему.

Что касается ближайшаго будущаго, то, въ области город-скихъ средствъ сообщенія, ему предстоитъ удовлетворить на-сущныя, неотложныя потребности, предохранить городскія улицы отъ грязи.

Одна чистка, какъ бы старательно она ни производилась, здѣсь не поможетъ, ибо достаточно малѣйшаго дождя, чтобы уни-чтожить плоды всѣхъ подобныхъ усилій. Весьма вѣроятно, что улицы будутъ на время дождя затягиваться какой-либо про-зрачной, непромокаемой тканью, а тротуары на время яркаго солнечнаго освѣщенія будутъ закрываться бѣлыми спусковыми маркизами, какъ то уже теперь дѣлается на югѣ Европы, на-примѣръ, въ Туринѣ.

Понятно, что улицы, лишеныя дождя, необходимо будетъ промывать искусственно, но это можно дѣлать раннимъ утромъ, когда движеніе въ городѣ почти совсѣмъ прекращается, и, кромѣ того, послѣ промывки улицы можно вытирать, такъ что на нихъ не останется не только грязи, но даже излишней влаги.

Эта задача ближайшаго будущаго.

Въ большихъ европейскихъ городахъ уже теперь улицы очищаются не менѣе тщательно, чѣмъ полы жилыхъ помеще-

ній. Въ Лондонѣ и Берлинѣ, напримѣръ, улицы каждую ночь тщательно промываются водой и протираются щетками. Едва ли найдется много обывательскихъ домовъ, въ которыхъ ежедневно производится такая же основательная чистка!

Думается, что область средствъ сообщенія принадлежитъ къ числу тѣхъ, сравнительно немногочисленныхъ, областей, въ которыхъ предвидѣть грядущее развитіе въ подробностяхъ почти невозможно. Здѣсь слишкомъ тѣсно переплетаются самыя разнообразныя вліянія, самыя разнородныя проявленія жизни. Мы не знаемъ, какіе соціальныя, т.-е. политическіе, перевороты принесетъ намъ будущее, а между тѣмъ средства сообщенія зависятъ почти исключительно отъ соціальныхъ условій. Торговля, распредѣленіе населенія по городамъ, селамъ, фабрикамъ и т. д. неминуемо оказываютъ вліяніе на средства сообщенія. Быть-можетъ, настанетъ время, когда на земномъ шарѣ будетъ одно царство: царство общаго братства. Тогда, конечно, *быстрота* сообщенія будетъ имѣть огромное значеніе, невѣдомое теперь, ибо люди будутъ стремиться уничтожить разстоянія между собою, будутъ стремиться создать средства сообщенія, позволяющія безъ лишней затраты времени переноситься съ одной точки земного шара на любую другую точку.

Съ другой стороны, возможно, что возьметъ верхъ мелочное подраздѣленіе на народности. Въ такомъ случаѣ люди разобьются на массу мелкихъ ячеекъ, изъ которыхъ каждая будетъ стремиться обособиться, создать свои собственныя условія жизни. Тогда, конечно, средства сообщенія будутъ развиваться совершенно иначе.

Вообще возможны многія комбинаціи.

Въ дальнѣйшемъ мы попытаемся выяснитъ, какія изъ этихъ комбинацій могутъ оказаться болѣе жизнеспособными, но во всякомъ случаѣ, средства сообщенія не могутъ долго оставаться въ томъ дикомъ состояніи, въ которомъ они находятся теперь.

II.

Вѣроятность распыленія большихъ городовъ.

За послѣднее время все ярче и ярче проявляется стремленіе людей въ города. Города, особенно центральные, растутъ съ неимоверной быстротой, въ то время какъ густота сельскаго населенія понемногу уменьшается*).

*) Для русскаго читателя надо замѣтитъ, что Уэльсъ въ данномъ случаѣ, конечно, не имѣлъ въ виду Россіи. У насъ густота сельскаго

Города съ миллионнымъ населеніемъ выросли сравнительно недавно. Прежде ихъ не существовало. Даже гордый Римъ эпохи своего расцвѣта, Римъ — столица міра, насчитывалъ не много сотъ тысячъ жителей *).

Вполнѣ понятно, что одновременно съ ростомъ городовъ, одновременно съ централизацией населенія, долженъ совершаться отливъ населенія съ земли.

Фактъ установленъ. Остается опредѣлить его причины. Соціологи написали цѣлые томы на эту тему, но и до сихъ поръ вопросъ остается открытымъ. Больше всего голосовъ раздается за то, что отливъ сельскаго населенія въ города въ значительной степени создается и поддерживается удобствомъ путей сообщенія. Сначала люди ѣдутъ въ городъ „на время“, соблазненные возможностью, прижеланіи или надобности, быстро вернуться на родной клочокъ земли. Но затѣмъ городъ засасываетъ и „временное“ превращается въ постоянное. Понятно, что есть и другія причины, гонящія людей въ городъ. Одна изъ нихъ — приростъ сельскаго населенія, превышающій питательную способность земли. Но даже тамъ, гдѣ земля способна

населенія не можетъ въ данное время уменьшаться, хотя бы уже потому, что нашъ крестьянинъ получаетъ слишкомъ ничтожное образованіе, имѣетъ въ своемъ распоряженіи слишкомъ мало книгъ для того, чтобы быть подготовленнымъ къ городской жизни, ибо, какъ извѣстно, въ городахъ борьба за существованіе проявляется въ несравненно болѣе рѣзкихъ формахъ, требуетъ несравненно большихъ духовныхъ силъ и знаній, чѣмъ жизнь въ селѣ.

Въ огромномъ большинствѣ странъ отливъ сельскаго населенія, помимо прочихъ причинъ, обуславливается еще спросомъ на рабочія руки въ области промышленности. Въ Россіи, съ ея 150-милліоннымъ населеніемъ, этотъ спросъ относительно ничтоженъ, такъ что и онъ не можетъ поднять сколько-нибудь замѣтную волну прилива сельскаго населенія къ городамъ. То, о чемъ говоритъ Уэльсъ въ настоящей главѣ, относится, главнымъ образомъ, къ Англіи, Бельгіи, нѣкоторымъ изъ Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и другимъ густо населеннымъ странамъ, гдѣ на каждую десятину земли приходится во много разъ больше людей, чѣмъ эта десятина можетъ прокормить.

*) Нѣкоторые ученые утверждаютъ, что въ Римѣ жили около 2 милліоновъ человекъ. При этомъ обыкновенно указываютъ на Колизей, вмѣщавшій не менѣе 80.000 зрителей. Указываютъ на древній водопроводъ, который былъ рассчитанъ на такое количество воды, какое въ наше время доставляется городамъ съ многомилліоннымъ населеніемъ. Оба эти указанія, однако, ничего не доказываютъ. Городъ, въ которомъ единственной заповѣдью была фраза „хлѣба и зрѣлищъ!“ могъ выдѣлить 80.000 зрителей для Колизея, имѣя населеніе всего въ 100.000, что же касается воды, то бассейны и фонтаны въ домахъ патрицевъ, обширныя народныя термы поглощали на каждого жителя несравненно больше воды, чѣмъ на жителя расходуется теперь, въ нашъ вѣкъ кузгурлы... Кроме того, многими учрежденіями Рима пользовались люди, жившіе внѣ города, въ Кампаньѣ.

прокормить населеніе, замѣтно тяготѣніе къ городу, къ умственному центру, съ одной стороны, а съ другой—къ мѣсту, гдѣ можно безъ особаго труда добыть денегъ... Такъ, по крайней мѣрѣ, людямъ кажется издали.

Однако главной причиной централизаціи населенія все-таки приходится считать удобство путей сообщенія. Попробуемъ доказать это примѣромъ. Представимъ себѣ плодородную страну, населеніе которой сплошь занято земледѣліемъ. Странѣ никто не грозитъ войной, населеніе мирно распредѣлилось группами и семействами по хуторамъ. Однако и въ такомъ патріархальномъ населеніи существуютъ потребности, для удовлетворенія которыхъ нужна торговля. Торговля производится въ опредѣленномъ мѣстѣ, куда съѣзжаются земледѣльцы. Здѣсь необходимо возникаютъ два учрежденія: кузница и гостиница. И вотъ уже положено начало городу.

Однако такой торговый центръ можетъ обслуживать только опредѣленный районъ. Для хуторовъ, расположенныхъ отъ него на разстояніи болѣе дневной ѣзды, онъ уже не существуетъ, если только въ этихъ хуторахъ хозяйство не ведется промышленнымъ образомъ. Въ нашемъ примѣрѣ мы предполагаемъ, что населеніе хуторовъ работаетъ только на себя, а не на вывозъ, и, если отдаетъ часть своихъ продуктовъ на сторону, то лишь для того, чтобы обмѣнять ихъ на другіе предметы необходимости. Очевидно, что при такихъ условіяхъ торговый центръ, обслуживающій очень ограниченный районъ, развиваться не будетъ. Найдется лишь немного охотниковъ селиться въ немъ, потому что въ немъ нѣтъ заработковъ.

Иначе обстоитъ дѣло, если тотъ же центръ стоитъ на рѣкѣ или на взморьѣ. Удобное средство сообщенія облегчаетъ доступъ къ нему. Торговля развивается шире, возникаютъ промышленныя предпріятія, такъ какъ есть возможность удобнаго подвоза сырыхъ матеріаловъ и отвоза готовыхъ продуктовъ. Въ такомъ центрѣ, обслуживающемъ значительно болѣе районъ, торговля и промышленность даютъ заработокъ большому числу людей, къ такому центру притокъ сельскаго населенія дѣлается оживленнѣе, и центръ быстро растетъ исключительно благодаря своимъ средствамъ сообщенія.

Желѣзныя дороги расширяютъ районъ дѣйствія центра еще больше, и города, соединенные удобными линіями съ другими центрами, за послѣднія десятилѣтія росли съ поразительной быстротой. Особенно энергичный ростъ можно прослѣдить у городовъ, расположенныхъ на узловыхъ пунктахъ желѣзныхъ дорогъ. Словомъ—желѣзныя дороги имѣли и имѣютъ неоспоримое вліяніе на централизацію населенія.

Во всемъ мірѣ едва ли найдется десятокъ городовъ, оспованныхъ и развившихся независимо отъ путей сообщенія, въ силу какихъ-либо своихъ внутреннихъ условій. Тѣ немногіе города, которые можно назвать, возникали, какъ административная ячейка, вокругъ которой сплочивалось населеніе, но развивались, росли такія ячейки только благодаря тому, что пути сообщенія принаравливались къ нимъ, создавались для нихъ *).

Въ настоящее время нельзя себѣ представить, чтобы сталь быстро расти городъ, стоящій въ сторонѣ отъ желѣзныхъ дорогъ.

Ростъ городовъ особенно усилился за самое послѣднее время и на первый взглядъ можетъ показаться, что онъ тѣмъ же темпомъ будетъ итти дальше, пока сельское населеніе въ сравненіи съ городскимъ не окажется въ ничтожномъ меньшинствѣ. Соціологи, старающіеся въ серьезныхъ трудахъ рѣшить „проблему большого города“, рисуютъ будущее именно въ такихъ краскахъ. Но мы, рискуя удивить читателя, скажемъ совсѣмъ иное. Мы съ увѣренностью предсказываемъ, что въ текущемъ столѣтіи ростъ большихъ городовъ достигнетъ максимума, за которымъ дальнѣйшее ихъ увеличеніе станетъ практически невозможнымъ. Мы предсказываемъ не централизацію, а распыленіе городовъ **).

---

*) Къ числу такихъ рѣдкихъ городовъ можно отнести Москву, расположенную на маленькой, не судоходной рѣкѣ. Въ первое время своего существованія Москва, окруженная лѣсами, далеко не отличалась удобствомъ сообщенія. И только благодаря тому, что она стала центромъ Московскаго царства, всасывавшего окрестныя княжества, къ ней потянулись артеріи сообщенія. Это—одинъ изъ рѣдкихъ примѣровъ.

**) Приходится снова указать на то, что пророчество Уэльса уже сбывается: большіе города начинаютъ распыляться. Лондонъ, Берлинъ, Вѣна уже теперь окружены широкими кольцами колоній, имѣющихъ съ городомъ общаго только то, что ихъ населеніе на нѣсколько часовъ въ день отправляется въ городъ на работу. Благодаря современнымъ средствамъ сообщенія, въ видѣ электрическихъ дорогъ, получается возможность работать въ городѣ, живя отъ него на разстояніи десятковъ верстъ. У насъ въ Россіи замѣчается то же стремленіе по возможности *уйти* изъ города. Въ такихъ городахъ, какъ Москва и Петербургъ, гдѣ скученность населенія дошла до невѣроятныхъ предѣловъ, съ каждымъ годомъ усливается отливъ жителей въ поселки, нерѣдко расположенные въ 20—30 верстахъ. И это именно поселки, а не будущіе города, хотя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ учреждаются гимназіи и т. д. Телефонъ, желѣзная дорога и трамвай, а въ будущемъ, вѣроятно, и аэропланъ, все это уничтожаетъ разстояніе и позволяетъ пользоваться городомъ, не живя въ немъ. Сбывается русская пословица о вышибаніи клина клиномъ: пути сообщенія создали централизацію населенія въ городахъ, и тѣ же пути сообщенія разрушаютъ ее.

Высказывая этотъ взглядъ, невольно приходится чувствовать нѣкоторую неловкость, ибо онъ совершенно противоположенъ всѣмъ существующимъ на данный вопросъ другимъ взглядамъ. Мнѣніе о необходимости непрерывнаго роста городовъ настолько установилось, что находятся люди, которые прямо вычисляютъ, какую площадь долженъ занять и какимъ населеніемъ долженъ обладать тотъ или иной городъ. Города, такъ сказать, подчинены ариеметическому тройному правилу. Получается простая задача: если населеніе Лондона въ теченіе 100 лѣтъ увеличилось въ семь разъ, то черезъ 200 лѣтъ оно... и т. д., совсѣмъ какъ въ учебникахъ ариеметики.

Въ связи съ такими вычислениями фантазія невольно создаетъ и соотвѣтствующую картину такого города будущаго съ колоссальными казарменными домами, съ крытыми улицами и движущимися тротуарами (единственно возможное средство сообщенія при такой густотѣ и массѣ населенія), фантазія невольно создаетъ и соціальныя условія, которыя, если только подобныя перенаселенные города когда-нибудь возникнутъ, должны вылиться въ совершенно особыя формы. И въ концѣ-концовъ, даже не давая волю фантази, развивая мысль строго послѣдовательно, съ неумолимой логикой, приходится прийти къ выводу, что такой городъ въ концѣ-концовъ уже перестанетъ быть городомъ въ современномъ смыслѣ, а превратится въ единицу, которой мы теперь даже не можемъ дать названія. Если, дѣйствительно, такія единицы создадутся, то получится совершенно особое, невѣдомое намъ теперь, соціальное и политическое дѣленіе человѣчества.

Выше мы уже видѣли, что возникновеніе и развитіе городовъ, главнымъ образомъ, зависѣло и зависитъ отъ путей сообщенія, потому что размѣры города обуславливаются райономъ его торговаго вліянія. Городъ представляетъ собою центръ, вокругъ котораго группируется опредѣленное количество населенія, и между размѣрами центра и количествомъ населенія непременно должно существовать опредѣленное пропорціональное соотношеніе.

Разъ ростъ города обуславливается путями сообщенія, жизнь, по крайней мѣрѣ, въ первое время существованія города непременно должна сосредоточиваться около конечной точки даннаго пути сообщенія. Характернымъ, нагляднымъ примѣромъ этого можетъ служить харчевня и кузница въ мѣстечкѣ на конномъ трактѣ: именно здѣсь сосредоточивается жизнь.

Города, развившіеся благодаря воднымъ путямъ сообщенія, служатъ еще болѣе яркимъ доказательствомъ: жизнь бьетъ ключомъ именно въ той ихъ части, въ которой находятся пристани.

Нѣсколько мѣнѣ ярко это распредѣленіе чувствуется въ желѣзныхъ дорогахъ, хотя въ большихъ городахъ желѣзнодорожныя станціи находятся въ центрѣ, но центръ этотъ создавался безъ участія желѣзныхъ дорогъ. Объясняется это тѣмъ, что желѣзныя дороги появились мѣнѣ 100 лѣтъ тому назадъ, что, поэтому, имъ приходилось приспособливаться къ городу, а не обратно. Кромѣ того, дѣловая жизнь города создается обыкновенно на почвѣ торговли, на почвѣ товарообмѣна, т.-е. по необходимости сосредоточивается на грузовомъ движеніи. Между тѣмъ товарныя станціи почти всюду находятся на городскихъ окраинахъ, такъ что поздно появившіяся желѣзныя дороги не могли создать своего центра, какъ его создавала конная тяга, какъ онъ естественно создавался при водныхъ путяхъ сообщенія

Во всякомъ случаѣ, еще въ прежнія времена создались городскіе центры, въ которыхъ сосредоточилась вся торговая, дѣловая жизнь. Но города разрослись, населеніе ихъ увеличилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилась и стоимость жизни именно вблизи центровъ. Даже зажиточные классы оказались вынужденными селиться по окружности центровъ, а классы мѣнѣ состоятельные были отодвинуты на окраины и даже въ пригороды. Тогда стали возникать пути сообщенія внутри городовъ, при чемъ эти пути развивались и совершенствовались въ зависимости отъ того, насколько широко раскидывался городъ. Однако росту города сама природа кладетъ предѣлы. Въ суткахъ только 24 часа, изъ которыхъ лишь немного времени можно удѣлить на передвиженіе отъ жилища къ мѣсту работы и обратно. Только теперь, за самое послѣднее время, человѣкъ получилъ въ свое распоряженіе такое быстрое средство сообщенія, какъ электрическій трамвай, но и электрическая тяга подчиняется законамъ времени и пространства, и она не даетъ возможности уйти за опредѣленные предѣлы. До сихъ поръ максимумомъ затраты времени на передвиженіе отъ жилища къ мѣсту работы признаются два часа въ сутки, т.-е. часъ туда и часъ обратно. Можно съ увѣренностью сказать, что дальше этого максимума нельзя будетъ уйти никогда, ибо затрачивать на передвиженіе болѣе двухъ часовъ въ сутки можетъ только человѣкъ, имѣющій много свободного времени, или же человѣкъ, котораго печальная необходимость заставляетъ лишать себя необходимаго отдыха.

Принявъ за максимумъ ежедневную затрату двухъ часовъ на передвиженіе, мы легко можемъ установить допустимые размѣры городовъ, соотвѣтственно различнымъ способамъ сообщенія.

Въ прошломъ, когда внутри городовъ знали только одно сообщеніе—пѣшеходное, радіусъ (разстояніе отъ центра до окружности) города не могъ превышать 4 мили. Въ Китаѣ, гдѣ, какъ извѣстно, до XIX столѣтія культура спала тысячи лѣтъ, этотъ размѣръ городовъ сохранился до сихъ поръ*).

Вполнѣ понятно, что далеко не всегда можно говорить о „центрѣ“ города, въ которомъ сосредоточена его дѣловая жизнь. Въ большихъ портовыхъ городахъ, гдѣ гавани тянутся по длинной линіи, соответственно растягивается и городъ. Такой городъ можетъ въ концѣ-концовъ занимать площадь въ сотни квадратныхъ верстъ, не нарушая только что указаннаго закона, по которому на передвиженіе отъ жилища къ мѣсту работы, при сколько-нибудь пармальныхъ условіяхъ, человѣкъ не можетъ затрачивать болѣе 2 часовъ въ день.

Позднѣе, когда получилась возможность пользоваться въ городахъ конной тягой, радіусъ города могъ расшириться до 6 и даже до 8 миль. Пользуясь omnibusомъ или извозчикомъ, трудящійся людъ можетъ жить на окраинѣ большого города и работать въ центрѣ. Въ этихъ границахъ оставались большіе города до начала XIX вѣка, т.-е. до того времени, когда возникли желѣзныя дороги, позволившія человѣку дѣлать въ часъ болѣе 8 миль.

Тамъ, гдѣ городъ располагаетъ водными путями сообщенія, на первый планъ вступили пароходы **). Довольно долго послѣ изобрѣтенія парохода, послѣдній почти исключительно служилъ средствомъ внутренняго сообщенія, и только позднѣе люди рѣшились переплывать на пароходѣ большія пространства.

Одновременно съ раширеніемъ площади городовъ, паровозъ и пароходъ стали привлекать къ городамъ и такія слои населенія, которымъ раньше городъ былъ недоступенъ за дальностью разстоянія. Вторая половина XIX вѣка во всемъ цивилизованномъ мірѣ ознаменовалась вторженіемъ народныхъ массъ въ магическій кругъ города, при чемъ подавляющее большинство этихъ массъ вынесло изъ города тяжелое разочарованіе, ушло изъ него искалѣченное физически и нравственно. Тѣ, которые такъ или иначе пристроились въ городѣ, влачили и влачатъ въ немъ самое жалкое существованіе, но магическій

*) Пекинъ, столица Китая, имѣетъ площадь около 62 квадр. верстъ. Переведа это на кругъ, мы получимъ центръ послѣдняго на разстояніи около 4 верстъ отъ окружности.

***) Для примѣра можно указать на Петербургъ, гдѣ лѣтомъ легкое „финляндское“ пароходство имѣетъ для населенія города едва ли не большее значеніе, чѣмъ трамвай и извозчики. Понятно, что въ тѣхъ широтахъ, гдѣ водные пути сообщенія не замерзаютъ круглый годъ, они играютъ въ жизни города еще болѣе видную роль.

кругъ городской жизни замкнулся около нихъ и не пускаетъ ихъ назадъ въ деревню, гдѣ, вѣроятно, ихъ жизнь могла бы сложиться болѣе благоприятно. Не даромъ Жоржъ Гизингъ въ одномъ изъ своихъ большихъ романовъ называетъ городъ (Лондонъ) ураганомъ: какъ ураганъ, городъ втягиваетъ въ себя, кружитъ и губитъ все, что приходитъ съ нимъ въ соприкосновеніе.

Однако, продолжая сравненіе съ ураганомъ, можно сказать, что тѣ элементы, которые попали въ его воронку, со временемъ подчиняются законамъ центробѣжной силы и удаляются отъ центра.

Опять-таки мы здѣсь должны вернуться къ тому, что было сказано выше относительно законовъ, обуславливающихъ и ограничивающихъ ростъ города. Несмотря на возрастающую скорость передвиженія при помощи пара и электричества, человѣкъ въ часъ все-таки можетъ перенестись лишь черезъ ограниченное пространство. Большіе города протягиваютъ свои желѣзные щупальца во всѣ стороны и всасываютъ въ себя изъ окрестностей нужные имъ элементы. Но на опредѣленномъ разстояніи эти щупальца—пути сообщенія—перестаютъ дѣйствовать, перестаютъ приносить городу непосредственную пользу. И противъ этого бессильна изобрѣтательность человѣка. Съ пространствомъ и временемъ придется считаться всегда.

Современный большой городъ можно сравнить съ грибомъ-пыльникомъ, оболочка котораго не выдержала внутренняго давленія и лопнула. Пыль разсыпалась по всѣмъ направленіямъ. Уже въ началѣ этой главы мы указывали на то, что въ окрестностяхъ большихъ городовъ возникаютъ поселки, связанные съ городомъ общностью интересовъ. Но напрасно многіе думаютъ, что со временемъ города расширятся настолько, что втянуть въ себя эти поселки. По причинамъ, достаточно выясненнымъ выше, этого не случится.

Какъ показали городскія переписи послѣднихъ лѣтъ, мы переживаемъ начало распыленія городовъ. При современномъ состояніи средствъ сообщенія, максимальный радіусъ города не можетъ превышать 30 миль. Но даже при такомъ радіусѣ для города получается площадь въ 2800 квад. миль, — площадь, почти равняющаяся четвертой части площади Бельгіи. Если города достигнуть такихъ размѣровъ, то вся Бельгія будетъ состоять изъ четырехъ городовъ, соприкасающихся другъ съ другомъ. Очевидно, что здѣсь мы дошли до абсурда.

А между тѣмъ тридцать миль въ часъ никакимъ образомъ нельзя считать чрезмѣрно большой скоростью. Въ первой главѣ мы видимъ, какъ быстро идетъ впередъ развитіе желѣзныхъ

дорогъ. Уже теперь считаютъ вполне возможнымъ (съ электрической тягой) носиться со скоростью до 200 километровъ въ часъ. Значить ли это, что городъ можетъ расшириться до радіуса въ 200 километровъ? Едва ли, ибо это было бы еще бѣльшимъ абсурдомъ, чѣмъ Бельгія, состоящая изъ четырехъ городовъ. Гораздо логичнѣе предположить, что по мѣрѣ развитія путей сообщенія у людей исчезнетъ потребность жизни въ городахъ. Въ 2000 году, вѣроятно, можно будетъ, работая въ Лондонѣ, жить въ любой точкѣ Англій и каждое утро являться на службу.

До тѣхъ поръ, однако, ростъ нашихъ большихъ городовъ несомнѣнно, будетъ продолжаться, хотя и не въ такихъ угрожающихъ размѣрахъ, какъ онъ шелъ до сихъ поръ. До сихъ поръ, вслѣдствіе различныхъ причинъ, которыхъ мы коснемся ниже, къ городской жизни привлечена лишь небольшая часть всего населенія земного шара. Со временемъ съѣтъ желѣзныхъ дорогъ покроетъ Африку, Азію, Южную Америку и т. д. Народы, культура которыхъ теперь находится въ періодѣ младенчества, выдѣлять изъ себя городскіе элементы. Отдѣльные города, имѣющіе уже теперь міровое значеніе, всосутъ въ себя эти элементы и разрастутся за ихъ счетъ. Въ какихъ предѣлахъ это совершится, сейчасъ предсказать почти невозможно. Но, какъ мы уже говорили, ростъ города, помимо другихъ факторовъ, опредѣляется его торговымъ и промышленнымъ значеніемъ, главнымъ образомъ, тѣмъ райономъ, который обслуживается торговлей и промышленностью города. Одинъ городъ не можетъ обслуживать весь міръ. Кромѣ него, всегда будутъ существовать другіе города, которые отвлекутъ отъ него потребителей, и этимъ самымъ ограничатъ его ростъ.

Такіе города, какъ Лондонъ, Петербургъ, Берлинъ, которые своимъ географическимъ положеніемъ до извѣстной степени ограничены въ ростѣ, едва ли когда-либо будутъ имѣть болѣе 20 милліоновъ населенія. Такіе города, какъ Нью-Йоркъ, Филадельфія, Ханъ-Чеу и др., могутъ имѣть и до 40 милліоновъ населенія, но не больше. Если же, исходя изъ сказаннаго выше, предположить, что города будущаго, располагая совершенными средствами сообщенія, раскинутся на площади съ радіусомъ болѣе 100 миль, то придется вывести заключеніе, что въ этихъ городахъ населеніе будетъ менѣе густымъ, чѣмъ въ современныхъ городахъ, гдѣ на пространствѣ 50 квадратныхъ миль скучиваются $3\frac{1}{2}$ — 4 милліона жителей. Другими словами, вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа жителей въ городахъ уже будетъ совершаться и распыленіе послѣднихъ, будетъ совершаться уменьшеніе густоты ихъ населенія.

Для того, чтобы хотя приблизительно опредѣлить, насколько значительно можетъ быть это распыленіе въ ближайшихъ столѣтіяхъ, намъ придется сказать нѣсколько словъ о томъ, какое вліяніе должно оказать въ будущемъ на городскую жизнь измѣненіе социальныхъ и экономическихъ условий.

Едва ли можно ожидать, что въ будущемъ состоятельные семьи останутся жить въ центрѣ города, гдѣ уже теперь жизнь отличается условіями, чрезвычайно вредно отзывающимися на здоровьѣ. Въ концѣ-концовъ въ человѣкѣ возьметъ верхъ свойственное ему, какъ всякому животному, стремленіе къ природѣ, къ простору. И теперь это стремленіе проявляется довольно явно. И теперь люди, вынужденные жить въ каменныхъ ящикахъ, чувствуютъ неодолимую потребность хоть на время вырваться „на лоно природы“. Различные виды спорта, какъ рыболовство, охота, велосипедъ и т. д., представляютъ собою признаки именно этого стремленія къ природѣ. Какъ бы черствъ ни былъ человѣкъ, горы и море всегда производятъ на него впечатлѣніе, понравятся ему больше, чѣмъ плоская мѣстность. Можно не увлекаться пѣтами, но нельзя не любоваться ими. У каждого человѣка, какъ у богатаго, такъ и у бѣднаго, хотя бы въ глубинѣ души, непременно таится желаніе приобрести клочокъ земли и устроиться на немъ „по-своему“. Пусть возникаютъ социальные ученія, видящія будущія блага человечества въ казарменности, въ уничтоженіи личности, — въ человѣкѣ всегда останется жить стремленіе именно къ свободѣ, къ самостоятельности и проявленію личнаго „я“.

Никакія социальные ученія не смогутъ убить въ женщинѣ, въ матери грядущаго поколѣнія, стремленія къ своему хозяйству, инстинктивной любви своего очага. Пусть это хозяйство будетъ убого, но оно устроено такъ, какъ хочется женщинѣ. И это стремленіе явится однимъ изъ могучихъ факторовъ, которые вызовутъ распыленіе городовъ. Городъ невольно обезличиваетъ, накладываетъ на людей общій сѣрый отпечатокъ, — только внѣ города возможно индивидуальное развитіе. И чѣмъ больше будетъ расти городъ, чѣмъ сильнѣе онъ будетъ обезличивать своихъ жителей, тѣмъ могучѣе будетъ ихъ стремленіе вырваться изъ-подъ его вліянія. Чтобы доказать справедливость этого, достаточно опять-таки сослаться на возникающіе за послѣднее время подгородные поселки: изъ обитателей этихъ поселковъ едва ли найдется одинъ, который добровольно согласился бы вернуться къ городской жизни.

Не слѣдуетъ забывать и о томъ, какое благотворное вліяніе жизнь внѣ города оказываетъ на дѣтей, на ихъ развитіе —

какъ духовное, такъ и тѣлесное. Что ребенокъ на чистомъ воздухѣ развивается тѣлесно лучше, чѣмъ въ глухой средѣ города, ясно безъ словъ. Но, кромѣ того, развиваясь внѣ города, ребенокъ не сталкивается съ тѣми соблазнами и отрицательными сторонами жизни, которые въ городѣ встрѣчаются на каждомъ шагу и оказываютъ на впечатлительную душу ребенка отвратительное вліяніе. И чѣмъ шире будутъ развиваться города, чѣмъ болѣе будетъ изощряться человѣческая изобрѣтательность, тѣмъ вреднѣе городская жизнь будетъ вліять на дѣтей. Несомнѣнно, что вопросъ о дѣтяхъ сыграетъ немаловажную роль въ распыленіи городовъ.

Однако можно указать и на факторы, говорящіе въ пользу городской жизни, или, по крайней мѣрѣ, привлекающіе людей къ городу. Среди этихъ факторовъ первое мѣсто занимаетъ относительное удобство жизни въ центрѣ, близъ мѣста работы, у источниковъ духовной жизни города. Хозяйкѣ удобно имѣть подъ рукой все необходимое, въ то время какъ, живя внѣ города, приходится дѣлать запасы, что не всегда подъ силу среднему классу. Классы менѣе состоятельные, рабочіе, въ этомъ отношеніи находятся въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ, какъ это на первый взглядъ ни кажется страннымъ. Дѣло въ томъ, что у рабочаго класса потребности вполне опредѣленны, скромны и однообразны, такъ что въ большихъ и разнородныхъ запасахъ нѣтъ надобности. Буржуазія, вообще средніе классы, напротивъ, очень рѣдко въ состояніи вполне точно опредѣлить впередъ свои потребности, часто зависящія отъ случайностей.

Даже живя въ пригородѣ, обитатели большихъ европейскихъ городовъ теперь могутъ получать все необходимое изъ центра города по телефонному заказу, черезъ какіе-нибудь полчаса, въ автомобильной каретѣ. При жизни въ поселкѣ эта возможность не существуетъ. Правда, со временемъ можетъ возникнуть организація, благодаря которой районъ быстро обслуживанія потребителей значительно расширится, но до сихъ поръ такой организаціи нѣтъ и съ указаннымъ неудобствомъ приходится считаться.

Другое удобство жизни въ городѣ заключается въ возможности быстро сноситься съ кѣмъ угодно при помощи телеграфа, телефона и т. д. Живя въ поселкѣ, человѣкъ за рѣдкими исключеніями лишень возможности въ экстренныхъ случаяхъ немедленно воспользоваться врачебной помощью, такъ какъ подавляющее большинство врачей живетъ въ городѣ.

Лишь въ единичныхъ случаяхъ въ поселкахъ, пока еще только создающихся, можно найти хорошее учебное заведеніе. Заставлять дѣтей каждый день ѣздить за десятки верстъ

рѣшится далеко не всякій, такъ что семьи съ дѣтьми школьнаго возраста вынуждены жить въ городѣ.

У всякаго человѣка болѣе или менѣе развита потребность въ развлеченіяхъ. Театры и т. п. сосредоточены въ городѣ, что опять-таки заставляетъ многихъ отказаться отъ поселковой жизни.

Наконецъ есть еще одинъ факторъ, оказывающій на человѣка сильное вліяніе. Этотъ факторъ—стадное чувство, которое создала въ человѣкѣ привычка, и отъ котораго отдѣлаться можно лишь съ трудомъ, при помощи значительной затраты силы воли. Сюда примѣшивается еще чисто-эгоистическое стремленіе „себя показать“ Стремленіе нарядиться, блеснуть передъ другими чѣмъ-нибудь особеннымъ. Въ основѣ, каждому человѣку хочется выдѣлиться изъ толпы. Если бы не было этого стремленія, пожалуй, не было бы и прогресса. Это стремленіе проявляетъ себя чрезвычайно разнообразно: модница старается по возможности не только не отстать отъ моды, но даже по возможности итти впереди нея. Даже ученые въ огромномъ большинствѣ работаютъ изъ тщесавія и только рѣдкія единицы дѣйствительно преданы одной наукѣ, совершенно не желаютъ извѣстности. Журналистъ, писатель, какъ бы онъ ни отрещивался отъ славы, перестанетъ писать, если посадить его на необитаемый островъ.

Это чувство стадности, это врожденное тщесавіе, это стремленіе быть на виду еще надолго останется могучимъ факторомъ въ области централизаціи населенія.

Города, какъ центры торговли, промышленности и развлеченія, не исчезнуть никогда. А вмѣстѣ съ ними всегда будутъ существовать и многочисленные кадры людей, немислимыхъ внѣ атмосферы шума и показного блеска. Однако, по мѣрѣ развитія и удешевленія путей сообщенія, въ городахъ постепенно останутся лишь особые элементы: люди, лишенные возможности ежедневно затрачивать на передвиженіе отъ жилища къ мѣсту работы хотя бы минимальное количество времени, и люди, переродившіеся, подъ вліяніемъ городской суетоки до такой степени, что безъ этой суетоки они не въ состояніи обходиться, такъ же, какъ морфинистъ не можетъ обходиться безъ своего яда. И тогда городъ превратится въ то, чѣмъ онъ долженъ быть: въ рынокъ, въ ярмарку, въ длинный рядъ всевозможныхъ магазиновъ и увеселительныхъ мѣстъ. Это будетъ мѣсто, мало приспособленное для жизни, мѣсто, въ которое люди будутъ пріѣзжать лишь затѣмъ, чтобы совершить тамъ опредѣленную работу или удовлетворить опредѣленные потребности.

Возникаетъ вопросъ о томъ, какъ совершится грядущее распыленіе городовъ? Уже теперь социальныя условія настолько разнообразны, социальныя группировки населенія настолько многочисленны, что положительно невозможно предугадать, какимъ образомъ протечетъ это распыленіе у отдѣльныхъ группъ. Поэтому послѣ придется ограничиться нѣсколькими фразами, приуроченными къ наиболѣе намъ извѣстному классу населенія, къ классу людей такъ называемаго средняго достатка.

Можно съ увѣренностью сказать, что населеніе, сосредоточившееся теперь въ городахъ, не распространится сколько-нибудь равномерно, какъ распространяется газъ или жидкость. Напротивъ того, процессъ распыленія непременно протечетъ толчками, приметъ форму спорадическаго выбрасыванія изъ города отдѣльныхъ семействъ, отдѣльныхъ группъ населенія. Къ этому вопросу намъ еще придется вернуться ниже. Вполнѣ понятно, что въ процессѣ распыленія городовъ далеко не послѣднюю роль сыграютъ національныя и расовыя различія людей. Но это обстоятельство должно послужить лишь переходной ступенью къ демократическому объединенію людей, къ смягченію контрастовъ между ними

Преданный спорту англичанинъ, жизнерадостный французъ, расчетливый американецъ... всякій проведетъ распыленіе своего города сообразно своему темпераменту, своимъ наклонностямъ, но конечные результаты всюду будутъ одни и тѣ же.

Возникаетъ вопросъ о томъ, какое вліяніе окажутъ всѣ эти процессы, связанные съ распыленіемъ большихъ городовъ, на тотъ многочисленный классъ людей, который находится въ болѣе сильной зависимости отъ экономическихъ условій жизни, чѣмъ классы людей болѣе или менѣе обеспеченныхъ. Возникновеніе городскихъ поселковъ, въ которыхъ находятъ пріютъ элементы сравнительно свободные и обеспеченные, до извѣстной степени уже можетъ служить отвѣтомъ на поставленный нами вопросъ. Поселокъ со временемъ непременно долженъ привлечь къ себѣ булочника, мясника, мелочного торговца, врача и учителя. При томъ развитіи техники, которое замѣчается въ наше время, можно съ увѣренностью предсказать, что въ недалекомъ будущемъ въ домъ, въ обыденное хозяйство проникнетъ цѣлый рядъ машинъ и аппаратовъ, уже изобрѣтенныхъ, но пока еще недоступныхъ среднему обывателю. Электричество должно завоевать себѣ права гражданства даже въ мелкомъ хозяйствѣ. И тогда всякое хозяйство будетъ нуждаться въ ремесленникѣ, могущемъ чинить и устанавливать такіе аппараты. вмѣстѣ съ тѣмъ должна возникнуть и разносная торговля мелкихъ аппаратовъ

и принадлежностей къ нимъ. Возникнуть цѣлые новые классы торговцевъ и мелкихъ техниковъ, которыхъ сейчасъ нѣтъ, потому что въ нихъ не ощущается потребности.

Телеграфъ и телефонъ, несомнѣнно, проникнуть въ поселокъ. Въ сколько-нибудь благоустроенныхъ поселкахъ уже теперь имѣются эти учрежденія. И вотъ къ поселкамъ потянутся кадры людей, работающихъ на телеграфъ и телефонъ. Въ концѣ-концовъ поселокъ, не разрастаясь въ городъ, потому что у него нѣтъ обмѣнной торговли съ другими, большими, или малыми центрами, потому что онъ только поглощаетъ, удовлетворяетъ свои потребности, даетъ своимъ жителямъ почти всѣ удобства города, оставаясь въ то же время деревней, снабженной культурными усовершенствованіями. Сходство съ деревней, помимо географическаго положенія и размѣровъ, должно еще увеличиться тѣмъ, что въ поселкахъ, несомнѣнно, возникнетъ земледѣліе, хотя бы въ видѣ огородной и садовой культуры. Но опять-таки поселокъ всегда будетъ обслуживать лишь свои нужды. На сторону продукты поселковаго хозяйства будутъ отдаваться развѣ лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ.

Жители поселка, селясь внѣ города, располагая возможностью на мѣстѣ имѣть кормъ для скота, непременно займется молочнымъ и птичнымъ хозяйствомъ. Слѣдовательно, явится потребность и въ людяхъ, способныхъ работать въ этой области.

Когда страна покроется сѣтью такихъ благоустроенныхъ поселковъ, они, несомнѣнно, соединятся между собою благоустроенными грунтовыми дорогами, тѣмъ болѣе, что къ тому времени во всеобщее употребленіе войдетъ автомобиль. Создается потребность въ гостиницахъ и въ мастерскихъ для ремонта механическихъ экипажей. Въ нѣсколько измѣненномъ видѣ возродится позсія прежняго передвиженія по грунтовымъ дорогамъ. И это, въ свою очередь, вызоветъ отливъ изъ города новыхъ элементовъ, въ видѣ рестораторовъ съ ихъ штабами, механиковъ и кузнецовъ, и т. д.

Словомъ, распыленіе города на поселки должно привести къ постепенному, но неуклонному отливу изъ города самыхъ разнообразныхъ элементовъ, начиная съ обезпеченныхъ классовъ, широко пользующихся благами жизни и кончая людьми, стоящими на низшей соціальной ступени, едва перебивающимися жалкимъ поденнымъ трудомъ.

Можно пойти еще дальше и представить себѣ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ областяхъ, что самая работа, которая теперь большею частью совершается въ городахъ, будетъ перенесена въ поселки. Понятно, что туда не будутъ перене-

сены крупныя торговыя и промышленныя учрежденія, для которыхъ необходимы постоянныя, близкія сношенія именно съ городскими элементами, ради которыхъ, какъ мы видѣли выше, и создались города.

Уже теперь многіе писатели и журналисты живутъ и работаютъ внѣ городовъ. Но, кромѣ представителей такого вполне свободнаго труда, внѣ города могутъ работать, и цѣлыя учрежденія, напримѣръ, редакціи книгоиздательствъ *).

Редакціонныя работы въ книгоиздательствѣ совсѣмъ не нуждаются въ дорогихъ городскихъ помѣщеніяхъ. Напротивъ того, эти работы должны протекать гораздо успѣшнѣе вдали отъ города, съ его шумомъ и лихорадочной торопливостью жизни. Прошли времена, когда для успѣха издательства, для успѣха книги нужно было лично объѣзжать вліятельныхъ людей и развозить экземпляры съ подписью „отъ глубоко преданнаго автора“. Даже газетная работа свободно можетъ производиться внѣ города, такъ какъ городскія новости и т. п. сообщаются обыкновенно сотрудниками вечеромъ, и сотрудникъ свободно можетъ для этого пріѣхать въ поселокъ или передать свѣдѣнія по телефону. Людямъ, не причастнымъ къ редакціи, въ редакціи дѣлать нечего, да и для самихъ работающихъ въ редакціи будетъ только пріятно избавиться отъ „личныхъ объясненій“, обычно только отнимающихъ время и раздражающихъ. Если изъ города выдѣлится хотя бы только одинъ элементъ литературныхъ работниковъ, это, какъ мы видѣли выше, сейчасъ же потянетъ за собою цѣлый рядъ другихъ элементовъ, такъ или иначе связанныхъ съ издательствомъ. Уйдутъ художники-иллюстраторы, можетъ-быть, даже уйдутъ изъ города наборныя, а въ городѣ останутся лишь печатни, въ которыхъ готовый, отлитый наборъ будетъ доставляться изъ поселковъ. Въ большихъ городахъ, гдѣ существуютъ десятки издательствъ, газетъ и журналовъ, такой отливъ лицъ, связанныхъ съ литературной профессіей, будетъ очень чувствителенъ, тѣмъ болѣе что вмѣстѣ съ этими людьми уйдутъ изъ города ихъ семьи, уйдетъ часть торговцевъ, ремесленниковъ, прислуги и т. д. которыхъ съ литературными работниками связываютъ экономическіе интересы.

Но издательство является лишь одной изъ областей, въ которыхъ работа вполне мыслима внѣ городовъ. Быть - можетъ,

*) Предсказанія автора въ этомъ направленіи уже сбываются. Даже въ Россіи можно назвать издательства, редакціи которыхъ находятся внѣ городовъ. Въ Москвѣ, напримѣръ, издаются два популярно-научныхъ журнала, редакція которыхъ находится во Владимірской губерніи.

со временемъ создадутся своего рода „профессиональные“ поселки, обитатели которыхъ сплошь будутъ связаны между собою общностью интересовъ. Каждый такой поселокъ будетъ имѣть свою особую физиономію: и строенія, и средства сообщенія и самый укладъ жизни—все въ немъ будетъ приурочено къ опредѣленной профессіи. Что въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго, мы видимъ даже на примѣрѣ большихъ городовъ, гдѣ непремѣнно можно найти „торговую часть“, „студенческій кварталъ“, „кварталъ музеевъ и галлерей“, гдѣ цѣлыя улицы приспособлены исключительно для жизни богатыхъ людей, а на другихъ улицахъ почти исключительно живутъ извозчики и т. д.

Можно съ полной увѣренностью предсказать, что рѣшающую роль въ процессѣ распыленія большихъ городовъ предстоитъ сыграть телефону. До сихъ поръ, по совершенно непонятнымъ причинамъ, устройство телефона составляетъ какую-то привилегію, монополію немногихъ обществъ. Благодаря этому, телефономъ могутъ пользоваться только состоятельные люди *). Но такое положеніе вещей должно измѣниться. Телефонъ перестанетъ быть средствомъ обогащенія и безъ того богатыхъ торговыхъ обществъ и сдѣлается общимъ народнымъ достояніемъ. И тогда телефономъ будутъ соединены между собою не только города и поселки, но и всѣ деревни. Нѣчто подобное уже осуществлено въ Даніи, гдѣ телефонъ можно найти буквально во всякой деревушкѣ. Но для этого необходимо, чтобы правительства отказались отъ мысли держать на откупѣ все, что служитъ для удобства и развитія населенія. Необходимо, чтобы такія учрежденія, какъ почта, телеграфъ и телефонъ разсматривались не съ точки зрѣнія ихъ доходности, не съ точки зрѣнія конкурентовъ между собою, а исключительно съ точки зрѣнія ихъ необходимости для населенія. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что настанетъ время, когда это скромное желаніе осуществится.

Телефонъ безусловно необходимъ для поселковой жпзпя. Только телефонъ можетъ совершенно устранить неудобства,

---

*) Въ Москвѣ, напримѣръ, въ чертѣ города годовой абонемента телефона стоитъ 75 рублей, и притомъ даже безъ мѣсячной разсрочки. Понятно, что внести такую сумму сразу можетъ далеко не всякій. Чтобы пользоваться телефономъ на разстояніи 1—2 десятковъ верстъ отъ Москвы, надо ежегодно платить 360 рублей и, кромѣ того, единовременно внести нѣсколько сотъ рублей на устройство линіи. Благодаря этому, загородныхъ телефонныхъ линій въ Москвѣ мало, каждая линія обслуживаетъ цѣлый рядъ поселковъ, при разговорахъ съ Москвой приходится долго ждать очереди и т. д. Словомъ, телефонъ перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть: удобнѣйшимъ изъ способовъ сношенія между людьми на разстояніи.

съ которыми пока связана работа внѣ города. Для хозяйки телефонъ дать возможность закупать все необходимое, не покидая своего жилища. Несомнѣнно, что телефонъ будетъ значительно усовершенствованъ. По какому направлению пойдетъ это усовершенствованіе, сказать трудно, но уже теперь мы имѣемъ полную возможность переговариваться за многія сотни верстъ, между городами. Когда телефонъ густой сѣтью покроетъ культурныя государства, даже купецъ или промышленникъ, который сейчасъ для личныхъ сношеній непременно долженъ работать въ городѣ, будетъ, сидя у себя въ кабинетѣ, въ поселкѣ, разговаривать со всѣми, кто ему нуженъ, торговаться, распоряжаться, покупать и продавать. Уже теперь крупные дѣльцы, для которыхъ расходъ на телефонъ совершенно нечувствителенъ, могли бы жить у себя въ имѣніи и въ то же время лично вести свои дѣла, имѣя въ кабинетѣ два-три телефонныхъ аппарата. Если же они этого не дѣлаютъ, то объясняется это только традиціей, привычкой къ старому.

По мѣрѣ удешевленія телефона, а также усовершенствованія почтовыхъ сношеній, будетъ исчезать потребность въ централизациі работъ. Люди получаютъ возможность совершать свой дневной трудъ, не затрачивая непроизводительно время на переѣзды. То, что мы теперь называемъ „городомъ“, какъ экономическая единица, останется, но распылится на мелкія частицы, разбросанныя на большомъ географическомъ пространствѣ. Исчезнетъ тотъ районъ, который, какъ мы видѣли выше, теперь опредѣляется продолжительностью переѣздовъ, потому что исчезнутъ сами переѣзды.

Какъ было неоднократно указано, переселеніе состоятельныхъ, распоряжающихся элементовъ за черту города должно повлечь за собою и переселеніе менѣе состоятельныхъ, такъ называемыхъ рабочихъ элементовъ. Нельзя предвидѣть, какія внѣшнія формы приметъ поселковая жизнь. Но во всякомъ случаѣ, какъ въ поселкахъ, такъ и на дорогахъ, не будетъ той грязи, тѣхъ очаговъ заразы, которые теперь сосредоточены въ городахъ. Самое слово „городъ“ будетъ звучать такъ же странно, какъ для насъ звучитъ слово „перекладный“, или „курьеръ“. Вѣроятно, создадутся особые „районы“, „округи“, въ которыхъ расположатся элементы, въ своей совокупности составляющіе теперь городъ. Такіе районы будутъ имѣть свое управленіе, свои правила. Какъ мы увидимъ дальше, такое распределеніе должно повлечь за собою и социальное переустройство, своего рода „распыленіе власти“, распыленіе, какое мы теперь видимъ, на примѣръ, въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Тамъ каждый штатъ имѣетъ свои

особые законы, свое вполне независимое правительство, но въ то же время всѣ штаты объединены Вашингтонскимъ правительствомъ. Можно еще указать на Германію, состоящую изъ цѣлаго ряда королевствъ и княжествъ. Какое-нибудь Ангальтское герцогство, съ 300 тысячъ населенія, имѣетъ своего коронованнаго повелителя, свои крошечные законы. Это герцогство занимаетъ площадь въ 2200 квадр. килом., въ то время, какъ Лондонъ занимаетъ площадь въ 305 квадр. килом. Такимъ образомъ Лондонъ лишь въ 7 разъ меньше цѣлаго герцогства, но въ то же время Лондонъ насчитываетъ 4.200.000 человекъ жителей, т.-е. въ 14 разъ больше, чѣмъ Ангальтское герцогство. Если когда-нибудь населеніе Лондона захочетъ расплыться, то для него потребуется пространство, равное по крайней мѣрѣ, двумъ Ангальтскимъ герцогствамъ (надо принять во вниманіе, что въ Ангальтѣ имѣются такіе промышленные центры, какъ Стассфуртъ, гдѣ населеніе очень густо).

Эти примѣры вполне наглядно показываютъ, въ какія социальныя единицы могутъ превратиться расплывшіеся на поселки города. Всѣ поселки такой единицы будутъ связаны общими интересами не меньше, чѣмъ ими теперь связаны жители одного города.

Когда совершится такое расплывленіе, измѣнится растительность, и измѣнится къ лучшему, хотя на первый взглядъ можно было бы ожидать обратнаго. Дѣло въ томъ, что городъ сейчасъ убиваетъ въ людяхъ естественное для человѣка стремленіе ухаживать за природой; тѣ же люди, въ которыхъ это стремленіе еще живо, лишены возможности слѣдовать ему. Это относится въ одинаковой степени какъ къ состоятельнымъ, такъ и къ трудящимся классамъ. Обезпеченный человѣкъ имѣетъ возможность лѣтомъ переселиться на дачу. На 3—3½ мѣсяца онъ получаетъ въ свое распоряженіе почти совсѣмъ необработанный клочокъ земли. Для него нѣтъ никакого расчета (въ концѣ-концовъ — расчетъ соблюдается всюду) заняться серьезной обработкой этого клочка. Человѣкъ не знаетъ даже, будетъ ли онъ жить на той же датѣ слѣдующее лѣто, а между тѣмъ сколько-нибудь серьезная культура, въ видѣ насажденія деревьевъ, кустовъ и т. д., въ то же лѣто результатовъ дать не можетъ. Въ виду такихъ соображеній, человѣкъ ограничивается тѣмъ, что сажаетъ кое-какіе однолѣтніе цвѣты, которые благополучно погибаютъ осенью. И на слѣдующее лѣто начинается то же. Земля истощается. Даже за существующими посадками никто не ухаживаетъ, и черезъ 10—15 лѣтъ получается та чахлая растительность, которая даже получила специальную презрительную кличку „дачной“.

Когда человекъ, селясь даже на чужой, арендованной землѣ, знаетъ, что ему предстоитъ пользоваться ею въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, онъ непременно займется культурой растительности даже въ томъ случаѣ, если раньше, живя въ городѣ, онъ былъ совершенно чуждъ этому занятію. Понятно, что отъ этого прироста только выиграетъ.

Яркимъ доказательствомъ справедливости сказаннаго служатъ существующіе подгородные поселки. Сады этихъ поселковъ даже неопытный глазъ отличить отъ обычныхъ дачныхъ садовъ

Во многихъ фабричныхъ районахъ за послѣднее время стали возникать лѣтніе рабочіе поселки. Каждый рабочій имѣетъ въ своемъ распоряженіи крошечный клочокъ земли, иногда всего нѣсколько квадратныхъ саженей. Кому приходилось видѣть такіе поселки, тотъ никогда не забудетъ ихъ. На крошечномъ пространствѣ непременно стоитъ фруктовое деревцо, высятся нѣсколько ягодныхъ кустиковъ, взрыты небольшія грядки съ овощами, устроены клумбочки съ незатѣйливыми цвѣтами.

Стремленіе къ природѣ, лучшее и самое жизненное чувство въ человекѣ, не покидаетъ его даже тогда, когда условія, казалось бы, складываются для него самымъ неблагоприятнымъ образомъ.

На окраинахъ большихъ европейскихъ городовъ, напримѣръ, Берлина, есть большіе пустыри, еще недавно служившіе для свалки мусора. Трудно себѣ представить менѣе благоприятную почву для культуры растений. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ городскія управленія отвели часть этихъ пустырей подъ колоніи для рабочихъ семействъ. У бѣдняковъ не было, да и сейчасъ нѣтъ средствъ построить себѣ дома. Изъ досокъ, старыхъ дверей и т. п., они кое-какъ соорудили подобіе большихъ собачьихъ копуръ и въ этихъ конурахъ лѣтомъ ютятся ихъ семьи. Ребятишки и сами рабочіе понесли на свои крошечные участки землю и... среди мусора развели садикъ. Такія колоніи, пятномъ выдѣляющіяся среди мусорной пустыни, положительно поражаютъ. Все только что сказанное лучше всякихъ разсужденій доказываетъ, что города съ ихъ камешными домами и улицами не удовлетворяютъ человека, что рано или поздно они должны исчезнуть, или, вѣрнѣе, видоизмѣниться.

И такъ, когда люди изъ городовъ перейдутъ въ поселки, природа улучшится. Жизнь станетъ привлекательнѣе и главное исчезнетъ та первая спѣшка, которая неразрывно связана съ жизнью современнаго большого города

Пути сообщенія, конечно, разовьются, но человекъ, ставшій ближе къ природѣ, инстинктивно будетъ стремиться къ тому,

чтобы пути сообщенія не портили природу. вмѣсто безобразныхъ желѣзныхъ дорогъ, способныхъ придать казарменный видъ всякому ландшафту, между утопающими въ зелени поселками, пройдутъ обсаженные деревьями грунтовыя дороги, по которымъ будутъ носиться автомобили, или какія-нибудь другія силовыя повозки. Къ тому времени, вѣроятно, запасъ топлива истощится настолько, что силовыя машины будутъ приводиться въ движеніе не паромъ и не жидкимъ топливомъ. Огромныя центральныя электрическія станціи будутъ работать вѣтряными, водяными или солнечными двигателями, и по подземнымъ кабелямъ разсылать электрическую энергію по всѣмъ направленіямъ. Слѣдовательно, исчезнутъ дымовыя трубы, а вмѣстѣ съ ними исчезнетъ и безобразный дымъ, отравляющій теперь окрестность всякой фабрики.

Разъ исчезнетъ необходимость каждый день передвигаться отъ жилища къ мѣсту работы и обратно, значительно сократится и надобность въ путяхъ сообщенія. Послѣдніе главное значеніе будутъ имѣть для перемѣщенія товаровъ. Словомъ, вся обстановка жизни съ распыленіемъ большихъ городовъ должна значительно улучшиться. Нарисовать сколько-нибудь полную картину этой жизни будущаго, конечно, невозможно, но въ общихъ чертахъ она должна быть такой, какой мы ее намѣтили.

Въ заключеніе этой главы надо сказать нѣсколько словъ о томъ, какое вліяніе должно оказать распыленіе городовъ на деревню. Городъ распадется на массу отдѣльныхъ ячеекъ. Городъ, не переставая существовать, раскинется въ пространство, какъ рассыпаются мелкія капли ртути. Но между этими ячейками, въ которыхъ до извѣстной степени сохранится духъ города, деревня будетъ жить своими интересами. Земледѣліе, скотоводство и огородничество, рыболовство, охота и т. д., будутъ продолжаться попрежнему, и попрежнему сельскіе продукты будутъ сосредоточиваться на городскихъ рынкахъ. Сельское населеніе никогда не сольется съ городомъ всецѣло, потому что у земледѣльца и у горожанина слишкомъ различны жизненныя интересы. Даже внутри города невозможно полное сліяніе всѣхъ жителей. Интересы извозчика и банкира, полицейскаго и литератора, и т. д., всегда будутъ различны. Но распыленіе городовъ, приблизивъ культурные элементы къ деревнѣ, должно оказать на послѣднюю благотворное вліяніе, какъ въ духовномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ. Земледѣлецъ, скотоводъ, или огородникъ, вынужденный теперь сбывать свои продукты скупщикамъ за гроши, вынужденный нерѣдко тратить массу времени и денегъ на поѣздку въ го-

родъ, тогда будетъ сбывать свои продукты непосредственно потребителю, почти на мѣстѣ. Въ лицѣ своихъ поселковыхъ ячеекъ, городъ самъ придетъ въ деревню. То развращающее вліяніе, которое на деревню оказываетъ городъ теперь, онъ тогда едва ли сможетъ оказывать, потому что сами расплывшіяся ячейки должны освободиться отъ специфическихъ условий, дѣлающихъ теперь городскую жизнь совсѣмъ непохожей на жизнь сельскаго обывателя, скажемъ прямо—на нормальную человѣческую жизнь.

Читатель можетъ спросить, почему мы, говоря о грядущемъ расплытіи городовъ, объ измѣненіи соціальныхъ условий, вплоть до сліянія города съ деревней, ни однимъ словомъ не упомянули о государствахъ, о народностяхъ. На это мы отвѣтимъ, что государства и народности, вообще, всѣ тѣ искусственныя размежеванія, которыми связали себя люди, въ будущемъ, когда люди научатся быть свободными, должны принять формы, настолько отличающіяся отъ современныхъ формъ, что говорить о грядущихъ соціальныхъ и политическихъ переворотахъ можно только тогда, когда болѣе или менѣе опредѣленно будутъ выяснены возможные перевороты экономическіе и техническіе.

Въ дальнѣйшемъ мы посвятимъ главу разбору политическихъ возможностей будущаго, но эта глава будетъ отличаться краткостью, потому что въ области политики можно быть удачнымъ пророкомъ несравненно меньше, чѣмъ въ какой бы то ни было другой области.

III.

Война въ XX вѣкѣ.

За послѣднія десятилѣтія техника вообще, и техника уничтоженія людей въ частности, сдѣлала такіе грандіозные успѣхи, что въ области войны положительно не знаешь, какія завтра могутъ открыться новыя перспективы. Хотя это далеко не всегда удается, но отдѣльныя государства стараются до послѣдней возможности держать въ секретѣ изобрѣтенія, сдѣланныя въ военномъ дѣлѣ. Поэтому нѣтъ почти никакой возможности предсказать, т.-е. разсчитать, съ большей или меньшей вѣроятностью, какая изъ великихъ державъ окажется болѣе сильной въ слѣдующей войнѣ... если только такая война возникнетъ.

Если только такая война возникнетъ...

Много признаковъ говорятъ за то, что такая война не возникнетъ. Поразительный успѣхъ воздухоплаванія общааетъ

сдѣлать войну невозможной, по крайней мѣрѣ, войну въ той формѣ, въ какой человечество ее знало до сихъ поръ.

Война на сушѣ или на морѣ немислима уже теперь, когда нѣсколько воздушныхъ крейсеровъ могутъ не только безнаказанно слѣдить за всѣми дѣйствіями противника, но и уничтожить этого противника при помощи взрывчатыхъ веществъ. Для того, чтобы парализовать дѣйствія арміи, нѣтъ даже надобности нападать на самую армію, подвергать себя опасности разстрѣла, хотя эта опасность совершенно ничтожна: несмотря ни на какіе успѣхи артиллерійскихъ вычисленій, несмотря на всѣ усилія Круппа создать орудіе, которое вертѣлось бы во всѣ стороны, чуть ли не съ быстротой флюгера въ бурю, попасть въ аэроплатъ или аэропланъ, парящій на высотѣ нѣсколькихъ сотъ сажени и имѣющій возможность каждое мгновение измѣнить направленіе полета. (Звукъ распространяется съ быстротой около 160 сажени въ секунду; первоначальная скорость полета снаряда, выброшеннаго орудіемъ, могущимъ поразить тѣло, парящее надъ нимъ по вертикальной линіи, равняется 170—200 сажени въ секунду. Въ хорошей бинокль сверху легко можно замѣтить приготовленія къ выстрѣлу, и даже уловить самый моментъ выстрѣла, и въ тотъ моментъ, когда снарядъ долженъ поразить воздушный крейсеръ, послѣдній будетъ далеко отъ того мѣста, въ которое былъ взятъ прицѣлъ).

Однако, даже этой опасности воздушные крейсера подвергать себя не имѣютъ надобности. Достаточно прервать подвозъ къ арміи снарядовъ и припасовъ, достаточно поразить, частью разрушить нѣсколько стратегическихъ пунктовъ, не говоря уже о пораженіи столицы воюющей страны—и война кончится сама собой.

На это можно возразить, что воздушные крейсера находятся въ распоряженіи обѣихъ воюющихъ сторонъ, что, слѣдовательно, обѣ стороны могутъ понести одинаковое пораженіе.

Тѣмъ лучше!

Въ такомъ случаѣ не только прекратится война, но и не будетъ побѣдителя, т.-е. не будетъ толпы вооруженныхъ людей, которые, въ опьянѣннн побѣды, могутъ принести побѣжденному противнику, въ лицѣ какъ его арміи, такъ и мирнаго населенія непоправимый вредъ, не оправдываемый никакими законами, ни человѣческими ни божескими.

Однако пока воздухоплаваніе еще не достигло той высокой ступени развитія, на которой оно сможетъ прекратить войну навсегда, приходится считаться съ ближайшимъ будущимъ, приходится предусматривать тѣ возможности, которыми способно подарить намъ это будущее.

Какъ въ области промышленности, такъ и въ области военного дѣла машины и техническія знанія властно выступаютъ на первый планъ. Еще въ недалекомъ прошломъ кавалерія, конница играла рѣшающую роль въ сраженіяхъ. „Лавина“ одѣтыхъ въ латы людей, несущихся на лошадяхъ, сметала на своемъ пути гѣхоту. Мы не будемъ говорить о среднихъ вѣкахъ, когда тяжелыя латы покрывали не только бойца, но и его коня. Мы укажемъ на опытъ послѣднихъ войнъ, когда кавалерія нерѣдко приходилось рѣшать исходъ сраженія: боевая линія, ослабленная и разстроенная артиллерійскимъ огнемъ противника, способна оказать кавалерійской атакѣ лишь ничтожное сопротивленіе.

Съ другой стороны, дальнобойныя ружья и орудія сколько-нибудь способной къ бою части уже теперь дѣлаютъ кавалерійскую атаку весьма рискованной. Достаточно нѣсколькихъ десятковъ мѣткихъ выстрѣловъ, чтобы несущаяся карьеромъ кавалерія пришла въ замѣшательство и чтобы атака не удалась.

Современное оружіе, достаточно дальнобойное, страдаетъ многими несовершенствами, которыя не позволяютъ вполне использовать именно дальнобойность, т.-е. самое цѣнное его качество. Прицѣлъ на разстояніи нѣсколькихъ верстъ возможенъ только при помощи телескопическихъ визировъ, т.-е. при помощи хорошихъ зрительныхъ трубъ, снабженныхъ прицѣльными дисками съ крайне точнымъ, микроскопическимъ дѣленіемъ. Пока такихъ прицѣльныхъ приборовъ нѣтъ, ружейный огонь въ современной войнѣ почти бесполезенъ, потому что артиллерійскій огонь на значительно большемъ разстояніи приноситъ противнику гораздо больше вреда.

Быть-можетъ, ружье со временемъ превратится въ такой точный инструментъ, быть-можетъ, ручное оружіе выльется въ особую форму пулеметовъ, т.-е. будетъ выпускать огромное количество пуль, разбрасывать ихъ непрерывной струей. Возможно, что въ ближайшемъ будущемъ уничтожится обычай вооружать каждаго солдата отдѣльнымъ ружьемъ: то, что мы теперь зовемъ пулеметами, превратится въ болѣе легкое орудіе, которое два солдата будутъ везти на небольшой телѣжкѣ, или на велосипедѣ, съ огромнымъ запасомъ патронныхъ лентъ. Спрятавшись въ какой-нибудь почвенной складкѣ, нѣсколько такихъ пулеметовъ, пользуясь бездымнымъ порохомъ, и только что изобрѣтеннымъ глушителемъ *), могутъ уничтожить про-

*) Одинъ американскій инженеръ изобрѣлъ цилиндръ, внутри котораго находится большое количество пружинныхъ камеръ. Этотъ цилиндръ навинчивается на дуло ружья, револьвера или даже пушки

тивника, во много разъ превышающаго ихъ численностью, потому что противникъ долго не сможетъ опредѣлить, откуда на него несется смерть.

До тѣхъ поръ, пока не выступятъ непобѣдимые воздушные крейсера, скорострѣльные команды, способныя сѣять пули безъ дыма и звука, невидимыя для противника, могутъ, засѣвъ въ складкахъ или хорошо замаскированныхъ ложементахъ, обезопасить подвозъ фуража, провіанта и снарядовъ огромной арміи.

Правда, противникъ можетъ, какъ говорятъ военные, „нащупать“ артиллерійскимъ огнемъ мѣста, гдѣ скрываются такія команды, но послѣднія, благодаря своей подвижности, легко могутъ уходить, замѣтивъ, что ихъ „нащупываютъ“.

Такимъ образомъ, цѣль скорострѣльныхъ командъ, каждая въ составѣ нѣсколькихъ человекъ, можетъ долго сдерживать напоръ сильнаго противника. Кавалерія противъ такихъ скрытыхъ командъ совершенно безсильна.

Извѣстный политикъ М. Блокъ полагаетъ, что, при столкновеніи Западной Европы съ Россіей прежде всего произойдутъ кавалерійскія стычки. Однако есть всѣ основанія полагать, что въ дѣйствительности такихъ стычекъ не произойдетъ. Небольшія группы велосипедистовъ съ легкими скорострѣльными орудіями понесутся врагу навстрѣчу, зарожутся въ землю и буквально засыплютъ кавалерію пулями. Такъ какъ выстрѣлы безшумны и бездымны, то цѣль всего изъ двухъ рядовъ стрѣлковъ способна задержать очень сильнаго непріятели. Вообще, на русской границѣ кавалерійская борьба мыслима менѣе, чѣмъ на какой-либо другой границѣ, такъ какъ русская западная граница слишкомъ растянута.

Скорѣе можно предположить, что война ближайшаго будущаго выльется въ форму состязанія между стрѣлками, которые будутъ стараться поразить другъ друга изъ засады. Убыль въ такой линіи стрѣлковъ, вѣроятно, придется пополнять при помощи подземныхъ ходовъ.

Пуля или снарядъ пронесется между камерами, не задѣвая ихъ, но газы, которые развиваются при взрывѣ пороха и которые вызываютъ сотрясеніе воздуха, т.-е. грохотъ выстрѣла, распределяются по камерамъ, приводятъ въ движеніе пружины, теряютъ значительную часть своей живой силы и выходятъ изъ этого *глушителя* настолько уравновѣшенными, что, напримѣръ, револьверный выстрѣлъ не слышенъ въ сосѣдней комнатѣ, за легкой перегородкой.

Это изобрѣтеніе настолько успокоило американскія власти, что въ началѣ 1909 года въ Сѣверной Америкѣ слѣшно былъ изданъ законъ, согласно которому не только примѣненіе, но даже храненіе такого глушителя карается долгимъ тюремнымъ заключеніемъ, безъ замѣны штрафомъ.

Возможно, что нѣкоторые государства будутъ содержать постоянное войско, но, съ одной стороны, это будетъ продолжаться недолго, съ другой же—война, въ томъ видѣ, въ какомъ мы ее знаемъ сейчасъ, все-таки будетъ невозможна. Въ войнѣ даже самаго ближайшаго будущаго не будетъ никакихъ командировъ. Гдѣ-нибудь, въ хорошо защищенномъ мѣстѣ, соединенномъ телефонными линиями со стрѣлковыми цѣпами, будетъ сидѣть начальникъ, котораго можно уже теперь сравнить съ шахматнымъ игрокомъ. Между этимъ центромъ и боевой линіей, на огромномъ пространствѣ, будетъ готовъ цѣлый рядъ новыхъ ложементовъ, спрятанныхъ за всевозможными естественными и искусственными прикрытіями. Если, въ силу какихъ-либо условій, будетъ вытѣснена передовая линія, наступающій противникъ встрѣтитъ на своемъ пути вторую линію, третью и т. д. Воздушные крейсера уже теперь достигли такой степени развитія, что свободно могутъ не только наблюдать за движеніями противника, но и обстрѣливать его. Словомъ, въ самомъ ближайшемъ будущемъ война должна вылиться въ такія формы, при которыхъ она станетъ невозможной.

Развитіе военнаго дѣла и, главное, военной техники уничтожитъ войну.

Такъ какъ война при измѣнившихся условіяхъ перестанетъ быть стихійной и такъ какъ, съ другой стороны, правовыя отношенія между людьми съ каждымъ годомъ принимаютъ все болѣе опредѣленныя формы, то въ войнѣ будущаго, несомнѣнно, не будетъ тѣхъ нарушеній правъ мирныхъ жителей, которыя до сихъ поръ считались неизбѣжными спутниками войны. Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что во время войны появятся надписи:

— Просить не топтать этотъ лугъ.

— Рвать цвѣты и ломать кусты здѣсь воспрещается и т. д.

Уже теперь личная храбрость и сила на войнѣ далеко не имѣютъ того значенія, которое онѣ имѣли нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ. Теперь знанія стоятъ неизмѣримо выше этихъ личныхъ качествъ.

Вмѣстѣ съ исчезновеніемъ обширнаго войска исчезнетъ, вѣроятно, и особая военная форма, какъ съ теченіемъ времени исчезла спеціальная одежда дворянъ. Развѣ лишь въ особыхъ случаяхъ солдаты и офицеры надѣнутъ на себя какіе-либо отличительные знаки *).

*) Какъ у насъ дворяне и именитые купцы - благотворители надѣваютъ треуголки и медали, отправляясь на богослуженію въ царскій день.

Войско будетъ существовать и въ мирное время, но каждый солдатъ и каждый офицеръ этого войска будетъ зарабатывать себѣ хлѣбъ мирнымъ трудомъ. По опредѣленному сигналу все люди, умѣющіе обращаться съ оружіемъ, пойдутъ противъ общаго врага, а тѣ, которые съ оружіемъ обращаться не умѣютъ, будутъ готовить, упаковывать и отправлять воюющимъ провіантъ и военные припасы.

Въ мирное время, въ свободные часы, массы будутъ заниматься упражненіями съ оружіемъ. Велосипедъ и автомобиль будутъ изучаться, съ точки зрѣнія войны. И, когда дѣйствительно разразится война, велосипедъ и автомобиль сослужатъ великую службу.

Но если каждое государство, каждый народъ въ дѣйствительности будутъ всегда находиться въ полной боевой готовности, не затрачивая на это тѣхъ безумныхъ средствъ, которыя затрачиваются на милитаризмъ теперь, если эти средства будутъ употреблены на удовлетвореніе культурныхъ потребностей народовъ, то война сама по себѣ станетъ абсурдомъ, потому что культурные, овладѣвшіе всѣми тонкостями техники народы не рѣшатся начать страшное дѣло взаимнаго уничтоженія.

Война будущаго, если только она возникнетъ, будетъ, помимо техническихъ усовершенствованій, опираться на быстроту передвиженія людей спарядовъ и орудій. Какъ уже было сказано выше, небольшой летучій отрядъ, вооруженный мѣткими скорострѣльными пушками, бездымными и безшумными, способенъ не только привести въ замѣшательство, но положительно уничтожить несравненно болѣе многочисленнаго и сильнаго противника. Съ другой стороны, противникъ, наткнувшійся на такую стрѣлковую цѣпь, будетъ стараться растянуть свою линію, согнуть стрѣлковую цѣпь въ длинную дугу и заставить ее разорваться. Для того, чтобы командующіе могли постоянно слѣдить за этой шахматной игрой, конечно, будутъ пущены въ ходъ воздушные корабли. Свѣтовыми сигналами или при помощи телефона, наблюдатели съ воздушныхъ шаровъ, пользуясь точными картами, опредѣлятъ положеніе стрѣлковыхъ командъ, и артиллерія останется только разстрѣлять ихъ. Безчисленное количество такихъ воздушныхъ „глазъ“ днемъ и ночью будутъ наблюдать свои и враждебныя войска, и одно ихъ присутствіе сдѣлаетъ войну безцѣльной *).

*) Любопытно отмѣтить, что Уэльсъ, отличающійся поразительнымъ остроуміемъ и проицательностью, буквально писалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ:

„Кто знакомъ съ работами Ланглей, Пилькера, Максима, Лилленталя и др., тотъ не усомнится въ томъ, что до 2000 года совершится удач-

Конечно, как сухопутные войска, так и команды воздушных крейсеровъ будутъ стараться уничтожить такіе „глаза“ противника, и въ тотъ моментъ, когда погибнетъ послѣдній „глазъ“, результатъ сраженія будетъ ясенъ: слѣпой не можетъ сражаться съ зрячимъ, особенно тогда, когда сраженіе ведется на разстояніи.

Невозможно предвидѣть, какъ именно поведется борьба противъ воздушныхъ наблюдателей. Вѣроятно же всего, что для этой цѣли будутъ построены дальнобойные пулеметы, при помощи которыхъ можно будетъ буквально забросать снарядами огромное воздушное пространство. Можетъ-быть, на сцену появится какое-нибудь изобрѣтеніе, позволяющее передавать взрывы на разстояніе... *) Здѣсь предсказанія граничатъ съ фантазіей.

Однако до сихъ поръ мы все время говорили о войнѣ на сушѣ. А между тѣмъ интересы всѣхъ великихъ державъ, т.-е. тѣхъ народовъ, отъ которыхъ зависитъ объявленіе войны, тѣсно связаны съ водой, съ морями и океанами.

Что же сулитъ намъ война на водѣ?

Въ настоящее время все вниманіе военной морской техники обращено на сооруженіе гигантскихъ броненосцевъ, настоящихъ пловучихъ крѣпостей, защищенныхъ толстыми панцирными стѣнами. Правда, эти бронированные колоссы представляютъ собою могучую боевую единицу, но у нихъ есть и свои огромные недостатки. Они недостаточно подвижны; несмотря на ихъ бронировку, они слишкомъ уязвимы для снарядовъ, потому что слишкомъ велики, видны на слишкомъ большомъ разстояніи. Невольно рисуется типъ небольшого военного судна, низкобортного, мало замѣтнаго, но въ то же время прекрасно защищеннаго толстой броней. Такое судно должно сплошь состоять изъ складовъ снарядовъ, мастерскихъ, орудій и машинъ. Ничего лишняго! Это—тѣ же самые скрытые стрѣлки, съ которыми такъ трудно бороться на сушѣ. Дальнобойными орудіями стрѣляющими безъ шума и дыма, можно сокрушить современныхъ морскихъ великановъ, не подвергаясь почти никакой опасности. Весьма возможно, что въ ближай-

ный полетъ перваго аэроплана. Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что такой полетъ будетъ совершенъ еще и до 1950 года“

Дѣйствительность опередила даже смѣлый полетъ фантазіи Уэльса... Въ 1909 году человекъ окончательно завоевалъ воздушную стихію.

*) Невольно вспоминается русскій ученый Филипповъ, который, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, погибъ, разрабатывая именно вопросъ о передачѣ разрушительнаго дѣйствія взрывовъ на разстояніе. Филипповъ утверждалъ, что это вполне возможно. Вѣроятно, предчувствія Уэльса въ этомъ направленіи не обманываютъ его...

шечь будущемъ будутъ найдены могучіе двигатели, не нуждающіеся въ топливѣ,—двигатели, которые можно будетъ „зарядить“ энергіей на очень продолжительное время. Явится военный флотъ, болѣе свободный на морѣ, чѣмъ птица въ воздухѣ. Онъ не будетъ привязанъ ни къ какимъ угольнымъ или другимъ станціямъ, онъ въ любой моментъ сможетъ появиться тамъ, гдѣ его меньше всего ожидаютъ, и... морская война станетъ такой же невозможностью, какъ война на сушѣ.

Вообще, въ области войны съ поразительной послѣдовательностью осуществляется принципъ:

„Чѣмъ хуже—тѣмъ лучше“.

Заговоривъ о морской войнѣ, необходимо сказать нѣсколько словъ о подводныхъ лодкахъ и о береговой оборонѣ.

Самая богатая фантазія отказывается представить себѣ, какую роль въ будущемъ суждено играть подводной лодкѣ, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, въ которомъ она развивается теперь.

Что бы ни говорили специалисты морского дѣла, но подводная лодка съ людьми на борту не можетъ считаться сколько-нибудь серьезнымъ оружіемъ нападенія или защиты. Подводная лодка надъ водой представляется совершенной бессмыслицей. При современномъ состояніи артиллерійскаго дѣла такую лодку разстрѣляютъ прежде, чѣмъ она успѣетъ подойти къ врагу на разстояніе, съ котораго можно выстрѣлить миной. Съ того же мгновенія, когда лодка, закрывъ всѣ свои отверстия, погрузилась въ воду, для управляющихъ ею людей начинается настоящая пытка. Люди, плававшіе въ подводныхъ лодкахъ, описываютъ свои ощущенія такимъ образомъ: „черезъ нѣсколько минутъ послѣ погруженія начинается кружиться голова. Чувствуется шумъ въ ушахъ. Руки и ноги тяжелѣютъ. Черезъ четверть часа въ глазахъ появляются цвѣтные круги. Болѣе получаса непривычному человѣку выдержать подъ водой очень трудно“.

Другими словами, команда подводной лодки испытываетъ то же самое, что испытываетъ водолазъ, а водолазное дѣло справедливо считается самымъ труднымъ на водѣ.

Самыя совершенныя приспособленія не могутъ дать въ пагучо закрытой коробкѣ тотъ чистый воздухъ, которымъ человѣкъ дышитъ надъ водой и землей, но главное зло состоитъ въ томъ, что въ подводной лодкѣ очень трудно удалить газы, которые выдыхаютъ люди, и именно эти газы черезъ нѣкоторое время вызываютъ всѣ признаки отравленія.

Люди, находящіеся въ описанномъ состояніи, не могутъ обладать тѣмъ хладнокровіемъ, той ясностью мысли, которыя

необходимы во время боя. Наскоро брошенная мина не попадает въ непріятеля и... лодка утрачиваетъ всякое значеніе.

Но предположимъ даже, что люди въ подводной лодкѣ чувствуютъ себя прекрасно. Дѣло отъ этого выигрываетъ очень мало. Для того, чтобы успѣшно нападать, надо видѣть того, на кого нападаешь. Когда лодка погружена на очень небольшую глубину, можно пользоваться перископомъ *), но при спокойномъ морѣ и, особенно, при солнечной погодѣ, перископъ легко замѣтитъ и, цѣлясь въ него, разстрѣлать лодку, а при зыби, не говоря уже о сильной волнѣ, перископъ постоянно „ныряетъ“ и въ него ничего не видно.

Когда лодка погружается хотя бы на 3—4 аршина, она окончательно дѣлается „слѣпой“ и ею можно сражаться такъ же успѣшно, какъ можно человѣку съ завязанными глазами стрѣлять въ тигра среди камышей...

Самый районъ дѣйствія подводной лодки крайне ограниченъ: не болѣе 100 верстъ, а за 50 верстъ въ морѣ, при пользованіи хорошимъ биноклемъ, можно разглядѣть плывущаго человѣка.

Разъ непріятель замѣтилъ лодку, онъ прежде всего постарается обезопасить себя отъ нападенія, опуститъ вокругъ себя стальную сѣть, и т. п., а затѣмъ—приложить всѣ старанія, чтобы уничтожить ее. Итти 100 верстъ глубоко подъ водой почти невозможно, а надъ водой грозитъ разстрѣлъ. Въ такомъ положеніи оказывается лодка, нападающая днемъ.

Остается ночная атака. Ночью, правда, лодку труднѣе замѣтитъ, чѣмъ днемъ, но, широко пользуясь электрическими прожекторами, замѣтитъ ее все-таки можно. На морскихъ маневрахъ, по крайней мѣрѣ, лодки почти никогда не оставались незамѣченными.

Въ то же время лодка, погружившись въ воду, остается совершенно слѣпой, потому что ночью въ перископъ рѣшительно ничего не видно.

Такимъ образомъ лодка ночью рискуетъ не меньше, чѣмъ днемъ, а шансовъ на успѣхъ ночной атаки безусловно меньше, чѣмъ атаки дневной **).

*) *Перископъ*—особая система стеколъ и призмъ, при помощи которой можно, находясь въ закрытой лодкѣ, видѣть то, что дѣлается надъ водой. Главная часть перископа, укрѣпленная на тонкой трубѣ, имѣющей видъ короткой мачты, для этого должна оставаться надъ водой, а по трубѣ изображеніе отбрасывается внизъ въ лодку.

**) Еще лѣтомъ текущаго 1909 года около Севастополя во время маневровъ, при ночной атакѣ, погибла подводная лодка „Камбала“, съ 16-ю человѣками команды. Всѣ морскіе авторитеты высказались за то, что *ночная* атака подводной лодки не можетъ быть успѣшной. Такимъ образомъ соображенія Уэльса подтвердила сама жизнь.

Подводная лодка может имѣть кое-какое значеніе только въ рѣкахъ и гаваняхъ, но здѣсь гораздо удобнѣе и вѣрнѣе пользоваться подводными лодками, которыя, при помощи электричества, можно взорвать въ любой моментъ.

Помѣшать высадкѣ съ флота неприятельскихъ войскъ подводныя лодки не могутъ, потому что, прежде всего, нѣтъ надобности высаживаться непременно въ хорошо защищенномъ портѣ: можно высадиться и на берегу не защищенномъ, побѣдивъ въ открытомъ морѣ флотъ врага, а затѣмъ—высадку войскъ подготовить и защитить воздушный флотъ, который можетъ уничтожить подводныя лодки еще до ихъ отправленія. И чѣмъ длиннѣе береговая полоса страны, тѣмъ труднѣе она поддается защитѣ. Въ будущемъ, даже ближайшемъ, перевѣсъ неизмѣнно долженъ оказаться на сторонѣ того противника, который сумѣетъ обезпечить себѣ господство на морѣ. Только владея моремъ, можно дѣйствительно отрѣзать страну противника отъ остального міра. При этомъ, конечно, важное значеніе имѣетъ и воздушный флотъ, но одинъ воздушный флотъ, безъ поддержки съ моря, едва ли въ состояніи играть рѣшающую роль.

До сихъ поръ мы говорили о технической сторонѣ войны будущаго. Но, въ концѣ-концовъ, всякая война ведется людьми, которые болѣе или менѣе должны приспособиться къ наличнымъ техническимъ условіямъ.

Прошло время, когда отъ войскъ требовались физическая сила и безумная храбрость. Уже теперь успѣхъ сраженій зависитъ не отъ силы и не отъ храбрости сражающихся, а отъ ихъ знаній и умѣнія пользоваться этими знаніями.

Послѣднія войны показали, что хорошо рассчитанный артиллерійскій огонь, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ, вносить въ ряды противника такое разстройство, что о серьезномъ сопротивленіи ружейной, кавалерійской или даже пѣхотной атакѣ нечего и думать. Но въ послѣднихъ войнахъ противника приходилось „нащупывать“, приходилось рисковать лучшими боевыми силами, высылая впередъ лазутчиковъ, чтобы хотя приблизительно опредѣлить, гдѣ находится противникъ. До сихъ поръ война была похожа на игру „въ жмурки“, гдѣ каждый старается скрыть свои движенія, а нападающій движется впередъ „наугад“.

Воздушные крейсера-развѣдчики снимутъ повязки съ глазъ противниковъ. Расположеніе силъ неприятеля перестанетъ быть тайной. Слѣдовательно, весь вопросъ сведется къ тому, чтобы возможно успѣшнѣе уничтожить или, по крайнѣй мѣрѣ, обезсилить противника, бросить въ его ряды возможно большее

количество смертоносных снарядовъ. А для этого, главнымъ образомъ, нужно знаніе математики, нужны хладнокровіе и вѣрный глазъ. Для того, чтобы установить орудіе подъ опредѣленнымъ угломъ, чтобы вычислить этотъ уголъ и, при помощи таблицъ, опредѣлить, на сколько линий нужно поставить дистанціонную взрывную трубку въ снарядѣ, не нужно ни силы ни храбрости...

Въ будущемъ война изъ схватокъ, подернутыхъ дымкой героизма, неизбежно превратится въ строго рассчитанное массовое убійство „по всѣмъ правиламъ науки“.

И чѣмъ отвратительнѣе, чѣмъ циничнѣе будетъ это взаимное уничтоженіе людей, исповѣдующихъ великую религію любви, тѣмъ ближе будетъ часъ, когда это уничтоженіе станетъ невозможнымъ, потому что... однимъ нажимомъ какого-нибудь рычага можно будетъ вносить гибель въ цѣлыя области, въ ряды сотенъ тысячъ людей.

Предвидѣть, когда наступитъ этотъ часъ, пока еще трудно, но мы быстро идемъ къ нему.

А поэтому...

Будемъ радоваться всякому новому средству для массоваго истребленія людей.

Всякое такое средство приближаетъ насъ къ общему миру!

IV.

Языкъ будущаго.

Вполнѣ естественно, что вмѣстѣ съ тѣми измѣненіями, которыя въ будущемъ должны произойти во всѣхъ областяхъ человѣческой жизни, должны измѣниться и условія распространенія разговорнаго языка. Разговорный языкъ создается и, главное, распространяется подъ давленіемъ необходимости, въ зависимости отъ политическихъ и социальныхъ условій. Языкъ народа, компактно живущаго въ своей странѣ, и не имѣющаго колоній, не имѣетъ никакихъ шансовъ на широкое распространеніе *).

Напротивъ того, языкъ народовъ, ведущихъ торговля и культурныя сношенія съ разными частями свѣта, владѣющихъ колоніями, распространяется очень широко.

*) Русский языкъ, напримѣръ, до сихъ поръ не вышелъ за предѣлы Россіи, несмотря на то, что Россія раскинулась на двѣ части свѣта—Европу и Азію. Только за самое послѣднее время въ Германіи и Японіи введено изученіе русскаго языка, но вызвано это обстоятельствами, для Россіи далеко не благоприятными: Японія и Германія сильно заинтересованы русскими владѣніями на Дальнемъ Востока и стремятся захватить ихъ—силой или мирнымъ путемъ.

Въ этомъ отношеніи наиболѣе характернымъ примѣромъ является Англія. Сама по себѣ небольшой островъ около Европы, Англія владѣетъ богатыми колоніями во всѣхъ частяхъ свѣта, при чемъ въ каждой части свѣта англійскія колоніи площадью и численностью населенія превышаютъ саму Англію. Вслѣдствіе этого англійскій языкъ распространенъ во всемъ мірѣ. Зная одинъ только англійскій языкъ, можно свободно проѣхать по всему земному шару. Во всякой культурной гостиницѣ говорятъ по-англійски, нѣтъ ни одного банка, въ которомъ служащіе не владѣли бы англійскимъ языкомъ.

Почти въ такихъ же благоприятныхъ условіяхъ находятся еще два языка—французскій и нѣмецкій. Приходится сказать „почти“, потому что въ англійскихъ колоніяхъ (не говоря уже о самой Англіи) принято намѣренно не понимать никакого языка, кромѣ англійскаго.

Какъ мы увидимъ ниже, люди уже давно стремятся создать единый міровой языкъ. Очень возможно, что когда-нибудь эта грандіозная задача будетъ рѣшена, пока же мы ограничимся тѣмъ, что разсмотримъ, какой изъ существующихъ языковъ въ настоящее время имѣетъ больше всего шансовъ на міровое распространеніе.

Какъ мы уже сказали, разговорный языкъ создается подъ давленіемъ необходимости, въ зависимости отъ политическихъ и соціальныхъ условій. Дѣйствительно, карта распространенія того или иного языка всегда очень близко подходитъ къ картѣ владѣній даннаго народа. У насъ въ Европѣ, однако, имѣется масса нарѣчій, имѣющихъ между собою много общаго, но все-таки отдѣльных другъ отъ друга... Въ одной Германіи этихъ нарѣчій столько, что житель сѣверной Германіи развѣ лишь съ трудомъ пойметъ жителя южной Германіи, а на такъ называемомъ литературномъ нѣмецкомъ языкѣ въ Германіи говорятъ лишь ничтожное меньшинство. То же самое наблюдается и во всѣхъ другихъ крупныхъ государствахъ. Объясняется это тѣмъ, что всякое крупное государство создалось путемъ сліянія цѣлаго ряда мелкихъ государствъ.

Въ Европѣ принято различать четыре или пять главныхъ расъ, которыя съ теченіемъ времени вылились въ большее или меньшее число разновидностей. На вопросъ о томъ, чѣмъ вообще объясняется такое расчлененіе расъ, можно дать только одинъ отвѣтъ: расы, поселившіяся въ Европѣ (да и въ другихъ частяхъ свѣта), съ теченіемъ времени расчленились потому, что онѣ не располагали удобными средствами сообщенія. Такимъ образомъ здѣсь мы можемъ сослаться на главу, посвященную техникѣ вообще и средствамъ сообщенія въ частности.

Захвативъ, при переселеніи народовъ, какую-нибудь область, люди солились въ ней, считали ее своей неотъемлемой собственностью. Границы признавались только естественныя: большія рѣки, проливы, горные хребты и т. п. Средства къ существованію получались отъ охоты, сельскаго хозяйства, скотоводства, рыболовства.

Потребности у людей были ограниченныя, особой надобности въ мѣнливой торговлѣ не ощущалось. Такимъ образомъ общеніе съ людьми, поселившимися за той или иной естественной границей, не сулило никакихъ выходовъ, а удобныя средства сообщенія могли принести только вредъ, потому что они облегчили бы воинственному сосѣду нападеніе.

Этимъ объясняется и то странное на первый взглядъ обстоятельство, что культурные древніе греки и римляне такъ мало знали о Европѣ, въ которой они жили.

Живя совершенно обособленно, люди, принадлежавшіе къ одной и той же большой расѣ, постепенно усваивали себѣ различныя привычки, измѣняли свое произношеніе,—словомъ, перерождались, въ зависимости отъ тѣхъ условій, въ которыхъ имъ приходилось жить.

Расъ, подъ вліяніемъ жизненныхъ условій, согласно теоріи приспособленія, можетъ измѣниться физическое строеніе организма, то, очевидно, разговорный языкъ можетъ подвергнуться самымъ кореннымъ измѣненіямъ*).

Развивая эту мысль дальше, мы, наконецъ, приходимъ къ логическому выводу, что и большія расы, расчленившіяся на современныя народности, когда-нибудь тоже создавались подъ давленіемъ жизненныхъ условій. Въ такомъ случаѣ было бы вообще ошибочно говорить о томъ, что такой-то европейскій народъ произошелъ отъ кельтовъ, такой-то—отъ тевтоновъ и т. д. Вѣдь никто не доказалъ, что когда-либо существовала раса кельтовъ или тевтоновъ. Это дѣленіе сдѣлано изслѣдователями совершенно произвольно. Сколько-нибудь серьезныхъ научныхъ данныхъ оно за собой не имѣетъ. Возмож-

*) Если бы мы, напримѣръ, могли прочесть эти строки, написанныя вполне понятнымъ для насъ языкомъ, какому-нибудь современнику Владимира Мономаха, то онъ насъ не понялъ бы: современный русскій языкъ очень сильно отличается отъ того языка, на которомъ наши предки говорили тысячу лѣтъ тому назадъ, а между тѣмъ тысяча лѣтъ въ жизни человѣчества является очень небольшимъ періодомъ времени. Намъ постоянно приходится примѣнять слова, занятые у другихъ народовъ. Масса предметовъ на чисто-русскомъ языкѣ совсѣмъ не имѣетъ названій. И, быть-можетъ, настанетъ время, когда русскій языкъ исказится до такой степени, что, если бы при насъ заговорили на немъ теперь, то мы бы его не поняли.

но, что въ Европу во времена Атиллы сразу переселились народы, которые приобрѣли свои особенности (наружности, быта, языка и т. д.) еще до переселенія, что, такимъ образомъ, пришлось бы говорить не о кельтахъ и тевтонахъ, а о десяткахъ мелкихъ расъ.

Въ первыхъ едва уловимыхъ слѣдахъ исторіи человѣчества мы уже находимъ указанія на расчлененіе людей на расы, на племена. Люди объединялись въ племя или народность, чтобы сообща защищаться отъ хищныхъ животныхъ или отъ другихъ людей. Совмѣстная жизнь съ теченіемъ времени сглаживала крупныя различія и получалось „племя“, отличавшееся отъ другихъ племенъ своими типическими особенностями. Цѣлый рядъ такихъ племенъ могъ сливаться въ болѣе крупную единицу, но эта единица непременно должна была снова раздробиться, какъ только исчезла сплотившая ее причина—общая опасность. То же самое происходило и съ нарѣчійми, съ разговорнымъ языкомъ. Подъ давленіемъ необходимости люди старались быть возможно болѣе понятны другъ другу. Коверкая свой собственный языкъ, они прилаживались къ чужому языку и получалось нѣчто въ родѣ „расоваго языка“. „Раса“ подъ вліяніемъ уже указанныхъ условій распадалась на прежнія ячейки и каждая ячейка постепенно возвращалась къ своему прежнему языку, сохраняя въ то же время тѣ искаженія, которыя были внесены въ языкъ въ періодъ единенія съ другими ячейками. Такая теорія возникновенія въ Европѣ цѣлаго ряда различныхъ языковъ гораздо вѣроятнѣе, чѣмъ теорія образованія этихъ языковъ изъ двухъ или трехъ расовыхъ языковъ. То, что мы считаемъ сходствомъ между отдѣльными языками, является по нашей теоріи именно отголоскомъ тѣхъ искаженій, которыя когда-то были внесены въ отдѣльные языки, но самые языки существовали самостоятельно задолго до этихъ искаженій. Какъ, подъ вліяніемъ какихъ условій они создались—вопросъ другой, котораго мы здѣсь касаться не будемъ.

То же самое мы можемъ наблюдать въ другихъ частяхъ свѣта, на примѣръ, въ Африкѣ. Цѣлый рядъ чернокожихъ племенъ, отличать которыхъ другъ отъ друга могутъ только специалисты, обладаетъ цѣлымъ рядомъ своихъ языковъ. Какой-нибудь бушменъ не пойметъ готтентота или абиссинецъ не пойметъ шулинегра, хотя для европейца они похожи другъ на друга, какъ родные братья. Возможно, что когда-нибудь черныя племена объединятся въ то, что народовѣды называютъ „расой“, что всѣ эти языки, при помощи искаженій и приспособленій, сдѣлаются понятными для всѣхъ черныхъ племенъ, но позднѣе, когда всѣ эти ячейки снова сдѣлаются самостоятельными, каждая изъ нихъ возвратится къ своему языку.

Возвратится къ своему языку, но не создастъ новый языкъ изъ какого-то мифическаго расоваго языка!

Многіе народовѣды утверждаютъ, что на образованіе новыхъ языковъ рѣшающее вліяніе оказываетъ площадь, на которой живетъ народъ, что чѣмъ больше эта площадь, при недостаточности хорошихъ путей сообщенія, тѣмъ большая наблюдается дифференціація языка. Живымъ доказательствомъ несостоятельности этого взгляда можетъ служить Китай. Китай занимаетъ площадь, превышающую площадь всей Европы (площадь Европы не достигаетъ 10 милліоновъ квадратныхъ верстъ, а площадь Китая превышаетъ 11 милліоновъ квадратныхъ верстъ). А между тѣмъ, несмотря на отвратительное состояніе путей сообщенія, китайскій народъ имѣетъ свой единый языкъ. Въ Европѣ населеніе достигаетъ цифры 373 милліона человекъ. Населеніе Китая равно 340 милліонамъ человекъ. Казалось бы, что въ Китаѣ, почти совершенно лишенномъ средствъ сообщенія, имѣются налицо всѣ условія для того, чтобы изъ китайской „расы“ выдѣлились самостоятельныя ячейки, создались народы съ особыми языками. Но этого нѣтъ, Китай былъ, есть и, вѣроятно, всегда будетъ сплоченной единицей.

Итакъ, языки создавались и исчезали подъ вліяніемъ социальныхъ условій. Подъ давленіемъ тѣхъ же условій, какъ мы видѣли, получаетъ большее или меньшее распространеніе тотъ или иной языкъ. Здѣсь почти не играетъ роли численность населенія страны, въ которой наиболѣе распространенный языкъ считается роднымъ, иначе самымъ распространеннымъ въ мірѣ языкомъ долженъ былъ бы сдѣлаться китайскій.

Въ настоящее время, когда на земномъ шарѣ неизслѣдованными остаются лишь нѣсколько крошечныхъ точекъ, дальнѣйшее распаденіе языковъ невысказуемо. Для такого распаденія нѣтъ почвы. Напротивъ того, по мѣрѣ развитія культуры, люди все болѣе и болѣе чувствуютъ необходимость сплотиться, создать условія, при которыхъ была бы возможна совмѣстная борьба за существованіе, при которыхъ всѣ люди могли бы понимать другъ друга, свободно сноситься другъ съ другомъ.

Для этого, прежде всего и главнымъ образомъ, необходимо, чтобы люди условились относительно разговорнаго языка знаніе котораго было бы обязательнымъ для всѣхъ.

Вполнѣ естественно, что здѣсь на сцену выступаетъ національное самолюбіе: англичанинъ почувствуетъ себя обиженнымъ, если міровымъ языкомъ объявятъ французскій, нѣмецъ одинаково отвергнетъ и англійскій и французскій языки, русскій, пожалуй, захочетъ отстоять свой родной языкъ, а китаецъ съ полнымъ правомъ заявитъ, что его языкъ, за которымъ чис-

лится многотысячелѣтняя давность, на которомъ говорили за тысячи лѣтъ до Р. Х., на которомъ теперь говорятъ сотни миллионъ людей, ничѣмъ не хуже любого европейскаго языка.

Такимъ образомъ остаются лишь два выхода:

1) Предоставить будущее естественному развитію, т.-е. дать развиваться и распространяться тому языку, который имѣетъ подъ собой наиболѣе твердую для этого почву.

2) Создать новый языкъ, и, не оскорбляя ничьего національнаго самолюбія, постепенно сдѣлать изученіе этого языка обязательнымъ для всѣхъ народовъ.

Въ данную минуту люди одновременно работаютъ въ обѣ стороны. Съ одной стороны, замѣтно быстрое развитіе и распространеніе отдѣльныхъ языковъ, а съ другой—дѣлаются попытки создать единый общенародный языкъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ такимъ языкомъ называли *волатюкъ*, теперь на очереди *эсперанто*.

Разсмотримъ оба указанныхъ выхода.

Естественно, что въ ближайшемъ будущемъ нельзя ожидать широкаго распространенія какого-либо новаго языка. Для этого необходимъ довольно высокій культурный уровень массъ, уровень, котораго онѣ достигнуть еще не скоро. Между тѣмъ борьба за существованіе съ каждымъ годомъ обостряется. Для сколько-нибудь интеллигентнаго труда положительно необходимо знаніе хотя бы одного иностраннаго языка. Мало того — даже для представителей физическаго труда такое знаніе весьма и весьма желательно. Зная иностранный языкъ, рабочій (фабричный или сельскій) уже менѣе связанъ границами, въ которыхъ онъ можетъ найти примѣненіе своему труду. Не находя работы у себя на родинѣ, онъ можетъ перекочевать въ другую страну, не боясь, что его тамъ обманутъ или затрутъ*).

Весь вопросъ лишь въ томъ, какой языкъ слѣдуетъ изучать? Вполнѣ понятно, что изучать слѣдуетъ тотъ языкъ, который имѣетъ больше всего шансовъ на распространеніе въ ближайшемъ будущемъ. Попробуемъ выяснитъ, какой языкъ имѣетъ больше всего такихъ шансовъ.

По законамъ природы, все слабое, мало приспособленное къ жизни, умираетъ, уступаетъ мѣсто сильному, жизнеспособ-

---

*). За послѣдніе годы тысячи русскихъ рабочихъ уѣзжали на заработки въ Аргентину, Австралію и т. д. Нѣкоторые изъ нихъ вернулись въ Россію и рассказали о положительно невѣроятныхъ мученіяхъ, которыя имъ пришлось вытерпѣть на чужбинѣ, благодаря полному незнанію языка. Эксплуататоры, нанявшіе ихъ за гроши, обращаются съ ними хуже, чѣмъ съ рабочимъ скотомъ, и несчастные лишены даже возможности жаловаться...

тельному. Это мы видимъ въ растительномъ царствѣ, гдѣ, напримѣръ, въ лѣсной чащѣ выживаютъ сильныя деревья и гибнуть слабыя; это мы наблюдаемъ среди животныхъ, гдѣ тоже выживаютъ лишь наиболѣе сильные экземпляры *). То же самое наблюдается и въ области языка, гдѣ уже теперь можно привести массу примѣровъ. Существуетъ безконечный рядъ всевозможныхъ нарѣчій, которыя до такой степени поглощаются такъ называемыми „большими“ языками, что у нихъ нѣтъ ни своей литературы ни своей азбуки. Мало того, мы видимъ цѣлый рядъ государствъ, съ отдѣльнымъ, совершенно самостоятельнымъ и независимымъ правительствомъ, у которыхъ совсѣмъ нѣтъ своего языка. Для примѣра назовемъ Австрію (нѣмецкій языкъ), Бельгію (французскій языкъ), Швейцарію (частью французскій и частью нѣмецкій языкъ) и т. д. Даже такая громада, какъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, обходится языкомъ совершенно чуждаго ей народа: англійскимъ языкомъ, хотя отчасти и нѣсколько исковерканнымъ. Почти исключительно на англійскомъ языкѣ говорятъ обитатели цѣлой части свѣта — Австраліи.

Въ XX вѣкѣ распространеніе одного языка за счетъ другихъ должно совершиться еще болѣе рѣзко

Изъ всего только что сказаннаго хотѣлось бы вывести заключеніе, что въ будущемъ суждено занять мѣсто первенствующаго всепоглощающаго языка именно языку англійскому, но въ дѣйствительности слѣдуетъ ожидать совсѣмъ иного **)

„Съ удивленіемъ приходится стмѣтить тотъ фактъ, что англійскій языкъ распространяется чрезвычайно медленно, сравнительно съ другими языками, гораздо менѣе удобными, чѣмъ онъ. Англійскій языкъ все еще не можетъ вытѣснить французскій въ Канадѣ, а въ южной Африкѣ, гдѣ Англія владѣетъ колоніями почти столѣтіе, господство англійскаго языка, болѣе чѣмъ сомнительно. У англійскаго языка нѣтъ той заразительности, которая свойственна языку французскому. Небольшой классъ людей захватившихъ въ свои

*) Этимъ, между прочимъ, объясняется та здоровая сила, которой полно большинство деревенскихъ дѣтей, несмотря на печальныя условія ихъ жизни въ русской деревнѣ: среди грустной обстановки, безъ хорошаго питанія, ухода, безъ врачебной помощи, дѣтская смертность среди крестьянъ очень высока, но зато тѣ дѣти, которыя остаются жить, полны силъ, настояще „крѣпыши“.

***) Такъ какъ можетъ показаться невѣроятнымъ, что англичанинъ Уэльсъ, несмотря на колоссальное распространеніе англійскаго языка, не вѣрять въ его будущность, мы здѣсь приводимъ точный переводъ страницы 90 его книги

руки бразды правленія Англіи, никогда не проявлялъ стремленія заботиться о распространеніи англійскаго языка“.

„... Изученіе англійскаго языка выгодно только для кельнеровъ и для комми-воажеровъ“.

„... На англійскомъ языкѣ издается значительно меньше книгъ, чѣмъ на языкахъ французскомъ или нѣмецкомъ. Значительная часть англійскихъ книгъ состоитъ изъ романовъ, специально приспособленныхъ къ пониманію и міровоззрѣнію женщинъ, мальчиковъ и престарѣлыхъ приказчиковъ. Все это произведенія, направленные къ тому, чтобы заглушить въ читателяхъ способность мышленія, а не возбудить ее. И только такія книги приносятъ пользу автору и издателю“.

Можно съ увѣренностью сказать, что въ самомъ ближайшемъ будущемъ наиболѣе распространенными, „собрательными“, будутъ языки французскій и нѣмецкій. Можно ожидать, что французскій языкъ найдетъ даже большее распространеніе, чѣмъ нѣмецкій. Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ живеть тяготѣніе къ французскому языку. Въ международныхъ сношеніяхъ французскій языкъ считается официальнымъ.

Нѣмецкій языкъ, при всей своей несомнѣнной жизнеспособности, отличается очень непріятнымъ, немелодичнымъ выговоромъ. Въ этомъ отношеніи онъ безусловно не можетъ спорить съ французскимъ *). Кромѣ того, нѣмецкій шрифтъ, какъ печатный, такъ и рукописный, положительно рѣжетъ глаза своими дикими формами“.

Итакъ, г. Уэльсъ, скрѣпя сердце, признаетъ, что его родному языку не суждено стать міровымъ. Эту честь онъ уступаетъ французскому языку. Однако, какъ было указано раньше, распространеніе одного изъ существующихъ языковъ непременно должно задѣть самолюбіе народовъ, говорящихъ на другомъ языкѣ. Едва ли нѣмецкій или русскій крестьянинъ охотно будетъ учиться французскому языку. Это обстоятельство прекрасно понято и оцѣнено большинствомъ социологовъ и языковѣдовъ и уже давно, въ теченіе болѣе четверти вѣка, дѣлаются попытки создать новый *міровой* языкъ, не похожій ни на одинъ изъ существующихъ языковъ, по въ то же время имѣющій общія съ ними черты.

Еще въ 1879 году нѣмецкій пасторъ Іоганнъ Шлейеръ выработалъ такой „міровой“ языкъ и назвалъ его „волапокъ“. Въ этомъ языкѣ числится всего 1.300 корневыхъ словъ, всего же, по

*) Если говорить о степени мелодичности языка, то изъ европейскихъ языковъ самымъ немелодичнымъ придется, пожалуй, признать англійскій съ его частью лающими, частью носовыми звуками.

проекту своего основателя, онъ содержитъ 14.000 словъ. Къ концу XIX вѣка „волапюкъ“ уже нашелъ довольно широкое распространеніе, по крайней мѣрѣ, въ Европѣ, гдѣ въ 1889 году на этомъ языкѣ издавались 23 газеты. Однако такъ же быстро, какъ люди набросились на новое для нихъ дѣло, они и оставили его. Къ началу текущаго столѣтія „волапюкъ“ умеръ естественной смертью.

„Не расцвѣтши отцвѣлъ“ и другой такой языкъ „пазилингва“ Ленца.

Въ настоящее время наблюдается расцвѣтъ международнаго языка *эсперанто*.

Языкъ эсперанто созданъ варшавскимъ докторомъ Л. Л. Заменгофомъ въ 1887 г.

Первая брошюра о новомъ языкѣ появилась въ томъ же году, т.-е. въ періодъ пышнаго расцвѣта языка волапюкъ. Возможно, что именно этимъ объясняется та медленность, съ которой распространялся новый языкъ.

Волапюкъ умеръ, а эсперанто не только остался жить, но и достигъ довольно широкаго распространенія: въ настоящее время „эсперантистовъ“ насчитываютъ болѣе милліона. Существуетъ 1.498 эсперантистскихъ обществъ и 89 эсперантскихъ газетъ. Въ Россіи уже зарегистрированы 59 такихъ обществъ, вообще же они распредѣляются по странамъ слѣдующимъ образомъ:

Въ Африкѣ — 17, въ Америкѣ — 276, въ Азіи — 30, въ Европѣ — 1.155.

Въ Европѣ по государствамъ они распредѣлены такъ:

Во Франціи — 233, въ Германіи — 188, въ Англии — 188, въ Испаніи — 100, въ Австріи — 86, въ Бельгіи — 43, въ Швеціи — 57, въ Даніи — 13.

Знаменательно, что, какъ видно изъ этихъ цифръ, языкъ эсперанто шире всего распространенъ во Франціи, въ Англии и Германіи, т.-е. именно въ тѣхъ странахъ, языки которыхъ, какъ мы видѣли, шире всего распространены по всему міру. Если развитіе языка эсперанто пойдетъ дальше съ такой же энергіей, то, пожалуй, эсперанто съ теченіемъ времени дѣйствительно станетъ мировымъ языкомъ.

Распространеніе языка эсперанто въ значительной степени объясняется тѣмъ, что онъ крайне простъ въ изученіи. Вся его грамматика состоитъ изъ 16 правилъ, которыя можно запомнить послѣ двухъ-трехчасовой работы. Весь его словарь состоитъ изъ 2.800 словъ...

Въ заключеніе добавимъ, что Уэльсъ, написавшій только что изложенную книгу въ 90 годахъ XIX вѣка, въ настоящее время самъ числится эсперантистомъ.

К О Н Е Ц Ъ .

СОВРЕМЕННАЯ УТОПИЯ.

I.

Что такое утопія.

Утопія — это мечта. Это „царство будущаго“, которое человѣкъ создаетъ себѣ въ грѣзахъ. Это то лучшее будущее, ради котораго человѣкъ борется, живетъ.

Казалось бы, что для всѣхъ людей и всѣхъ времянь это царство будущаго должно рисоваться одинаковымъ, но въ дѣйствительности этого никогда не было и не будетъ. Не только каждая эпоха имѣла свою утопію, свою утопію имѣетъ каждый народъ, даже больше — каждый мыслящій человѣкъ. И, если мы, тѣмъ не менѣе, рѣшаемся говорить объ опредѣленной *современной утопіи*, то мы имѣемъ въ виду лишь тѣ общія черты, которыя имѣютъ утопіи большинства современныхъ мыслящихъ людей.

Для того, чтобы дать нѣкоторое понятіе о возможномъ разнообразіи утопій, приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Правовѣрный магометанинъ считаетъ идеаломъ благополучія семь небесъ, населенныхъ прекрасными гуріями, потому что въ настоящемъ возможность имѣть большой гаремъ является мечтой всякаго магометанина.

Какая утопія можетъ возникнуть въ мечтахъ африканскаго бушмена? Мы слишкомъ мало знаемъ психологію дикарей, чтобы увѣренно отвѣтить на этотъ вопросъ, но съ большой долей вѣроятности можно сказать, что въ мечтахъ бушмена рисуется блаженное время, когда съ земли исчезнутъ всѣ бѣлокожіе люди, когда никто не будетъ мѣшать ему заниматься своей охотой и время отъ времени сражаться съ сосѣдями, такими же темнокожими дикарями, какъ и онъ.

Въ произведеніяхъ прошлаго мы встрѣчаемся съ утопіями. Самое слово „утопія“ создано Томасомъ Моромъ, государственнымъ дѣятелемъ времянь Генриха VIII въ Англии. Моръ въ 1516 году написалъ книгу, въ которой нарисовалъ картину идеальнаго государственнаго устройства на островѣ Утопія *).

*) „De optimo reipublicae statu deque nova insula Utopia“.

Книга эта, чрезвычайно смѣлая для XVI вѣка, въ наше время кажется наивной, потому что мы, въ нашихъ демократическихъ республикахъ, далеко ушли отъ того „идеальнаго“ строя, о которомъ мечталъ канцлеръ Генриха VIII. За четыре вѣка, которые отдѣляютъ насъ отъ этой первой настоящей утопiи, утопiй было создано такое невѣроятное количество, что пришлось бы написать цѣлые томы, чтобы только перечислить ихъ. И, хотя въ основѣ всѣхъ утопiй лежитъ благоденствiе человѣчества, всѣ они значительно разнятся другъ отъ друга.

Возьмемъ хотя бы такое грубое подраздѣленiе: утопiи, созданныя до 1859 года, т.-е. до появленiя ученiя Дарвина о происхожденiи видовъ, и утопiи, написанныя послѣ этого года. До ученiя Дарвина, перевернувшего все наше представленiе о животномъ мiрѣ, человѣкъ гордо вѣрилъ въ то, что онъ представляетъ собою совершенство, дальше котораго некуда итти. И въ утопiяхъ, хотя и рисовались заманчивыя картины свѣтлаго будущаго, но человѣкъ оставался такимъ, каковъ онъ есть сейчасъ.

Въ утопiяхъ, появившихся къ концу прошлаго вѣка, звучать уже другiя ноты. На ряду съ совершенствованiемъ социальнаго строя, техники и т. д., рисуется и физическое совершенствованiе человѣка. Теорiя естественнаго подбора, созданная и доказанная гениальнымъ Дарвиномъ, развивается въ этихъ утопiяхъ настолько послѣдовательно, что рисуются ея осязательныя результаты. Нѣтъ больше убогихъ, хилыхъ, слабыхъ, нѣтъ больше вымирающихъ народовъ, нѣтъ даже цвѣтныхъ расъ: путемъ постепеннаго развитiя и подбора всѣ люди сравнялись, всѣ стали добрыми и сильными.

Нѣкоторые утописты идутъ еще дальше. Развивая теорiю Дарвина, они рисуютъ будущаго человѣка такимъ, что у него одни органы развились въ ущербъ другимъ. У мыслителя сильно развитъ мозгъ, но въ зачаточномъ состоянiи ноги, у астрономовъ прекрасно развито зрѣнiе, но притупленъ слухъ и т. д. *).

Утопiи, которыя создавались въ первой половинѣ прошлаго вѣка, отличаются отъ утопiй, созданныхъ позднѣе еще и тѣмъ,

*) Къ числу такихъ утопистовъ принадлежитъ и самъ г. Уэльсъ. Въ своей извѣстной повѣсти „Первый человѣкъ на лунѣ“ Уэльсъ рисуетъ селенитовъ, т.-е. обитателей луны именно такими существами, у которыхъ, въ зависимости отъ ихъ специальности, одни органы развиты въ ущербъ другимъ. Такъ, напримѣръ, у ученыхъ на лунѣ мозгъ настолько развитъ, черепъ настолько великъ, что головы ученыхъ носятъ на особыхъ носилкахъ, и т. д.

что въ нихъ почти никакой роли не играетъ электричество. Утописты не знали, какую дивную роль въ жизни человѣка суждено играть динамо-машинѣ, потому что... тогда самая динамо-машина была игрушкой, не выходившей за предѣлы лабораторіи. Въ современной утопіи электричеству отводится первенствующее мѣсто, что вполне понятно, ибо уже теперь культурный человѣкъ не въ состояніи обойтись безъ этой чудесной энергіи.

Современный утопистъ не можетъ оставить безъ вниманія и воздухоплаваніе. Сбывается то, что жило въ грезахъ такихъ мечтателей, какъ Жюль Вернь. Человѣкъ завоевываетъ воздухъ, человѣкъ этой новой побѣдой разрушаетъ всѣ прежніе устои соціальной жизни. Нѣтъ больше границъ на землѣ, нѣтъ больше острововъ, для защиты которыхъ достаточно флота. И современная утопія спѣшитъ воспользоваться воздухоплаваніемъ, спѣшитъ угадать, въ какія формы оно выльется въ будущемъ.

Но всѣ эти попытки утопистовъ рисовать будущее, пользуясь настоящимъ, не выдерживаютъ критики. Угадать то, что дастъ намъ техника, немислимо. Немислимо даже для геніальныхъ спеціалистовъ. Если бы Фарадей могъ „угадать“, что его открытіе индуктивнаго тока черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ поможетъ создать мощную динамо-машину и могучій электро-моторъ, то... Фарадей самъ построилъ бы и динамо-машину и электро-моторъ.

Если бы братья Монгольфьеръ или Шарль могли себѣ представить, что черезъ 100 лѣтъ создается управляемый аэростатъ, они навѣрное постарались бы создать его сами.

Въ области открытій и изобрѣтеній мы меньше всего можемъ предсказывать. Всякое великое открытіе именно тѣмъ и велико, что открываетъ передъ нами новые горизонты, поднимаетъ завѣсу надъ областью, которая до тѣхъ поръ была намъ неизвѣстна. Предугадать то, что намъ неизвѣстно, значить — объять необъятное.

Поэтому утопіи, разсматривающія будущее лишь съ точки зрѣнія научнаго прогресса, при всемъ интересѣ, который онѣ представляютъ для читателя, не могутъ имѣть серьезнаго значенія: быть-можетъ, завтра же будетъ сдѣлано открытіе, которое перевернетъ всѣ наши понятія о законахъ природы, которое производило открытія гениевъ прошлаго... Несравненно интереснѣе и важнѣе тѣ утопіи, которыя разсматриваютъ будущее съ точки зрѣнія отношеній между людьми. Въ концѣ-концовъ будущее интересуется насъ лишь постольку, поскольку въ немъ будетъ принимать участіе человѣкъ. Можно съ увѣренностью

сказать, что, если мы навѣрное узнаемъ, что вся животная жизнь во вселенной прекратится черезъ два года, не найдется ни одинъ утопистъ, который пожелалъ бы заглянуть дальше этихъ двухъ лѣтъ.

Разъ это такъ, то утопiи должны оставаться въ той сферѣ, которая имѣетъ наиболѣе важное значенiе для жизни человѣчества, а эта сфера, несомнѣнно, заключается въ отношенiяхъ людей между собою. Поэтому величайшими утопiями, величайшими какъ по глубинѣ мысли, такъ и по ихъ значенiю для человѣчества, являются *религии*. Какую религiю мы ни возьмемъ, она неизмѣнно касается взаимоотношенiй между людьми и неизмѣнно, въ случаѣ точнаго выполненiя своихъ завѣтовъ, рисуетъ свѣтлое будущее, въ которомъ всѣ будутъ одинаково счастливы, всѣ будутъ равны. Такое будущее обѣщаетъ христіанство, сулитъ буддизмъ, рисуетъ магометанство, о будущей „землѣ обѣтованной“ мечтаютъ разсѣянные по всей землѣ евреи. Проходятъ вѣка, мнѣняются устои общественнаго и государственнаго строя, дѣлаются чрезвычайно важныя открытiя и изобрѣтенiя, человѣкъ подчинилъ себѣ огонь и воду, воздухъ и землю, но лучшее будущее ему рисуется все въ томъ же, въ чемъ онъ его видѣлъ тысячи лѣтъ тому назадъ: въ равенствѣ и въ братствѣ.

И многiе утописты уже начинаютъ сознавать это. Утопiи „техническія“ выливаются въ форму повѣсти или романа, и только утопiи социальныя остаются на высотѣ, представляютъ дѣйствительно серьезный, длительный интересъ.

Уже въ началѣ этой главы мы сказали, что утопiй возникло и возникаетъ цѣлая масса. Мы не будемъ поэтому создавать новыхъ утопiй, мы ограничимся тѣмъ, что изъ существующихъ въ настоящее время утопiй мы приведемъ главныя, наиболѣе характерныя черты.

Во всѣхъ утопiяхъ красной нитью проходитъ мысль, что въ будущемъ населяющее землю человѣчество не будетъ знать дѣленiя на расы. Будутъ люди, и только люди. Люди будутъ говорить на одномъ языкѣ и будутъ имѣть общіе интересы. Это, такъ сказать, основа, на которой покоится осуществленiе того „лучшаго будущаго“, которому посвящены всѣ утопiи, къ которому человѣка стараются направить всѣ религiи.

Вопросъ о томъ, когда осуществится все это, и возможно ли вообще на землѣ созданiе такого идеальнаго строя, мы въ данное время рѣшить не можемъ, да въ этомъ, собственно говоря, нѣтъ и особенной надобности: мы говоримъ объ *утопiи*, т.-е. рисуемъ будущее въ томъ видѣ, въ которомъ оно кажется намъ желательнымъ. Цѣль всякой утопiи вообще, а утопiи

соціальной—въ частности, заключается въ томъ, чтобы показать, куда *можетъ* прійти человѣкъ, если онъ пойдетъ по тому или иному направленію. Но пойдетъ ли человѣкъ по направленію, которое ему указываетъ утопія, предугадать невозможно. Достаточно вспомнить великіе завѣты, которые дали міру двѣ величайшихъ религій—христіанство и буддизмъ. Если бы хотя часть этихъ завѣтовъ исполнялась людьми, то на землѣ, быть-можетъ, уже давно воцарилось бы то лучшее будущее, о которомъ мы до сихъ поръ можемъ только мечтать, которому мы до сихъ поръ можемъ посвящать лишь утопіи, не зная даже, осуществляются ли онѣ когда-либо.

Нѣтъ надобности много говорить по поводу того, что именно необходимо для осуществленія идеаловъ соціальной утопіи. Всякому понятно, что для этого прежде всего необходимо самосовершенствованіе, съ одной стороны, и терпимость къ другимъ людямъ—съ другой.

Для того, чтобы человѣкъ могъ нравственно совершенствоваться, ему, разумѣется, нужна извѣстная свобода. Но, такъ какъ люди подъ свободой нерѣдко понимаютъ то, что социологи называютъ анархіей, то будетъ далеко не лишнимъ посвятить вопросу о свободѣ отдѣльную главу.

II

О личной свободѣ.

Если я могу перемѣщаться по всему земному шару, то я свободенъ. Если я могу высказывать мои мысли, никого не оскорбляя и никому не принося вреда, то я свободенъ. Если я могу избрать себѣ профессію по своимъ способностямъ, своему вкусу, то я свободенъ. Если я могу молиться моему Богу, то я свободенъ.

Такъ писалъ философъ Гэрингъ въ 1876 году *).

Быть-можетъ, многимъ такое ограниченное понятіе о свободѣ покажется убогимъ, но въ дѣйствительности здѣсь собрано все, что необходимо для истинной свободы человѣка. Дальше идетъ разнузданность, кажущаяся свобода, основанная на эксплуатаціи другихъ людей, а еще дальше—анархія, полный произволъ.

Въ тѣсномъ смыслѣ, личная свобода возможна лишь при условіи самой широкой терпимости къ другимъ людямъ. Если я не буду терпимо относиться къ людямъ, то я непремѣнно

*) „О свободѣ и вмѣняемости человѣка“.

долженъ ограничить ихъ свободу. Нетерпимость неизбежно влечетъ за собою угнетеніе.

Все это азбучныя истины.

И современная утопія, основываясь на этихъ истинахъ, мечтаетъ для будущаго о самой широкой терпимости, о всеобщемъ мирѣ, о торжествѣ законности и порядка.

Законность и порядокъ, включенные въ программу современныхъ социальныхъ утопій, уже не разъ вызывали возраженія и протесты массъ. Въ законности и порядкѣ массы склонны видѣть способы поработенія. Этотъ взглядъ неправиленъ, хотя отчасти нельзя не признать его вполне естественнымъ продуктомъ всего нашего прошлаго и, пожалуй, даже настоящаго.

Законность и порядокъ...

Въ настоящее время, когда утопіи только создаются, по не осуществляются, слова „законность и порядокъ“ часто, дѣйствительно, пріобрѣтаютъ оттѣнокъ, который по существу имъ совершенно чуждъ. Когда законность на каждомъ крошечномъ клочкѣ земного шара понимается особо, когда не существуетъ законовъ, общихъ для всего человѣчества, законы, конечно, приравниваются къ личнымъ вкусамъ и интересамъ тѣхъ, кто ихъ создаетъ. И получается чрезвычайно любопытная картина: то, что вполне законно въ Лондонѣ, карается смертной казнью въ Калькуттѣ (свободная критика дѣйствій правительства, напримѣръ). Какой-нибудь Шульцъ, который въ Берлинѣ ударилъ Миллера, отдѣляется краткимъ арестомъ, а туземецъ центральной Африки, такой же человѣкъ, какъ Шульцъ, за оскорбленіе того же Миллера, вѣшается на ближайшемъ деревѣ, и притомъ, съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формальностей.

Но даже среди цивилизованныхъ странъ существуетъ паразитическая пестрота законовъ. То, что въ одной странѣ карается тюремнымъ заключеніемъ, въ другой наказывается суровыми каторжными работами, а въ третьей—не влечетъ за собой никакого наказанія *).

*) Свобода слова, напримѣръ, настолько различно понимается законами разныхъ странъ, что статья, напечатанная въ Англіи и не навлекшая на автора никакихъ преслѣдованій, въ Италіи приводитъ въ тяжелое тюремное заключеніе своего издателя, потому что въ ней критикуется католицизмъ.

Въ Германіи недавно появилась книга доктора Брешетъ, рисующая невозможное положеніе туземцевъ въ Индіи. Эта книга была переведена на англійскій языкъ и появилась въ Индостанѣ. Она была немедленно конфискована, а ея издатель высланъ изъ края, потому что критика отношенія англійскаго правительства къ индусамъ въ Индіи признана неудобной, и т. д. и т. д.

Примѣровъ, доказывающихъ это разнообразіе законности на земномъ шарѣ, можно было бы привести десятки тысячъ. Однако довольно и того, что сказано.

Видя такое разнообразное толкованіе законности въ наше время, массы склонны смѣшивать законъ съ беззаконіемъ, такъ же, какъ свобода иногда смѣшивается съ анархіей.

Положительно то же самое можно сказать и относительно порядка. Если въ Англии нѣсколько тысячъ или даже десятковъ тысячъ гражданъ соберутся на митингъ для обсужденія какого-нибудь вопроса (въ лондонскомъ Гайдъ-паркѣ митинги въ десятки тысячъ считаются обыденнымъ явленіемъ), и если при этомъ не нарушаются общіе уголовные законы, порядокъ считается ненарушеннымъ и полиція не принимаетъ никакихъ репрессивныхъ мѣръ. Но если нѣсколько сотъ пидусовъ, такихъ же подданныхъ Великобританіи, какъ и жители Лондона, осмѣлятся собраться для обсужденія своихъ жизненныхъ вопросовъ, та же англійская полиція видитъ въ этомъ „грубое нарушеніе порядка“, и, не задумываясь, прибѣгаетъ къ вооруженной силѣ, чтобы „возстановить порядокъ“.

Вполнѣ понятно, что, когда утопія мечтаетъ въ свѣтломъ будущемъ о торжествѣ законности и порядка, эти мечты часто не находятъ себѣ отклика среди массъ.

Поэтому, какъ это ни странно, приходится защищать отъ нападокъ законность и порядокъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ о нихъ мечтаетъ современная утопія.

Въ дальнѣйшемъ мы постараемся возможно полнѣе набросать картину того будущаго, о которомъ говоритъ современная утопія. Теперь же, относительно законности и порядка, намъ предстоитъ рѣшить несравненно менѣе сложную задачу. Мы привели рядъ примѣровъ, которые, вѣроятно, убѣдили читателей въ томъ, что причина отрицательнаго отношенія современныхъ людей къ законности и порядку кроется въ разнообразности пониманія этихъ словъ. Теперь представимъ себѣ иное положеніе вещей, не похожее на современное, представимъ себѣ именно то положеніе, о которомъ мечтаетъ утопія.

На землѣ живутъ разумныя существа, люди, равные другъ другу, обладающіе одинаковыми правами. Это не та казарменная, сѣрая одинаковость, которая является почему-то идеаломъ нѣкоторыхъ социологовъ. Нѣтъ! Современная утопія, созданная людьми самыхъ разнообразныхъ политическихъ направлений, не только признаетъ личность, индивидуальность человѣка, но и отводитъ ей выдающуюся роль въ „царствѣ будущаго“. Талантъ, гениі должны пользоваться особымъ впи-

маніємъ, особо тщательнымъ уходомъ, какъ все выдающееся, все особенно полезное. Но законность должна быть одинакова для всѣхъ—отъ идіота генія, отъ чернорабочаго до министра.

Читатели, усвоившіе себѣ социальныя ученія, съ удивленіемъ спросятъ:

— Развѣ утопія, рисующая свѣтлыя картины будущаго, можетъ признавать чернорабочихъ и министровъ? Не значитъ ли это признавать нормальнымъ положеніе, при которомъ люди дѣлятся на классы, на касты?

Нѣтъ, утопія не знаетъ ни классовъ ни кастъ, но она, рисуя жизнь, не можетъ отказаться отъ одного изъ основныхъ принциповъ жизни, отъ принципа раздѣленія труда.

Не могутъ всѣ люди въ мірѣ завѣдывать электрическими станціями. Такъ же мало всѣ люди въ мірѣ могутъ писать газетныя статьи или дѣлать стулья. Въ то же время человекъ, при современномъ развитіи науки, добровольно не захочетъ стать и Робинзономъ Крузе, который на необитаемомъ островѣ самъ удовлетворялъ всѣ свои жизненныя потребности.

Словомъ, раздѣленіе труда безусловно необходимо какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ.

Разъ необходимо раздѣленіе труда, то люди должны взять на себя именно ту работу, которая имъ болѣе всего подходитъ. Во всякой даже небольшой общинѣ должны быть люди, слѣдящіе за соблюденіемъ общинныхъ правилъ, направляющіе дѣятельность другихъ членовъ общины. Такіе люди, разумѣется, должны быть и *будутъ въ мировой общинѣ*, которая будетъ состоять изъ *многихъ сотъ миллионовъ членовъ*. Эти руководители, быть-можетъ, будутъ называться министрами. Возможно, что они будутъ носить иной титулъ, но сущность дѣла отъ этого не измѣнится.

Будутъ существовать и *чернорабочіе*. Намъ нѣсколько корытить это слово, потому что мы, при нашемъ социальномъ строѣ, привыкли считать положеніе чернорабочаго чуть ли не оскорбительнымъ. А между тѣмъ „черная“ работа для всякаго общезжитія не менѣе необходима, чѣмъ работа распорядителя или „министра“. Пусть, согласно „техническимъ“ утопіямъ, техника въ будущемъ достигнетъ такой высокой степени развитія, что физическій трудъ станетъ для человека почти ненужнымъ. Все-таки останется уходъ за силовыми и рабочими машинами, потребуются добываніе топлива, смазочныхъ матеріаловъ, наконецъ, нужно будетъ добывать и обрабатывать сырую руду, нужно будетъ собирать и удалять отбросы, и т. д. Словомъ, „черная“ работа останется.

Останется п работа на землѣ, хотя бы и при помощи самых усовершенствованныхъ машинъ.

Но это не важно. Важно то, что п министръ, и „чернорабочій“, и купецъ, и земледѣлецъ, всё, во всякой точкѣ земного шара, будутъ подчинены *одной законности*, созданной ими же, будутъ знать *одинъ порядокъ*, одинаково обязательный для всѣхъ. И всё будутъ охотно подчиняться *этой законности* и *этому порядку*, именно потому, что они едины для всѣхъ, на всемъ земномъ шарѣ.

И именно этимъ подчиненіемъ создается та свобода, о которой многіе напрасно мечтаютъ теперь. Странно звучать слова:

Подчиненіемъ создается свобода, а между тѣмъ это неоспоримая истина.

Свобода отдѣльнаго человѣка неразрывно связана съ другими людьми. О *совершенной свободѣ*, когда всѣми поступками руководить одно только „я“, можетъ говорить (или мечтать) только тотъ, кто въ одиночествѣ живетъ на заброшенномъ островѣ. Всѣ другіе люди *не могутъ быть свободными*, ибо они въ своихъ поступкахъ должны сообразоваться съ интересами другихъ людей.

Дѣло закона—установить условія, при которыхъ отдѣльныя личности будутъ возможно менѣе чувствовать стѣсненія отъ совместной жизни съ другими людьми, т.-е.: *свобода можетъ быть создана и поддержана только законами*, обязательными для всѣхъ, *свобода мыслима только при законности и порядкѣ*.

Отъ законовъ будущаго, вообще, человѣчество можетъ ждать многого.

Гэрингъ свое перечисленіе свободъ не даромъ пачинаетъ словами:

Если я могу перемѣщаться по всему земному шару, я свободенъ.

Дѣйствительно, нѣтъ свободы выше свободы передвиженія. Въ настоящее время каждый пзъ насъ какъ будто обладаетъ этой свободой, но въ дѣйствительности лишь рѣдкіе счастливыцы могутъ по своему желанію перемѣщаться. Теперь путешествіе сопряжено съ огромными затратами, которыя подъ силу развѣ лишь очень богатымъ людямъ. Подавляющее большинство людей лишено свободы передвиженія или, въ крайнемъ случаѣ, можетъ пользоваться этой свободой лишь въ очень скромныхъ размѣрахъ. Между тѣмъ ничто такъ не развиваетъ человѣка, какъ путешествіе. Впдѣтъ земной шаръ со всѣхъ сторонъ, наблюдать природу во всѣхъ широтахъ, отъ полюсовъ до экватора—лучше этой школы трудно что-либо придумать.

И вотъ, современная утопія представляетъ себѣ въ самыхъ широкихъ границахъ свободу передвиженія, *свободу путешествія*.

Усовершенствованные пути сообщенія, созданные общими усилиями людей, должны находиться въ полномъ распоряженіи всѣхъ людей. Всякій, кто принадлежитъ къ общинѣ обитателей земли, кто вноситъ свою крупицу труда въ общее дѣло, имѣеть полное право пользоваться всѣми плодами общаго труда и, слѣдовательно, путями сообщенія.

Мы не будемъ здѣсь рисовать картины возможныхъ въ будущемъ средствъ сообщенія, но несомнѣнно, что эти средства будутъ значительно совершеннѣе, чѣмъ теперь. И имп свободно будутъ располагать всѣ люди, работающіе по своей специальности на общее благо. Именно здѣсь проявится настоящая *свобода*, равная для всѣхъ. Министръ или ученый будутъ имѣть точно такое же право на путешествіе, какъ „чернорабочій“, и всѣ будутъ пользоваться одинаковыми удобствами. Но при этомъ всѣ будутъ подлежать и одинаковой отвѣтственности за малѣйшее нарушеніе *законности и порядка*.

Особенно важное значеніе путешествіе должно и будетъ имѣть для молодежи, которая такимъ образомъ будетъ заканчивать свое образованіе, и именно молодежи будетъ особенно облегчено передвиженіе.

Такимъ образомъ непремѣнно будетъ осуществлено первое требованіе Гэринга: *Свобода передвиженія по всему земному шару*.

Далѣе слѣдуетъ:

Свобода высказывать свои мысли.

Кажется, трудно придумать требованіе болѣе справедливое и естественное, но даже Гэрингъ, включившій его въ число необходимыхъ для человѣка правъ, добавляетъ:

Никого не оскорбляя и никому не принося вреда.

Въ наше время это условіе почти неосуществимо. Всякое свободное сужденіе невольно, но обязательно содержитъ въ себѣ порицаніе кого-либо или что-либо осуждающее. Разумѣется, здѣсь рѣчь идетъ не о повседневномъ разговорѣ, а о высказываніи мыслей, имѣющихъ общественное или политическое значеніе. При современномъ пестромъ социальномъ строѣ (върѣе неустойчивѣ) вполне понятно недовольство массъ, понятно и стремленіе захватить въ свои руки руль государственнаго корабля, но примѣры показали, что угнетаемые сегодня массы сами дѣлаются неумолчными угнетателями, какъ только власть попадаетъ въ ихъ руки *).

*) Напомнимъ читателямъ недавній переворотъ въ Турціи: какъ только султанъ Абдуль-Гамидъ былъ сверженъ съ престола, младотурки „во имя свободы“ закрыли Константинополь висѣлицами, закрыли нѣсколько газетъ, запретили печати обсуждать многіе вопросы, и т. д.

Утопія мечтаетъ о такомъ строѣ, когда не будетъ народныхъ „массъ“ въ современномъ значеніи этого слова, а будетъ *человѣчество*. На всемъ земномъ шарѣ въ это утопическое время будутъ общіе, единые законы. Чернорабочій будетъ пользоваться тѣми же правами и благами, какими пользуется министр. Исчезнетъ *зависть*, эта главная побудительная причина тѣхъ оскорбленій, которыя теперь зачастую примѣняются къ критикѣ. Завидовать будетъ некому, а критиковать придется свое, общее дѣло, по которому свободное сужденіе можно высказать спокойно.

И чѣмъ меньше будетъ поводовъ для рѣзкой, оскорбительной критики, *тѣмъ строже будетъ караться всякое оскорбленіе*, ибо тогда оскорбленіе будетъ вызываться не увлеченіемъ, не желаніемъ во что бы то ни стало добиться правды, открыть на нее глаза другимъ, что иногда случается теперь; тогда оскорбленіе будетъ вызываться только злобой, только злой волей, и тогда оно станетъ серьезнымъ преступленіемъ.

Мы можемъ доказать массой примѣровъ, что преступленіе карается тѣмъ строже, чѣмъ меньше было понятныхъ поводовъ для него.

Такъ, въ Англии самая мелкая кража, даже если виновный въ ней раньше подъ судомъ не былъ, карается нѣсколькими годами принудительныхъ работъ, потому что въ Англии есть рабочіе дома, въ которыхъ всякій можетъ найти кровъ, пищу и трудъ, сообразно его силамъ и способностямъ. Въ Англии кража признается только проявленіемъ злой воли.

По законамъ же Китая первая кража наказывается немногими ударами бамбуковой палкой, потому что въ перенаселенной странѣ, изъ которой жители десятками тысячъ бѣгутъ за грошевымъ заработкомъ, на кражу можетъ толкнуть необходимость.

Такимъ образомъ оправдывается положеніе, которое на первый взглядъ кажется дикимъ: въ эпоху, о которой мечтаетъ современная утопія, будетъ полная свобода сужденія, но всякое оскорбительное сужденіе будетъ строго наказываться.

Свобода избирать профессию по своимъ способностямъ и своему вкусу существуетъ и теперь, но существуетъ въ теоріи, какъ существуетъ полная свобода путешествія. Но, какъ для путешествія, такъ и для свободы выбора профессіи нужны средства, которыхъ теперь у большинства людей нѣтъ. Кроме того, въ будущемъ на выборъ профессіи должны вліять всѣмъ нынѣшніе причины, чѣмъ въ настоящемъ. Можно съ увѣренностью сказать, что теперь подавляющее большинство людей, имѣющихъ возможность выбирать себѣ профессію, ста-

раются выбрать занятіе подходящѣе. Какъ часто приходится слышать, что жители городовъ мечтаютъ о сельскомъ домикѣ, о полевоиъ хозяйствѣ! И многіе, кому удалось скопить денегъ, уходятъ изъ города, куда ихъ загнало только стремленіе заработать.

Мы видимъ инженеровъ, которые любятъ медицину, докторовъ, которые увлекаются сельскимъ хозяйствомъ, священниковъ, которые мечтаютъ объ астрономіи, и т. д. Всѣ эти люди попали въ жизни не на свое мѣсто, потому что и ихъ родители и они сами больше думали о „карьерѣ“ или (въ духовной средѣ) о „семейныхъ традиціяхъ“, чѣмъ о врожденныхъ наклонностяхъ. Но когда никакой „карьеры“ не будетъ, когда *всякій* работающій и приносящій пользу будетъ пользоваться благами жизни наравнѣ со всѣми другими, занятіе, профессію люди будутъ избирать только по своимъ способностямъ и вкусамъ, и будутъ избирать сами, сознательно.

Это будетъ дѣйствительная *свобода* выбора, а не лотерея, которая теперь замѣняетъ свободу даже у тѣхъ людей, которые имѣли бы возможность выбора.

Свобода молится Богу...

Объ этой свободѣ, пожалуй, нечего и говорить, до такой степени ея необходимость очевидна. И даже въ наше время, далекое отъ свѣтлаго утопическаго времени, стѣсненія свободы вѣроисповѣданія встрѣчаются рѣдко. Даже дикари съ уваженіемъ относятся къ молящемуся человѣку.

Итакъ, всѣ свободы, о которыхъ въ половинѣ прошлаго вѣка говорилъ Гэрингъ, современная утопія уже видитъ осуществленными въ будущемъ, но, кромѣ того, она предусматриваетъ и длинный рядъ другихъ свободъ.

Человѣку будетъ безусловно дозволено все, что не вредитъ и не мѣшаетъ другимъ людямъ

Въ наше время, напримѣръ, издаются законы, ограничивающіе выработку и продажу спирта и спиртныхъ напитковъ. Это—лишеніе свободы. Утопія говоритъ, что спиртные напитки будутъ вырабатываться и распространяться *въ неограниченномъ количествѣ*, но злоупотребленіе ими, пьянство, будетъ *строго караться*. Въ наше время пьянство часто оправдывается тѣмъ, что въ немъ люди „ищутъ забвенія отъ тяжелой жизни“. Тогда въ такомъ забвеніи не будетъ надобности и, какъ и въ свободѣ сужденій, караться будетъ уже *злая воля*.

Словомъ, современная утопія видитъ счастье человѣка въ *полной личной свободѣ*. Человѣкъ будущаго можетъ дѣлать *все*, но только въ предѣлахъ, въ которыхъ его поступки не вредятъ и не мѣшаютъ другимъ людямъ. Самъ совершенно сво-

бодный, онъ долженъ уважать, не нарушать свободу другихъ. Свобода осуществима только въ томъ случаѣ, когда ее охраняютъ сами свободные. Люди понимали это еще въ древности. И въ утопическомъ будущемъ человѣкъ вернется къ идеалу, созданному еще въ первыя историческія эпохи человѣчества: къ полной личной свободѣ, *на правахъ полного равенства*. Свобода абсолютная, не сдерживаемая никакими обязательствами по отношенію къ другимъ людямъ, никогда не будетъ торжествовать, потому что это уже не свобода, а *анархія*, ведущая всегда къ разрушенію, но не къ созиданію.

III.

Быть и строй утопическаго будущаго.

Возможно, что современная утопія въ этомъ отношеніи заблуждается, по она рѣшительно предсказываетъ *возвращеніе человека къ природѣ*. Человѣкъ напрасно старался, въ теченіе многихъ вѣковъ, подчинить природу своимъ вкусамъ и наклонностямъ: она сильнѣе его и неудержимо влечетъ его къ себѣ, заставляетъ подчиняться своимъ законамъ.

Человѣкъ построилъ себѣ огромные каменные города, и... самъ лишилъ себя необходимаго для жизни чистаго воздуха. Человѣкъ, котораго природа создала не хищникомъ, сталъ питаться мясомъ убитыхъ животныхъ и... развилъ въ себѣ массу болѣзней, началъ вырождаться, еще не достигнувъ полного развитія.

Человѣкъ долженъ вернуться къ природѣ, и современная утопія видитъ это возвращеніе въ своемъ царствѣ будущаго.

Сбросившая съ себя гнетъ искусственности, природа пышно расцвѣтетъ и сдѣлается величественнѣе, прекраснѣе, чѣмъ когда-либо. И съ ней сольется человѣкъ, созданный ею, живущій ею.

Человѣкъ вернется къ той пищѣ, которая предназначена ему природой, которая полезнѣе всего для его организма: къ растительной пищѣ. Люди все сдѣлаются вегетаріанцами. Уже теперь искусство изготовленія пищи достигло такой высокой степени развитія, что изъ растительныхъ продуктовъ дѣлаются кушанья, удовлетворяющія самые изысканные, самые разнообразные вкусы. Съ теченіемъ времени вегетаріанство *) рас-

*) Ученіе о *безубойномъ, растительномъ* питаніи, т.-е. вегетаріанство, возникло въ началѣ XIX вѣка. Въ 1811 году появилась книга, "Return to nature" (возвращеніе къ природѣ), которой было основано вегетаріанство, хотя еще въ XVII вѣкѣ Ньютонъ проповѣдывалъ (насколько ему хватало времени и позволяла его разсѣянность) растительное питаніе. Въ 1847 году Джонъ Симпсонъ основалъ въ Лондонѣ первое Общество вегетаріанцевъ. Теперь вегетаріанцевъ на землѣ живетъ нѣсколько милліоновъ.

пространится среди людей до такой степени, что люди, питающиеся мясомъ, сдѣлаются исключеніями.

Впрочемъ, надо сознаться, что здѣсь соображенія нравственнаго характера будутъ играть менѣе значительную роль, чѣмъ соображенія чисто-экономическія: на всѣхъ не хватитъ мяса.

Уже теперь почти всюду стоимость мяса поднялась настолько, что оно стало почти недоступнымъ не только для широкихъ народныхъ массъ, но и для среднихъ трудящихся классовъ. Съ каждымъ годомъ стоимость мяса будетъ возрастать, и люди невольно перейдутъ на растительную пищу, что, кстати сказать, принесетъ имъ только пользу. Впрочемъ возможно, однако, что въ *чистомъ видѣ* вегетарианство не перейдетъ въ утопическую эпоху: воздержаніе отъ молочныхъ продуктовъ, полное запрещеніе всякихъ спиртныхъ напитковъ, и т. д.—все это требуетъ уже особой, чуть ли не кастовой дисциплины, которая далеко не всѣмъ людямъ пріятна и желательна.

Дальнѣйшимъ шагомъ къ сближенію съ природой будетъ бѣгство людей изъ каменныхъ грудъ такъ называемыхъ „культурныхъ центровъ“. Объ этомъ мы уже говорили и будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ*).

Человѣку нуженъ чистый воздухъ и нуженъ не менѣе, чѣмъ здоровая, легко перевариваемая пища. Днемъ человѣкъ, вынужденный работать, находится въ закрытомъ помѣщеніи и поневоля дышитъ спертымъ воздухомъ, обычно къ тому же испорченнымъ разными вредными испареніями. Ночью, слѣдовательно, онъ долженъ возмѣстить организму недостатокъ въ свѣжемъ воздухѣ, т.-е. въ кислородѣ. Для этой цѣли люди, несомнѣнно, будутъ спать на открытомъ воздухѣ всюду и все время, когда это возможно по климатическимъ условіямъ. Тамъ же, гдѣ зима слишкомъ сурова, будутъ, вѣроятно, приняты мѣры для непрерывной смѣны въ помѣщеніи воздуха, подогревтаго специальными батареями вентиляторовъ.

„Назадъ къ природѣ!“

Таковъ лозунгъ современной утопіи. Въ немъ, и только въ немъ она видитъ спасеніе для вырождающагося, слабѣющаго человѣка

Вымираніе цѣлыхъ расъ, которое теперь никого не удивляетъ, должно сдѣлаться полной невозможностью. Не вымирать долженъ человѣкъ, а процвѣтать и совершенствоваться.

*) См. „Грядущее“. Главу, посвященную вопросу о „распыленіи городовъ“.

Вполнѣ понятно, что на ряду съ оздоровленіемъ человѣка совершится и оздоровленіе социальныхъ условий, среди которыхъ человѣкъ живетъ. Знаменитую поговорку:

Mens sana in corpore sano

(здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ)

надо добавить словами: *здоровое тѣло въ здоровой обстановкѣ.*

Тогда каждый будетъ вносить въ общее дѣло свой трудъ, не считаясь ни съ кѣмъ мѣстами и чинами, каждый будетъ имѣть право на то, чтобы ему были предоставлены жизненные удобства наравнѣ со всѣми другими людьми. Въ какую форму выльется жилище, современная утопія сказать затрудняется, но весьма вѣроятно, что это будутъ небольшіе, но благоустроенные домики, разбѣянные среди зелени. Всякій будетъ имѣть право получать, въ случаѣ болѣзни, лѣкарства и врачебную помощь бесплатно. Старость и болѣзнь не будутъ причиной нравственныхъ страданій и мучительныхъ заботъ, какъ это наблюдается теперь. Больной и потерявшій трудоспособность будутъ находиться въ тѣхъ же жизненныхъ условіяхъ, въ которыхъ они находились раньше. Это не будетъ благотворительностью, за которую приходится благодарить. Это будетъ естественное, законное право на жизнь. И разъ общимъ трудомъ добытые продукты будутъ равномѣрно распредѣляться, разъ дѣятели не будутъ сосредоточиваться въ однѣхъ рукахъ, — старые и больные не лягутъ ни малѣйшимъ бременемъ на здоровыхъ и работоспособныхъ.

Работа найдется для всѣхъ. Та „безработица“, съ которой приходится сталкиваться въ наше время, представляетъ собою продуктъ пестроты современнаго бытового строя человѣчества. Въ то время какъ въ Сѣверной Америкѣ въ полевомъ хозяйствѣ рабочія руки оплачиваются десятками долларовъ*) въ мѣсяцъ, въ Китаѣ здоровый работникъ счастливъ, если ему тяжелымъ трудомъ удалось заработать себѣ горсть риса. Въ одной странѣ недостатокъ въ обученныхъ рабочихъ на фабрикахъ тормозитъ развитіе промышленности, а въ другой — безработные кончаютъ самоубійствомъ. Современная утопія не допускаетъ мысли, чтобы такой порядокъ вещей могъ сохраниться. Когда падутъ искусственныя границы между народами, когда весь земной шаръ покроется густой сѣтью путей сообщенія, трудящіеся всѣхъ специальностей распредѣлятся по землѣ равномѣрно. Для врачей, ученыхъ и т. п. не будетъ того магнита, которымъ сейчасъ для нихъ является большой городъ. На всякой точкѣ земного шара они найдутъ одинаковыя удобства.

*) 1 долларъ=прибл. 2 рубля.

Если случится, что въ одномъ мѣстѣ замѣчается перепроизводство или, наоборотъ, недостатокъ въ рабочихъ силахъ всегда будетъ возможно быстро перемѣстить силы, пополнить недостатокъ въ одномъ мѣстѣ и устранить чрезмѣрное скопленіе въ другомъ.

Все, что намъ рисуется современная утопія, въ области социальнаго строя уже давно является мечтой отдѣльных социальныхъ ученій. Утопія лишь объединила всѣ эти мечты, придала имъ реальную окраску, освободила ихъ отъ крайностей, благодаря которымъ онѣ казались совершенно невѣроятными, неосуществимыми.

Слова „равенство и братство“ написаны на знамени многихъ ученій, но все эти ученія отличаются крайней нетерпимостью относительно другихъ ученій.

— Все должно быть такъ, какъ я хочу, или все будетъ скверно.

Такъ говорить большинство сторонниковъ отдѣльных ученій, а въ то же время ничто не можетъ быть ошибочнѣе такой нетерпимости. Утопія согласна видѣть осуществленіе всѣхъ ученій, лишь бы отъ этого получилась польза для людей. Одно изъ крайнихъ ученій, напимѣръ, отрицаетъ деньги. И современная утопія вполне согласна съ этимъ отрицаніемъ, хотя и нѣсколько иначе, чѣмъ данное ученіе. Деньги имѣютъ цѣнность условную. Сами по себѣ деньги совершенно бесполезны. Если помѣстить человѣка на необитаемый островъ и положить около него золотыя монеты всего міра, то, если на островѣ не окажется прѣсной воды или растительности, человѣкъ неизбѣжно умретъ, несмотря на окружающее его богатство. А между тѣмъ деньги имѣютъ тотъ недостатокъ, что ихъ можно копить, что онѣ возбуждаютъ низкіе инстинкты въ человѣкѣ.

Къ сожалѣнію, правы люди, утверждающіе, что „за деньги можно получить все“. Съ этой точки зрѣнія деньги, какъ цѣнность постоянную, утопія въ будущемъ не хотѣла бы видѣть. Однако даже въ томъ свѣтломъ будущемъ, о которомъ мечтаетъ утопія, едва ли всѣ люди будутъ отличаться безукоризненной добросовѣстностью. Контроль надъ работой все-таки будетъ необходимъ. Въ настоящее время такимъ контролемъ, между прочимъ, являются деньги. Деньги отчасти можно считать свидѣтельствомъ о сдѣланной работѣ. Но когда такія „свидѣтельства“ сосредоточиваются въ рукахъ людей, которые въ дѣйствительности эту работу не дѣлали, деньги дѣлаются тѣмъ зломъ, которое утопія желала бы видѣть уничтоженнымъ. Въ утопическомъ будущемъ, какъ оно рисуется современнымъ

утопистамъ, каждый человѣкъ ежедневно долженъ получать марку, значокъ, въ доказательство того, что человѣкъ работаетъ. Такъ какъ, вѣроятно, образуются небольшія общины, то надзоръ за работою членовъ такихъ обществъ не представитъ затрудненій. Но такой значокъ имѣетъ силу только доказательства сдѣланной работы. Онъ немедленно возвращается въ контроль, взаимѣнъ удовлетворенія разнообразныхъ жизненныхъ потребностей до развлеченій и путешествія включительно. Кошты такіе значки не будутъ ни возможности ни надобности.

Можетъ-быть, утописты увлекаются и деньги, какъ таковыя, останутся до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать человѣчество, но современная утопія, мечтающая о свѣтломъ будущемъ, не можетъ этого желать

Утопія нисколько не увлекается мечтами и отлично сознаетъ, что людей никогда не удастся сдѣлать автоматами, подогнать подъ одну общую мѣрку, какъ то мечтаютъ сдѣлать нѣкоторыя крайнія ученія. Къ счастью для себя, люди всегда останутся людьми съ особенностями своими, хорошими и дурными наклонностями, съ большими или меньшими способностями. Злая воля всегда будетъ жить, но только, вѣроятно, проявляться и наказываться она будетъ иначе, чѣмъ теперь. Прежде всего, нѣкоторые преступления и проступки совсѣмъ исчезнутъ, потому что для нихъ не будетъ почвы. Напримѣръ, нищенство. Среди описанныхъ выше условій нельзя себѣ представить человѣка, бродящаго отъ дома къ дому и выпрашивающаго себѣ пропитаніе. Если человѣкъ старъ или боленъ — о немъ заботятся здоровые. Если же человѣкъ не хочетъ работать, то его заставляютъ силой. Въ случаѣ упорства его изгоняютъ изъ общества. Вообще изгнаніе будетъ единственнымъ наказаніемъ утопическаго царства.

— Ты не хочешь подчиняться нашимъ законамъ—ступай и живи отдѣльно, какъ знаешь.

Таково будетъ несложное правосудіе. На какихъ-нибудь островахъ, среди океана, будутъ основаны колоніи для изгнанниковъ. Надъ ними не будетъ никакого контроля, никакой власти. Только сторожевые суда будутъ слѣдить за тѣмъ, чтобы изгнанники не вернулись на материкъ. Но зато общество не будетъ и нести тяготы содержанія изгнанниковъ. Каждый изгоняемый получитъ инструменты и матеріалы, достаточные для постройки дома и земледѣлія. И этимъ кончатся его отношенія къ другимъ людямъ. И едва ли ошибаются утописты, предсказывая, что такое изгнаніе хотя бы на острова, покрытые пышною животной и растительной жизнью, удержитъ людей отъ нарушенія порядка лучше, чѣмъ тюрьмы, смертныя казни и т. д.

Надо принять еще во вниманіе, что вся жизненная обстановка сложится къ тому времени благопріятнѣе, чѣмъ теперь. Преступленія ради корысти утратятъ всякій смыслъ. Отнять у другого можно будетъ только то, что есть у всякаго, что можно безъ особаго труда получить по праву. Останутся преступленія, рожденныя злобой или временнымъ помраченіемъ разсудка. Такихъ преступленій даже теперь не особенно много. Преступники ради злобы будутъ наказываться, другіе будутъ лѣчиться. Вообще очень трудно, почти невозможно предугадать, какъ сложится утопическое правосудіе, но одно можно сказать навѣрное: не будетъ судей по профессіи. Профессиональный судъ замѣнить то, что мы теперь называемъ судомъ товарищескимъ, но въ несравненно болѣе широкихъ размѣрахъ. Очень возможно, что этотъ судъ вернется къ древней формѣ греческаго народнаго суда, который на площади выносилъ приговоры и подвергалъ граждадь остракизму, т.-е. изгнанію.

И здѣсь, какъ во всѣхъ областяхъ жизни, произойдетъ чрезвычайно характерное *возвращеніе къ прошлому*. Въ области социальной жизни, какъ во всѣхъ областяхъ жизни вообще, ничто не пропадаетъ, совершается лишь непрерывный круговоротъ...

Вполнѣ естественно, что въ утопическомъ государствѣ, какъ и во всякомъ сообществѣ людей, будутъ люди, призванные исполнять роль если не начальниковъ, то наблюдателей. Эти наблюдатели, конечно, ни образомъ жизни ни правами не будутъ отличаться отъ другихъ людей: они просто будутъ выполнять свои особыя обязанности, какъ рабочій, артистъ, ученый и т. д. будутъ выполнять свои.

Нѣкоторыя крайнія ученія, мечтая о равенствѣ, настолько сгущаютъ краски этого равенства, что получается впечатлѣніе казарменности, подъ гнетомъ которой должно исчезнуть личное „я“ человѣка. Общая одинаковая работа, общія спальни, общее воспитаніе дѣтей и т. д.,—все это способно скорѣе отпугнуть людей отъ ученія, чѣмъ привлечь ихъ къ нему. Утопія значительно смягчаетъ эти крайности. Въ будущемъ, какъ и теперь, и даже (см. главу II, „о свободѣ“), еще въ большей степени люди будутъ трудиться на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ. Ни на чемъ не основаны утвержденія, будто при свободѣ выбора профессій всѣ бросятся на интеллигентный трудъ. Это неосновательно уже потому, что неинтеллигентнаго труда нѣтъ. Есть неинтеллигентные люди, выполняющіе трудъ, и обыкновенно выполняющіе его очень плохо. Работа въ газетѣ, напримѣръ, считается трудомъ интеллигентнымъ, а между тѣмъ среди англійскихъ или америкапскихъ фермеровъ, воздѣ-

лывающихъ свои поля и сады, найдутся люди значительно болѣе интеллигентные, чѣмъ большинство мелкихъ газетныхъ работниковъ. Дѣятельность артиста считается высоко-интеллигентной, а между тѣмъ о нѣкоторыхъ артистахъ сохранились воспоминанія, говорящія о ихъ крайней некультурности.

Разъ трудящіяся во всѣхъ областяхъ получаютъ возможность жить по-человѣчески, найдутся охотники и на мускульный трудъ.

Здѣсь уместно будетъ сказать, что въ утопическомъ государствѣ мускульный трудъ, вѣроятно, найдетъ себѣ гораздо меньше примѣненія, чѣмъ онъ находитъ теперь. Если мы сравнимъ настоящее съ прошлымъ, хотя бы и недалекимъ, то мы увидимъ, что, благодаря развитію машинной техники, уже теперь надобность въ тяжеломъ физическомъ трудѣ значительно сократилась. Техника неудержимо, быстрыми шагами идетъ впередъ и далеко то время, когда человѣку останется лишь ухаживать за машинами.

Очень многіе трудящіяся склонны видѣть въ завоеваніяхъ техники опасность.

— Машинна замѣняетъ человѣка, а человѣкъ остается безъ заработка.

Это вѣрно, но лишь отчасти. Люди, стоявшіе десять лѣтъ тому назадъ за ручнымъ станкомъ, съ появленіемъ механическихъ ткацкихъ станковъ уже не могутъ работать, какъ работали прежде. Если для того, чтобы изготовить тысячу футовъ ткани, раньше требовалась работа пяти станковъ въ теченіе цѣлаго рабочаго дня, то теперь большой ткацкій станокъ, за которымъ ухаживаетъ одинъ ткачъ, даетъ ту же тысячу футовъ ткани въ 2—3 часа. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что четыре ткача, не получившіе мѣста за однимъ станкомъ, должны остаться безъ работы!

Современная промышленность часто жалуется на недостатокъ сбыта. Создалось даже особое слово: „перепроизводство“ слово, особенно дико звучащее въ наше время. Безчисленные миліоны людей нуждаются въ самомъ необходимомъ, ходятъ едва одѣтыми, лишены домашней утвари, не имѣютъ самыхъ простыхъ жизненныхъ удобствъ. И въ то же время товаровъ будто бы вырабатываютъ столько, что ихъ некуда дѣвать. Здѣсь дѣло не въ недостаткѣ сбыта, а въ томъ, что производителямъ не выведенъ широкій сбытъ по низкимъ цѣнамъ, не выгоде, потому что онъ способенъ лишь покрыть стоимость производства, но не дать барышей.

Въ этомъ отношеніи вполне согласны между собою какъ фабриканты и заводчики, перерабатывающіе сырой матеріалъ,

такъ и производители сырого матеріала. Для примѣра скажемъ нѣсколько словъ о промышленности, обрабатывающей *хлопчатую бумагу*.

Главными поставщиками хлопка на весь міръ являются Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, Британская Ост-Индія и Средняя Азія. Кромѣ того, хлопчатое дерево прекрасно развивается въ Африкѣ (одинъ Египетъ даетъ ежегодно 126.000.000 килограммъ, т.-е. *7.150.000 пудовъ* хлопка-сырья), Южной Америкѣ (Бразилія, Перу, Мексика, Венесуэла, Чили), Персін, Австраліи и т. д.

Хлопокъ на биржѣ постоянно мѣняетъ цѣну. Сегодня онъ цѣнится чуть ли не на вѣсъ золота, а завтра отдается за безцѣнокъ. Казалось бы, что единственнымъ регуляторомъ стоимости хлопка (какъ и всякаго сырого растительнаго продукта) можетъ быть его урожай, но на дѣлѣ мы видимъ совсѣмъ иное. Крупные спекулянты за годъ впередъ скупаютъ *весь урожай* по опредѣленной цѣнѣ. Если урожай хорошъ, то на рынокъ попадаетъ лишь столько хлопка, сколько его *необходимо* для удовлетворенія насущныхъ потребностей промышленности, а остатокъ прячется „на всякій случай“. Если урожай плохъ, то на рынокъ попадаетъ (при помощи „остатковъ“) ровно такое же количество хлопка, какъ и при хорошемъ урожаѣ, но только... по двойной цѣнѣ. Другими словами—плохой урожай хлопка для продавцовъ выигрываетъ хорошаго урожая. А въ періодъ времени между двумя урожаями идетъ чисто-биржевая игра. Проносится слухъ, что хлопковые плантаціи Бразиліи пострадали отъ урагана—цѣна на хлопокъ поднимается. Потомъ продавецъ, которому хочется скорѣе сбыть огромный запасъ, пускаетъ слухъ, что ожидается удивительный урожай—и цѣна на хлопокъ падаетъ, всѣ спѣшатъ покупать, ибо знаютъ, что черезъ нѣсколько дней или недѣль цѣна снова поднимется...

Такъ идетъ дѣло съ сырьемъ,

Фабрикантъ, обрабатывающій хлопокъ, учитываетъ положеніе рынка въ свою пользу. Ткань, которая сегодня продавалась по одной цѣнѣ, завтра продается по другой, „въслѣдствіе вздорожанія сырого хлопка“, хотя, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, крупные фабриканты по контрактамъ закупаютъ сырье на годъ впередъ, по опредѣленнымъ цѣнамъ.

Теперь представимъ себѣ другую картину, близкую къ той, которую въ общемъ рисуетъ современная утопія:

Хлопковое дерево прекрасно развивается на огромной полосѣ въ почти 80 градусовъ широты земного шара. Австралія и Сѣверная Америка, Африка, Южная Америка и Средняя

Азія, — всюду разводится это цѣнное растеніе. Всего хлопка — сырья добывается въ годъ около 3.300.000.000 килограммъ, т.-е. около 180.000.000 пудовъ. Если считать, что на земномъ шарѣ живутъ 1.585.000.000 человѣкъ, то на каждого человѣка, въ среднемъ, придется около $4\frac{1}{2}$ фунтовъ сырою хлопка въ годъ. Считаю, что при переработкѣ сырья на готовое издѣліе получится одна треть убыли въ вѣсѣ, мы получимъ 3 фунта бумажной ткани въ годъ на человѣка. А между тѣмъ издѣлія изъ древеснаго хлопка необходимы для всякаго человѣка. Представимъ себѣ, что люди отбросили всякія биржевыя и барышническія соображенія и стали работать для общаго блага. На чудовищной полосѣ, по 40° къ сѣверу и югу отъ экватора, раскидываются необозримыя хлопковые плантаціи. Въмѣсто трехъ милліардовъ килограммъ сырого хлопка въ годъ собираютъ 300 милліардовъ кил. Въмѣсто $1\frac{1}{2}$ милліона ткацкихъ станковъ, съ 88 милліонами веретенъ, работаютъ 20 милліоновъ станковъ, съ милліардомъ веретенъ. Правда, тогда сильно сократятся барыши скупщиковъ, биржевиковъ и фабрикантовъ, но зато найдутъ обезпеченный заработокъ десятки милліоновъ ткачей, земледѣльцевъ, механиковъ и т. д. и, кромѣ того, хлопчато-бумажныя издѣлія сдѣлаются доступными дѣйствительно всякому человѣку.

То же самое можно доказать и въ любой другой области: стоитъ только увеличить производство, одновременно отказавшись отъ барышей, и продуктъ найдетъ небывалый до того времени сбытъ, потому что *потребность въ продуктахъ ощущается острая, но нѣтъ возможности оплачивать не только стоимость продукта, но и аппетиты производителя сырья, фабриканта и перепродавца.*

Итакъ, на одномъ приведенномъ примѣрѣ мы достаточно ясно видимъ, что дѣло не въ машинѣ, будто бы вытѣсняющей человѣка, и дѣло не въ перепроизводствѣ продуктовъ, не находящихся сбыта, а дѣло въ современномъ укладѣ жизни, когда каждый, по мѣрѣ возможности, старается конить, чтобы обезпечить себѣ завтрашній день...

Едва ли надо говорить о томъ, что подобное положеніе ненормально. Утопическое будущее, несомнѣнно, создастъ другой порядокъ. Тогда люди будутъ стараться извлечь изъ природы возможно больше нужныхъ для жизни матеріаловъ, пустить ихъ въ переработанномъ видѣ въ общій оборотъ. Какъ курьезный анекдотъ, будутъ рассказывать, что когда-то люди не разрабатывали природныя богатства, не пользовались производительной силой земли потому, что... боялись добыть слишкомъ много полезныхъ, необходимыхъ для жизни предметовъ.

Утопическій человекъ не пойметъ тѣхъ расчетовъ, которыми руководствуются современные люди, и за одно это можно полюбить то будущее, которое сулитъ намъ наша утопія...

IV.

Женщина въ царствѣ утопіи.

Въ будущей общинѣ, какъ мы уже видѣли раньше, главнымъ закономъ будетъ свобода. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что женщина тогда будетъ такъ же свободна, какъ мужчина, но это далеко не значитъ, что женщина утратитъ тѣ качества, которыя дѣлаютъ ее привлекательной. Въ нѣкоторыхъ странахъ уже давно чувствуется стремленіе женщины сдѣлаться возможно менѣе женственной, возможно болѣе похожей на мужчину. Къ счастью, это стремленіе пока меньше всего проявляется среди англійскихъ женщинъ *).

Что бы ни говорили социологи о томъ, что женщина должна стоять наравнѣ съ мужчиной, сама природа опровергаетъ это. У всѣхъ представителей животнаго царства самка отличается отъ самца сравнительной слабостью, но зато она всегда изящнѣе въ своихъ движеніяхъ, мягче въ своихъ наклонностяхъ. Словомъ, она—*женственна*.

Надо оговориться, что современное стремленіе женщины стать во всѣхъ отношеніяхъ рядомъ съ мужчиной вполне естественно. Женщину въ этомъ направленіи толкаетъ бытовое неустройство, борьба за существованіе. У насъ за женщиной не признаютъ многихъ правъ, которыя неотъемлемо принадлежатъ мужчинѣ. Правда, за послѣднее время женщина добилась того, что она на многихъ поприщахъ работаетъ наравнѣ съ мужчиной, и для настоящаго, когда женщинѣ приходится вести суровую борьбу за право жить, это, пожалуй, отрадно. Въ будущемъ положеніе должно измѣниться кореннымъ образомъ. Женщина будетъ пользоваться безусловно всѣми правами, принадлежащими мужчинѣ, но она не будетъ чувствовать гнета жизненной борьбы, ей не нужно будетъ добиваться возможности выполнять работы, которыми заняты мужчины. Есть тѣмъ

*) Къ сожалѣнію, здѣсь Уэльса скоро постигло разочарованіе: именно среди англійскихъ женщинъ за послѣдніе годы („Утопія“ написана въ 1903 году) резко проявилось движеніе, ничего не имѣющее общаго съ женственностью. Это—такъ называемое движеніе суфражистокъ, добивающихся для женщинъ избирательнаго права. Суфражистки учиняютъ драки съ полицейскими, бросаютъ камни въ окна министровъ, и т. д.—словомъ, совсѣмъ не оправдываютъ вѣры Уэльса въ кротость англійской женщины.

областей, въ которыхъ одинокая женщина найдетъ примѣненіе своему труду и окажется несравненно полезнѣе мужчины. Сфера искусства, уходиваніе за больными, птицеводство, нѣкоторыя отрасли изящной промышленности, и т. д. Здѣсь всюду женщина, несмотря на производительный трудъ, можетъ сохранить свою женственность. Женщина семейная, понятно, найдетъ полное примѣненіе своимъ способностямъ и силамъ въ кругу семьи.

Напрасно нѣкоторые социологи создаютъ утопію, въ которыхъ женщины, наравнѣ съ мужчинами, превращены въ какія-то безличныя машины, что будто бы необходимо для „равенства и братства“. Если мы пристальнѣе взглянемъ въ прошлое, или обратимся къ современнымъ дикарямъ, то мы должны будемъ сознаться, что чѣмъ культурнѣе народъ въ высокомъ значеніи этого слова, тѣмъ сильнѣе въ немъ развито стремленіе устроить себѣ семейную жизнь отдѣльно. Яркимъ примѣромъ этого можетъ служить Англія, гдѣ люди отличаются большой общительностью, охотно встрѣчаются другъ съ другомъ въ ресторанахъ, и т. п., но гдѣ въ семью, въ святая святыхъ личной жизни, допускаютъ лишь немногихъ избранныхъ. Далѣе, какъ въ прошломъ культурныхъ народовъ, такъ и въ настоящемъ дикарей мы видимъ, что женщина стоитъ почти наравнѣ съ рабочимъ скотомъ. На женщинѣ лежатъ всѣ тяжелыя работы, при чемъ она даже не пользуется правами, принадлежащими мужчинѣ. По мѣрѣ того, какъ народъ поднимается по ступенямъ культуры, положеніе женщины улучшается, и въ то же время женщина изъ грубаго животнаго состояніи самки переходитъ къ состоянію женственности. Самка дѣлается женщиной.

Вполнѣ естественно предположить, что и дальше женщина будетъ развиваться именно въ этомъ направленіи, а не въ какомъ-либо иномъ.

Кромѣ того, самыя условія жизни будущаго сложатся такъ, что присутствіе женщины въ домѣ станетъ необходимымъ. Женщина семейная не будетъ имѣть возможности уходить на заработки.

Прежде всего, утопія не признаетъ того класса порабощенныхъ людей, которыхъ мы теперь называемъ „домашней прислугой“. Весьма вѣроятно, что сохранится лишь тѣмъ „помощницъ“, помогающихъ въ уходѣ за дѣтьми и въ нѣкоторыхъ работахъ, въ которыхъ хозяйка случайно неопытна.

Вѣроятно, многія современныя хозяйки придуть въ ужасъ отъ этой части утопіи: предъ ними встанетъ картина жизни безъ прислуги! Онѣ ярко представятъ себѣ положеніе, при

которомъ имъ придется самимъ мыть посуду, ходить на рынокъ, топить печи и т. д. Дѣйствительно, если бы весь укладъ домашней жизни въ будущемъ остался такимъ, какимъ онъ есть сейчасъ, жизнь безъ прислуги для многихъ оказалась бы тягостной. А между тѣмъ въ утопическомъ будущемъ прислуга будетъ совершенно лишней. Благодаря успѣхамъ техники, все то, что мы теперь называемъ „черной работой“, будетъ выполняться механически, вѣроятно же всего—при помощи электричества. Уже теперь въ Сѣверной Америкѣ можно наблюдать образцы такой жизни безъ прислуги. Въ Нью-Йоркѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ имѣются отели, предназначенные исключительно для милліардеровъ. Въ этихъ отеляхъ прислуги нѣтъ почти совсѣмъ, или, по крайней мѣрѣ, ея не видно. Въ отдѣленіяхъ, обставленныхъ, конечно, съ царской роскошью, въ каждой комнатѣ, у cadaго стола имѣются изящныя дощечки съ электрическими кнопками. Отопленіе, освѣщеніе и вентиляція управляются автоматически. Кушанья и напитки подаются механически, по нажиму соответствующей кнопки. Даже гардины на окнахъ опускаются и поднимаются посредствомъ электричества. Нѣчто въ этомъ родѣ сулить намъ въ будущемъ и утопія. Провизія будетъ утромъ доставляться на домъ. Быть-можетъ, жизненные припасы въ особыхъ учрежденіяхъ будутъ наполовину приготовляться къ потребленію, такъ что въ семьѣ останется только доварить или дожарить ихъ по своему вкусу. Отбросы въ большихъ городахъ (и благоустроенныхъ поселкахъ) уже теперь удаляются автоматически, черезъ канализаціонныя трубы. То же самое будетъ и въ эпоху утопіи, съ тою лишь разницей, что тогда, вѣроятно, отбросы будутъ не только удаляться, но и быстро уничтожаться. Благодаря электрической топкѣ, въ кухнѣ будетъ царить идеальная чистота, почти безъ всякихъ усилій со стороны хозяйки. Всасыватели пыли позаботятся о томъ, чтобы не было надобности въ уборкѣ комнатъ. Горячая и холодная вода всегда будетъ къ услугамъ нуждающихся въ пей. Телефонъ и, быть-можетъ, еще какія-нибудь средства сношенія сдѣлаютъ посланки съ порученіями совершенно ненужными: все требуемое будетъ въ опредѣленное время доставляться на домъ. Очевидно, что при такихъ условіяхъ мускульный трудъ прислуги будетъ совершенно лишнимъ, и прислуга исчезнетъ такъ же, какъ пчезли оруженосцы съ тѣхъ поръ, какъ тяжелые доспѣхи рыцарей съ поля брани перешли въ музеи.

Впрочемъ, если бы даже и сохранилась нѣкоторая надобность въ прислугѣ, къ тому времени, несомнѣнно, уже не найдется женщинъ, которыя пожелали бы взять на себя такіа

обязанности. Ни одна женщина не пойдет устраивать и обслуживать чужой семейный очагъ, если у нея есть возможность отдавать силы и знанія своему собственному очагу. Исключеніемъ явятся случаи, когда хозяйка захвораетъ или будетъ временно отвлечена отъ хозяйства болѣе важными обязанностями матери. Въ такомъ случаѣ на помощь явится тѣ женщины, которыя почему-либо не имѣютъ собственнаго хозяйства и посвятили себя дѣлу помощи другимъ. Но это будетъ именно *помощь*, исключаящая всякую возможность полурабовладѣльческихъ отношеній.

Будетъ ли утопическая женщина развита и образована? Несомнѣнно. Образование дѣвочки будутъ получать наравнѣ съ мальчиками. Такъ называемое „среднее“ образование будетъ обязательно для всѣхъ, за исключеніемъ хилыхъ и слабыхъ, которымъ лѣченіе и отдыхъ нужнѣе, чѣмъ знаніе. Желающія могутъ затѣмъ продолжать образованіе въ специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Если женщина захочетъ стать техникомъ, — никто не будетъ ей препятствовать въ этомъ. Но, повторяемъ, что тогда для женщины не будетъ повода избирать себѣ мужскую профессію: всѣмъ знаніямъ и силамъ она найдетъ приложеніе дома, въ спокойной, уютной обстановкѣ.

Несмотря на красивыя слова, которыя говорятъ и пишутъ о томъ, что женщина можетъ и должна работать наравнѣ съ мужчиной, мы уже теперь видимъ, что въ дѣйствительности для женщины домашній очагъ все-таки дороже всякой мужской дѣятельности. Женщина, добившаяся полной самостоятельности, выдвинувшаяся на какомъ-либо поприщѣ, возвращается въ семью, какъ только она встрѣтитъ подходящаго для нея мужчину, и, если ей только позволяютъ матеріальныя условія, она приноситъ свою дѣятельность въ жертву обязанностямъ хозяйки и матери.

Рискуя навлечь на себя негодованіе многихъ послѣдователей социальныхъ ученій, отрицающихъ институтъ брака, современная утопія утверждаетъ, что въ будущемъ бракъ не только не исчезнетъ, но даже еще болѣе укрѣпится. Въ наше время прistinъ брака принято возражать, главнымъ образомъ, въ томъ направленіи, что бракъ какъ цѣльми связываетъ часто людей, совершенно не подходящихъ другъ къ другу, случайно встрѣтившихся и вступившихъ въ бракъ подъ вліяніемъ минутнаго порыва. Однако скорѣе можно утверждать, что неудача большинства современныхъ браковъ зависитъ не отъ „порыва“, а отъ матеріальныхъ расчетовъ, на которыхъ эти браки основаны. Никого не удивляютъ браки, заключенные ради приданнаго, еще чаще дѣвушка выходитъ замужъ, чтобы „при-

строиться". Результат такого брака нетрудно предвидѣть, особенно въ томъ случаѣ, когда женщина до тѣхъ поръ совершенно не имѣла случая узнать жизнь. Получается положеніе, при которомъ, дѣйствительно, два человѣка, не имѣющіе другъ съ другомъ ничего общаго, часто даже стоящіе на совершенно различныхъ ступеняхъ развитія, приковываются другъ къ другу. Они тяготеютъ другъ другомъ, совершенно не понимаютъ одинъ другого, и вмѣсто семьи получается очагъ мученій, а иногда даже преступленій.

Но развѣ, уничтоживъ бракъ, мы уничтожимъ причины, создающія теперь такія невозможныя положенія? Нисколько. Мы, пожалуй, создадимъ даже еще болѣе благопріятную почву для такихъ положеній. Заклучая брачное условіе, даже совершенно наивныя люди все-таки относятся пли, вѣриге, стараются относиться къ своему шагу серьезно. Бракъ все-таки есть договоръ, накладывающій извѣстныя обязательства, дающій серьезные права.

Современная утопія говоритъ, что уничтожить надо не бракъ, а тѣ условія, которыя теперь такъ часто дѣлають бракъ источникомъ страданій для людей.

Будущее брака утопія рисуетъ слѣдующимъ образомъ: въ бракъ, признаваемый закономъ, могутъ вступать люди, получившіе образованіе, въ возрастѣ—женщины не менѣе 21 года, мужчины не менѣе 26 лѣтъ. Уже одинъ этотъ возрастъ вмѣстѣ съ образованіемъ ручается за то, что въ бракъ люди будутъ вступать осмысленно. Кромѣ того, у вступающихъ въ бракъ совершенно не будетъ никакихъ матеріальныхъ расчетовъ: живя отдѣльно, каждый изъ нихъ пользовался бы совершенно тѣми же правами и благами жизни, какими они будутъ пользоваться, живя вмѣстѣ. Слѣдовательно, браки будутъ основаны на личномъ влеченіи.

Мальчики и дѣвочки будутъ оканчивать образованіе вмѣстѣ, будутъ изучать другъ друга, привыкать другъ къ кругу и станутъ невозможнымъ современное положеніе, при которомъ молодая дѣвушка прямо со школьной скамьи навсегда связываетъ себя чуть ли не съ первымъ встрѣчнымъ, потому что она не умѣетъ разобраться въ людяхъ, а въ уговорахъ болѣе опытныхъ людей видитъ только кровную обиду... Утопія признаетъ право на бракъ только за сильными, вполне здоровыми людьми. Въ какой формѣ будутъ заключаться браки въ это далекое время, предугадать нельзя, да это и не важно.

Женщинѣ, дѣлающей матерью, законы будутъ удѣлять особое вниманіе. Женщина, имѣющая дѣтей, обильнѣе другихъ снабжается всѣмъ необходимымъ. Мать съ дѣтьми получаетъ

право, при желаніи, выбирать себѣ наиболѣе благопріятныя для здоровья мѣста для жизни, и семьи, не имѣющія дѣтей, безпрекословно должны уступать мѣсто дѣтямъ. Съ самаго ранняго возраста врачи начинаютъ заботиться о физическомъ развитіи и укрѣпленіи дѣтей. *Но дѣти все время остаются съ родителями.*

Въ этомъ отношеніи современная утопія въ корнѣ расходится съ утопіями, созданными нѣкоторыми социальными ученіями. Если когда-нибудь женщина достигнетъ такой степени „развитія“, что въ ней заглухнетъ чувство материнства, чувство любви къ дѣтямъ, то женщина упадетъ ниже низшихъ животныхъ и такого „развитія“ ей едва ли можно пожелать. Между тѣмъ только въ состояніи такого полного оупѣннн чувствъ женщина можетъ согласиться на тѣ способы воспитанія дѣтей, которые нѣкоторые социологи мечтаютъ примѣнить въ будущемъ ради „равенства и братства“. Казарменное воспитаніе, при которомъ невозможно любовное отношеніе къ личности ребенка, къ его особенностямъ, можетъ дать развѣ лишь живыя машины, но не людей. При этомъ любятъ ссылаться на Спарту, гдѣ будто бы такое коллективное воспитаніе примѣнялось съ успѣхомъ, забывая при этомъ, что Спарта стремилась создать себѣ, главнымъ образомъ, защитниковъ, воиновъ, что спартапцы очень мало жили культурными интересами.

Итакъ, ребенокъ будетъ физически развиваться подъ наблюденіемъ врачей. Всевозможная гимнастика и игры на открытомъ воздухѣ круглый годъ, лѣтомъ морскія купанья и т. д.—все это позволитъ воспитать дѣтей сильными, бодрыми, готовыми къ ученію.

Утопія предвидитъ коренныя измѣненія и въ области преподаванія. Масса предметовъ, считающихся теперь необходимыми, будутъ выброшены изъ средней школы, потому что ими желающіе могутъ заняться поздиѣ, какъ специальностью. Такъ какъ къ тому времени несомнѣнно всѣ будутъ говорить на одномъ общемъ языкѣ, то не будетъ никакой надобности изучать языки. Только специалисты по изслѣдованію старины будутъ изучать языки, какъ теперь специалисты занимаются халдскимъ или санскритскимъ языками.

Такъ какъ не будетъ отдѣльныхъ государствъ, то изученіе географіи значительно упростится, тѣмъ болѣе, что географію дѣти и юноши будутъ изучать наглядно во время путешествій.

Весьма вѣроятно, что тѣ науки, которыя теперь ложатся на ребенка мертвымъ бременемъ, тогда замѣнятся живымъ обще-

ніемъ съ природой. Ботанику будутъ изучать въ лѣсу, минералогію въ горахъ и т. д. Вѣдь тогда исчезнуть тѣ препятствія, которыя мѣшаютъ такому свободному преподаванію теперь: тогда человѣкъ во всякой точкѣ земного шара будетъ у себя въ отечествѣ, равный среди равныхъ. Тогда удобными средствами передвиженія по всему земному шару будетъ свободно пользоваться всякій нуждающійся въ нихъ...

Вполнѣ понятно, что всѣ эти условія должны очень благотворно вліять на развитіе женщины, какъ таковой. Исчезнуть тѣ причины, подѣ вліаніемъ которыхъ въ наше время лица такъ рано покрываются морщинами, женщины нерѣдко уже въ молодости кажутся старухами.

Признаетъ ли утопія разводъ? Разумѣется. Безъ этого не было бы свободы. Разводъ въ будущемъ не долженъ представлять затрудненій, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ быть строго обусловленъ законами. На разводъ дають право продолжительные раздоры, указывающіе на разность характеровъ. Поводомъ къ разводу можетъ служить болѣзнь или увѣчье. Наконецъ поводомъ къ разводу будетъ признано отсутствіе дѣтей. Но во всѣхъ случаяхъ разводъ дается по требованію хотя бы одной стороны, при чемъ каждой сторонѣ предоставляется полное право снова вступать въ бракъ. (Напоминаемъ, что больные лишены права вступать въ бракъ).

Для того, чтобы сдѣлать бракъ привлекательнымъ, современная утопія предусматриваетъ мѣру наказанія для тѣхъ, кто пожелалъ бы уклониться отъ брака: дѣти, рожденные внѣ брака, отбираются отъ родителей и воспитываются безъ ихъ участія, хотя на ихъ воспитаніе и образованіе обращается такое же серьезное вниманіе, какъ и на другихъ дѣтей.

При легкости развода и при общихъ благоприятныхъ условіяхъ жизни нарушеніе законовъ о бракѣ едва ли будетъ встрѣчаться часто, и, если утопія предусматриваетъ кару за это нарушеніе, то лишь потому, что люди всегда остаются людьми. Нарушеніе законовъ о бракѣ будетъ совершаться только тѣми людьми, которые не имѣютъ права вступить въ бракъ, т.-е. больными, а такое нарушеніе, конечно, можетъ принести будущему поколѣнію только вредъ.

Такимъ образомъ, современная утопія рисуется положеніе женщины будущаго въ такихъ свѣтлыхъ краскахъ, что невольно рождается желаніе, чтобы это будущее настало возможно скорѣе...

V.

Самурэй*).

До сихъ поръ природа еще не создала такого организма, въ которомъ *всѣ* части исполняли бы одинаковыя функціи, напримѣръ, поглощали бы пищу. Во всякомъ, даже микроскопическомъ, организмѣ строго проведено распредѣленіе труда: одинъ органъ захватываетъ пищу, другой вводитъ ее въ организмъ, третій подготавливаетъ ее для переработки, четвертый перерабатываетъ, пятый передаетъ полученные полезные соки, и т. д., почти до безконечности.

Человѣческое сообщество, особенно, если оно не насчитываетъ миллиарды членовъ, не можетъ существовать безъ самаго строгаго раздѣленія обязанностей. Слѣдовательно, въ такомъ сообществѣ непременно должны быть люди, которымъ присвоена распорядительная роль.

Кого-нибудь люди, толпа, должны слушаться, кто-нибудь долженъ слѣдить за соблюденіемъ законовъ, иначе вмѣсто порядка получится хаосъ, вмѣсто свободы наступитъ анархія.

Вполнѣ понятно разочарованіе тѣхъ, кто, горькимъ опытомъ на себѣ извѣдавъ терніи, сопровождающіе всякое начальственное попеченіе, мечталъ хотя бы въ утопіи обойтись безъ этого попеченія. Но современная утопія именно тѣмъ и отличается отъ другихъ утопій, что она не поднимается до высотъ невозможнаго, а старается парить въ областяхъ, достижимыхъ для человѣчества.

Современная утопія рисуетъ не идеаль, недостижимый для слабаго человѣка, а будущее, къ которому человѣкъ *долженъ* прійти, если только онъ въ своемъ развитіи не пойдетъ по ложному пути.

И въ этомъ будущемъ, *возможномъ* и *свѣтломъ*, современная утопія не можетъ обойти молчаніемъ классъ людей, которые будутъ руководить другими людьми, несравненно болѣе многочисленными.

Да, несмотря на равенство, люди и въ утопическомъ царствѣ будутъ раздѣлены на классы. Правда, это будутъ не тѣ

*) *Самурэями* или *самураями* назывались, около 400 лѣтъ назадъ, дворяне Японіи, которые служили *дайміямъ*, „большимъ дворянамъ“. Отъ прочихъ дворянъ самураи отличались тѣмъ, что имѣли право носить два меча. О самурэяхъ много писалъ Гончаровъ, въ очеркахъ „*Фрегатъ Паллада*“. Называя вышее сословіе будущаго *самурэями*. Уэльсъ, очевидно, хотѣлъ избѣжать всякихъ намековъ на современныя намъ привилегированныя сословія.

классы, на которые люди раздѣляются теперь. Мы, говоря о классахъ, непремѣнно представляемъ себѣ высшій классъ, господствующій надъ всѣми остальными, затѣмъ идутъ нѣсколько среднихъ классовъ, и, наконецъ, плетется низшій классъ, кормящій своимъ трудомъ всѣ остальные классы. И, вопреки здравому смыслу, низшій классъ, несущій на себѣ главную тяжесть труда, поставленъ въ самыя худшія жизненные условія, и чѣмъ выше классъ, тѣмъ большими удобствами онъ пользуется...

Какъ мы уже говорили не разъ, современная утопія въ своемъ царствѣ будущаго не признаетъ различія жизненныхъ условій для людей, и если, тѣмъ не менѣе, она дѣлитъ людей будущаго на классы, то дѣлаетъ это исключительно съ цѣлью подраздѣлить ихъ по способностямъ, образованію и занятіямъ.

Верховнымъ классомъ, вѣдающимъ всѣ дѣла общества, будутъ *самурэи*.

Самурэи должны служить примѣромъ для *всѣхъ* и во *всѣхъ отношеніяхъ*, но въ то же время они никоимъ образомъ не будутъ составлять замкнутую касту. Въ настоящее время на землѣ существуетъ родовое дворянство. Почти у всѣхъ народовъ оно составляетъ совершенно особый слой, въ который проникнуть снизу почти невозможно. Даже въ свободной демократической Англіи титулъ не только пэра, но даже просто сэра дается лишь за выдающіяся заслуги, которыя подъ силу лишь исключительнымъ людямъ, да и тѣми проявляются крайне рѣдко. Въ другихъ государствахъ проникнуть въ родовое дворянство, получить титулъ барона, графа или князя еще труднѣе.

Со временемъ этотъ пережитокъ стараго отойдетъ въ область преданій, и, хотя дѣленіе людей на классы сохранится, переходъ изъ одного класса въ другой не представитъ особыхъ затрудненій.

Всякій желающій можетъ сдѣлаться самурземъ, но при непремѣнномъ условіи, чтобы у него на это были данныя. А данныя для вступленія въ классъ самурзевъ требуются весьма серьезныя.

Въ число самурзевъ можетъ поступить всякій мужчина, достигшій 28-лѣтняго возраста, и всякая женщина, достигшая 25-лѣтняго возраста. Необходимо, чтобы кандидатъ въ самурэи ни разу не былъ замѣченъ не только въ предосудительномъ, но даже въ сколько-нибудь отступающемъ отъ безукоризненнаго поведенія поступкѣ. Желающій стать самурземъ долженъ быть совершенно здоровъ и долженъ окончить какое-нибудь высшее специальное заведеніе. Врачи обязательно должны быть самурэями, т.-е. обязательно должны подчиняться

довольно суровымъ правиламъ этого класса. Вступая въ число самурэевъ, человѣкъ долженъ дать торжественное обѣщаніе навсегда отказаться отъ употребленія мяса и спиртныхъ напитковъ, отъ куренія и другихъ наркотическихъ средствъ, если примѣненіе послѣднихъ не вызывается болѣзнию. Каждый годъ самурэй по очереди обязаны провести семь дней въ строгомъ уединеніи, въ постѣ. Они удаляются для этого въ особыя одиночныя камеры, лишеныя всякихъ удобствъ, съ самымъ скуднымъ запасомъ пищи, едва достаточнымъ для поддержанія жизни. За эту недѣлю уединенія самурэй долженъ привести въ порядокъ свои мысли, такъ сказать, самоисповѣдываться.

Въ отношеніи семейнаго положенія для мужчинъ самурэевъ не будетъ никакого ограниченія, но для женщинъ, желающихъ вступить въ этотъ классъ, должно быть, по мысли современной утопіи, предусмотрѣно небольшое ограниченіе, заключающееся въ томъ, что самурэемъ не можетъ быть женщина, которая замужемъ за членомъ низшаго класса государства. На первый взглядъ это ограниченіе напоминаетъ современный порядокъ, при которомъ въ нѣкоторыхъ странахъ низшему классу, „народу“, преграждается доступъ къ высшему образованію и къ высшимъ государственнымъ должностямъ. На первый взглядъ кажется верхомъ несправедливости преграждать женщинамъ путь къ высшему классу только потому, что ея мужъ принадлежитъ къ низшему классу. Въ дѣйствительности же утопія находитъ для этой мѣры вполнѣ разумные доводы: въ утопическомъ государствѣ къ низшему классу будутъ принадлежать только безнадежно тупые люди, не имѣющіе сколько-нибудь высокихъ интересовъ, потому что при общемъ среднемъ образованіи и при общихъ для всѣхъ хорошихъ матеріальныхъ условіяхъ переходъ изъ одного класса въ другой обуславливается только развитіемъ человѣка. Если женщина развита настолько, что по своимъ личнымъ качествамъ способна быть самурэемъ, то она должна стараться передать хотя часть своего развитія своему мужу. Если она этого не дѣлаетъ, то она не можетъ управлять общественными дѣлами. Таковъ логическій выводъ утопіи.

Самурэй непремѣнно должны заниматься какимъ-либо трудомъ, имѣющимъ общественное значеніе. Какъ мы уже сказали, врачи обязательно должны быть самурэями, потому что такая высокая дѣятельность, какъ дѣятельность врача, требуетъ отъ человѣка высокихъ нравственныхъ качествъ. Самурэями должны быть ученые, художники, артисты, музыканты, журналисты, священники и т. д. Всѣ эти занятія требуютъ качествъ, которыми не всегда обладаютъ люди, но въ то же время эти

занятія должны оказывать на другихъ людей благотворное возвышающее вліяніе.

Самурэи, отъ которыхъ утопія требуетъ высшаго развитія, высшихъ нравственныхъ качествъ и въ то же время воздержанія, не пользуются никакими особыми благами жизни—у нихъ есть только обязанности, и обязанности подъ часъ очень тяжелыя. Такъ какъ, по роду своихъ занятій, самурэи должны быть въ утопическомъ государствѣ очень многочисленны и должны постоянно находиться въ тѣсномъ общеніи съ другими классами, то на ихъ обязанности лежитъ наблюденіе за исполненіемъ законовъ. Утопія признаетъ лишь немного законовъ, потому что отношенія между людьми къ тому времени должны значительно упроститься, но утопія налагаетъ за нарушеніе каждаго закона одну тяжелую кару: *изгнаніе*, если только будетъ доказано, что законъ нарушенъ по злой волѣ, сознательно.

Здѣсь надо замѣтить, что современная утопія предвидитъ особый способъ выработки законовъ,—способъ, при которомъ нарушеніе закона возможно лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ.

Опредѣленное число самурэевъ можетъ представить на общее обсужденіе проектъ закона, если созданіе новаго закона вызвано жизнью. Этотъ законопроектъ въ отгискахъ разсылается по всѣмъ самоуправляющимся обществамъ земного шара. Каждое общество отпечатываетъ законопроектъ во множествѣ экземпляровъ и рассылаетъ его болѣе мелкимъ самоуправляющимся единицамъ — общинамъ. Общины, въ свою очередь, печатаютъ нужное количество экземпляровъ законопроекта и рассылаютъ ихъ своимъ членамъ. Каждый членъ общества, достигшій брачнаго возраста, какъ мужчины, такъ и женщины, какъ холостые, такъ и семейные, обязанъ сдѣлать на проектѣ отмѣтку о томъ, принимаетъ онъ его или нѣтъ, и, если не принимаетъ, то почему именно.

Здѣсь современная утопія считаетъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторое поясненіе. Если бы подобный способъ проведенія въ жизнь законовъ мы вздумали бы примѣнить теперь, то неизбѣжно долженъ получиться самый невѣроятный хаосъ, даже, если опытъ ограничится всего однимъ какимъ-либо государствомъ. Въ настоящее время многочисленные классы населенія имѣютъ самые разнообразные интересы, нерѣдко противорѣчащіе другъ другу. Кромѣ того, развитіе людей настолько различно, матеріальное ихъ положеніе настолько не одинаково, что трудно даже представить себѣ ту пестроту, которою отличались бы отвѣты на подобную анкету. Иное дѣло — гѣ

дарствѣ утопіи. Общность интересовъ и равномерное распределеніе матеріальныхъ благъ дадутъ людямъ возможность высказаться по поводу каждаго закона сравнительно дружно.

Затѣмъ огромная работа по сводкѣ мнѣній обитателей всего земного шара протечетъ быстро и безъ особыхъ затрудненій: совѣтъ общины подсчитываетъ голоса, поданные за проектъ, и установить, какія два или три довода *противъ* проекта высказаны членами общины. Каждая община пришлетъ совѣту общества справку въ нѣсколько строкъ. Общество, въ свою очередь, сдѣлаетъ такой подсчетъ по справкамъ, полученнымъ отъ общинъ, и отправитъ свою справку въ нѣсколько строкъ самурэямъ, выработавшимъ законопроектъ. Если за законопроектъ подано определенное число голосовъ, (напримѣръ, $\frac{7}{8}$), то проектъ признается закономъ, о чемъ тѣмъ же порядкомъ немедленно увѣдомляются общества, общины и отдѣльные жители. Если нужного числа голосовъ нѣтъ, законопроектъ отклоняется, или перерабатывается согласно большинству возраженій.

Мы, знакомые съ медленнымъ ходомъ канцелярской машины, можемъ представить себѣ всю эту работу растянутой на года. Въ утопическомъ государствѣ, когда весь земной шаръ будетъ окутанъ электрическими проводами, когда люди будутъ работать не за вознагражденіе, а ради общаго дѣла, вся эта работа займетъ какую-нибудь недѣлю.

Такимъ образомъ, *все* люди будутъ участвовать въ разработкѣ законовъ, которыхъ кстати вообще будетъ немного.

Итакъ, самурэи предлагаютъ законы и слѣдятъ за ихъ исполненіемъ. Изъ самурэевъ составляются совѣты общинъ, обществъ и главный совѣтъ, въ рукахъ котораго сходятся нити управленія со всего земного шара. Но главный совѣтъ облеченъ не большей властью, чѣмъ совѣты общинъ, или даже чѣмъ отдѣльные самурэй: онъ служитъ лишь какъ бы звеномъ, связывающимъ между собою совѣты обществъ. Каждый совѣтъ общества, въ свою очередь, объединяетъ совѣты общинъ, а каждый совѣтъ общины—самурэевъ послѣдней. Главный совѣтъ можетъ только предлагать на обсужденіе, но не приказывать. Но *предлагать* можетъ и отдѣльный самурэй. Въ свою очередь, главный совѣтъ обязанъ проводить въ жизнь все рѣшенія совѣтовъ обществъ. Совѣты обществъ не могутъ принимать самостоятельныхъ рѣшеній, и лишь объединяютъ рѣшенія совѣтовъ общинъ, которыя выносятъ свои заключенія лишь послѣ опроса всѣхъ самурэевъ общины. Члены остальныхъ классовъ опрашиваются лишь въ двухъ случаяхъ: при обсужденіи новаго закона и при рѣшеніи вопроса объ изгнаніи.

Право возбуждать вопросъ объ изгнаніи принадлежитъ только самурэямъ, но каждому члену общины предоставляется заявить любому самурэю о проступкахъ, могущихъ повлечь за собою изгнаніе.

На обязанности самурэя лежитъ провѣрка заявленія, и, если оно подтвердится, самурэй долженъ передать вопросъ совѣту общины. Совѣтъ, предварительно выяснивъ обстоятельства дѣла, спрашиваетъ всѣхъ самурэевъ, согласны ли они предать виновнаго суду, и затѣмъ созываетъ членовъ общины по классамъ. Каждый классъ высказывается за или противъ изгнанія, — чѣмъ выше классъ, тѣмъ большее значеніе имѣетъ его сужденіе.

Если же первоначальное заявленіе не подтвердится, то заявитель заносится въ особый списокъ „сомнительныхъ“. Человѣкъ, сдѣлавшій три неосновательныхъ заявленія, самъ подлежитъ изгнанію *).

Такимъ образомъ, всякій самурэй долженъ совмѣщать въ себѣ слѣдователя, судью и полицію и, кромѣ того, дѣлать свою работу.

Совѣты, избираемые ежегодно, должны наблюдать за правильнымъ ходомъ работъ и за жизненными условіями общины. Обмѣнъ продуктами или рабочими силами между отдѣльными общинами совершается помимо совѣта общества и т. д.

Словомъ, вся система управленія утопическаго государства будетъ отличаться простой, и вмѣстѣ съ тѣмъ она будетъ совершенна: въ управленіи можетъ участвовать всякій, кто обладаетъ знаніями, высокими нравственными качествами и кто способенъ ради общаго дѣла испытывать нѣкоторыя лишения (не курить, не пить, не ѣсть мяса, и т. д.). Кромѣ желанія приносить пользу, не будетъ никакихъ причинъ или приманокъ, которыя могли бы привлечь людей въ высшій классъ самурэевъ, тѣмъ болѣе, что званіе самурэя не будетъ переходить къ потомству.

За малѣйшій сомнительный поступокъ самурэй, по рѣшенію другихъ самурэевъ общины, простымъ большинствомъ голо-совъ навсегда исключается изъ этого класса.

Такимъ рисуется современная утопія высшій, правящій классъ будущаго...

Кромѣ класса самурэевъ, утопія признаетъ еще четыре различныхъ класса.

*) Этотъ порядокъ напоминаетъ порядокъ, царившій на Руси дѣтъ 200—300 тому назадъ. Достаточно было крикнуть: „слово и дѣло!“ , чтобы приказъ началъ разслѣдованіе, но если доносъ не подтверждался, доносчикъ получалъ „первый кнутъ“.

Слѣдующимъ за самурэями является классъ *поэтиковъ*. Это люди, получившіе высшее образованіе, ученые и артисты, инженеры и музыканты,—словомъ, люди, не только могущіе, но, по своей спеціальности, частью даже обязанные быть самурэями. Поэтики или не достигли возраста, необходимаго для самурэевъ, или же они не обладают какими-либо качествами, установленными для представителей высшаго класса. Человѣкъ, исключенный изъ класса самурэевъ, поступаетъ въ классъ поэтиковъ. При самомъ ничтожномъ проступкѣ поэтискъ переводится въ низшій классъ и т. д. Отъ остальныхъ классовъ поэтики отличаются тѣмъ, что они могутъ непосредственно дѣлаться самурэями, и что ихъ голосъ перевѣшиваетъ голоса низшихъ классовъ. Кромѣ того, человѣкъ, не состоящій въ классѣ поэтиковъ, не можетъ занимать никакой распорядительной должности, не можетъ завѣдывать мастерской, заводомъ, не можетъ управлять судномъ или поѣздомъ и т. д. Затѣмъ идетъ классъ *кинетиковъ*. Чтобы вступить въ классъ кинетиковъ, необходимо чѣмъ-нибудь проявить себя въ наукѣ, литературѣ или техникѣ, при чемъ высшее образованіе не обязательно. Кинетики являются какъ бы подотдѣломъ поэтиковъ. Такъ какъ среднее образованіе обязательно для всѣхъ, то для того, чтобы стать кинетикомъ, достаточно просто написать какую-нибудь книгу, изобрѣсти какой-нибудь приборъ, и т. д., словомъ, хоть чѣмъ-нибудь выдѣлиться изъ общей массы. Особая права кинетиковъ ограничиваются тѣмъ, что ихъ голоса цѣнятся выше голосовъ остальныхъ двухъ классовъ; людямъ, состоящимъ въ классѣ кинетиковъ, отдается преимущество, когда на какую-нибудь работу, на поѣздку и т. д., кандидатами являются одновременно кинетикъ и представители низшихъ классовъ.

Затѣмъ слѣдуетъ классъ *неподвижныхъ* *). Это люди, получившіе обязательное для всѣхъ среднее образованіе, занимающіеся своимъ дѣломъ, ничѣмъ сколько-нибудь выдающимся себя не проявляющіе. Это здоровая рабочая масса, вполне довольная своимъ положеніемъ, никуда и ни къ чему не стремящаяся.

Наконецъ утопія предусматриваетъ существованіе класса низовъ.

Низы составляются изъ недоразвитыхъ людей, которые не могли закончить даже среднее образованіе. Сюда должны попасть всѣ люди, надѣленные наследственными болѣзнями, а

*) Вѣрнѣе, тупыхъ, такъ какъ Уэльсъ называетъ ихъ *dull*. Однако въ противоположность *кинетикамъ*, т.-е. подвижнымъ, ихъ вѣрнѣе будетъ назвать *неподвижными*.

также люди, у которыхъ мускульная система развита въ ущербъ системѣ нервной. Представители класса низовъ, неспособные къ умственному труду, будутъ выполнять физическія работы, но они не будутъ паріями, въ нихъ не будутъ видѣть существъ низшаго порядка, какъ это нерѣдко дѣлается теперь. Какъ мы уже говорили, низы будутъ пользоваться тѣми же благами жизни, которыми пользуются самурэи; въ исключительно важныхъ случаяхъ, каковы вопросы объ изгнаніи и обсужденіе законопроектовъ, низы будутъ имѣть право голоса наравнѣ съ другими классами, но при подсчетѣ ихъ голоса должны перевѣшиваться голосами другихъ классовъ. Если бы когда-нибудь случилось, что низы подали столько голосовъ за законопроектъ, сколько другіе классы подали противъ, вопросъ долженъ быть рѣшенъ въ пользу другихъ классовъ, т.-е. законопроектъ долженъ быть отклоненъ.

Современная утопія очень подробно останавливается на социальномъ и административномъ строѣ государства будущаго. Если бы мы захотѣли сдѣлать то же самое, мы слишкомъ утомили бы читателей. Вполнѣ достаточно и того, что нами приведено.

Въ этомъ государствѣ будущаго, какъ его рисуетъ утопія, нѣтъ того казарменнаго равенства, о которомъ мечтаютъ крайнія социальныя ученія. Тамъ всякому открытъ свободный доступъ къ любому классу, потому что тамъ самые классы обозначаютъ не какія-либо особыя права и преимущества, а лишь степень развитія, образованія и нравственныхъ качествъ людей.

VI.

Утопическій человѣкъ.

Благодаря прекраснымъ жизненнымъ условіямъ и правильному развитію организма въ дѣтствѣ, утопическій человѣкъ долженъ отличаться здоровьемъ, о которомъ мы при нашемъ образѣ жизни и при нашей лихорадочной борьбѣ за существованіе не смѣемъ и мечтать. Люди и въ этомъ отношеніи должны вернуться къ прошлому. Постепенно совершенствуясь, организмъ человѣка сдѣлается такимъ же могучимъ, какимъ онъ былъ въ древности. Исчезнуть слѣды той дегенерации, жертвой которой человѣчество едва не стало въ наше время. Природа создала человѣческій организмъ съ такимъ расчетомъ, чтобы онъ жилъ не менѣе 100 лѣтъ. Слѣдовательно, первая половина жизни до 50 лѣтъ должна считаться молодостью. Человѣкъ семидесяти пяти лѣтъ, достигшій третьей

четверти средней жизни, долженъ считаться человѣкомъ зрѣлаго возраста. И только на девятомъ десяткѣ могутъ проявляться первые признаки естественной старости.

У насъ признаки старости нерѣдко проявляются на пятомъ десяткѣ лѣтъ, а нѣкоторая часть молодежи страдаетъ всѣми старческими недугами вплоть до морщинъ на лицѣ, едва достигнувъ двадцатилѣтняго возраста...

Когда человѣкъ вновь станетъ ближе къ природѣ, когда онъ получитъ возможность работать спокойно, не опасаясь каждое мгновеніе, что у него вырвутъ изо рта кусокъ хлѣба, онъ снова станетъ сильнымъ, бодрымъ, его организмъ будетъ успѣшно бороться съ болѣзненными началами, жертвой которыхъ становится ослабленный организмъ современнаго человѣка.

Словомъ, утопическій человѣкъ физически будетъ такимъ же, какимъ былъ человѣкъ въ древности.

Костюмъ утопическаго человѣка, несомнѣнно, не будетъ такимъ уродливымъ, какъ наши костюмы, и не будетъ мѣнять свой фасонъ каждый годъ. То, что мы теперь называемъ *модой*, слишкомъ чудовищно для того, чтобы жить вѣчно. Человѣческое тѣло слишкомъ красиво для того, чтобы скрывать его мягкія линіи въ безобразныхъ складкахъ матеріи. Костюмъ будущаго, несомнѣнно, устранить этотъ недостатокъ, будетъ простъ, красивъ и гигиениченъ. Разнообразіе костюма будетъ, вѣроятно, существовать только въ зависимости отъ климата, потому что въ Лондонѣ, конечно, нельзя одѣваться такъ, какъ одѣваются на экваторѣ...

Таковъ въ общихъ чертахъ долженъ быть физическій обликъ утопическаго человѣка. Каковъ будетъ его духовный, нравственный обликъ?

Въ предыдущей главѣ мы набросали тотъ государственный строй будущаго, который рисуется современная утопія. При такомъ строѣ нѣтъ мѣста низменнымъ побужденіямъ. Всѣ стремленія людей естественно должны направиться въ сторону самосовершенствованія, такъ какъ только путемъ самосовершенствованія можно добиться перехода изъ низшихъ классовъ въ высшіе. Такимъ образомъ, со временемъ духовный обликъ утопическаго человѣка долженъ сдѣлаться прекраснымъ, совершенно не похожимъ на духовный обликъ современнаго средняго человѣка.

Попробуемъ разобраться въ отдѣльныхъ чертахъ этого облика.

Если мы внимательно всмотримся въ нравственныя теченія современности, то мы замѣтимъ, что по нимъ красной нитью проходитъ стремленіе поколебать всякую религіозность.

Религіозность многими считается простой отсталостью. И нѣкоторыя соціальныя ученія открыто включаютъ въ свою программу уничтоженіе религіи. Этихъ людей свободно можно сравнить съ вандалами, разграбившими и уничтожившими сокровища искусствъ въ Римѣ.

Ихъ можно еще сравнить съ хранителемъ музея, гдѣ статуи и картины запылелись. Въмѣсто того, чтобы промыть картины и статуи, снять съ нихъ грязный налетъ, смотритель разбиваетъ статуи, сжигаетъ цѣнныя картины.

Точно такъ же поступаютъ люди, стремящіеся во что бы то ни стало уничтожить религіозность. Современная утопія рѣшительно отвергаетъ возможность такого уничтоженія. Напротивъ того, *утопическій человекъ долженъ быть и будетъ чрезвычайно религіознымъ*

Утопическій человекъ, съ широко развитымъ философскимъ взглядомъ, близкій къ природѣ, знакомый со многими ея тайнами, не можетъ не углубиться въ философію вселенной. Между тѣмъ, эта философія, напрасно старающаяся найти первоисточникъ, первопричину всего существующаго, неизбежно приводитъ къ желанію поклоняться этой Первопричинѣ. Эта философія неизбежно приводитъ насъ къ Богу. Грубый матеріализмъ, которымъ стараются заполнить ту пустоту, которая остается на мѣстѣ религіи, разсыпется въ пыль при первомъ дуновеніи божественной философіи. Человекъ будущаго, узнавъ еще больше тайнъ природы, чѣмъ ихъ знаемъ мы, долженъ еще глубже склониться предъ той Мудростью, которая создала природу и руководитъ ея законами. Человекъ будущаго не можетъ быть матеріалистомъ, потому что вся его жизнь будетъ сплошнымъ стремленіемъ къ совершенствованію духа, а потому онъ будетъ религіознымъ.

Уже теперь въ этомъ направленіи замѣтна реакція. Уже теперь начинаютъ успокаиваться тѣ волны невѣрія, которыя поднялись въ половинѣ прошлаго вѣка подъ влияніемъ нѣсколькихъ крупныхъ открытій въ области естествознанія. Уже теперь развѣ лишь увлекающаяся молодежь склонна все въ мірѣ объяснять „круговоротомъ матеріи“ и „закономъ о сохраненіи энергіи“. Но даже и эта молодежь задумывается, когда ей задаютъ вопросъ, откуда же взялись хотя бы эти два закона?

Поворотъ въ сторону религіозности уже теперь проявляется очень замѣтно. Всевозможныя религіозныя братства и общества возникаютъ массами. Правда, большинство этихъ обществъ и братствъ основано съ цѣлями, имѣющими мало общаго съ чистой, возвышенной религіей, но тотъ фактъ, что они все-

такимъ привлекаютъ массу сторонниковъ, говоритъ самъ за себя.

Какую религію будутъ исповѣдовать утопическіе люди?

Вѣроятно все, это будетъ религія, которая объединитъ въ себѣ все лучшее, что драгоценными блестками разсыпано по извѣстнымъ намъ религіямъ. Эта религія будущаго будетъ сверкать мудростью и красотой, не признавать ея будетъ невозможно.

Каковы будутъ обряды этой религіи? Современная утопія совсѣмъ не касается этого вопроса, да онъ и совершенно не важенъ.

Утопическій человѣкъ, такимъ образомъ, долженъ быть прекрасенъ и физически и духовно. Однако современная утопія придаетъ ему черты, которыя въ нашемъ представленіи обычно не вяжутся съ высокимъ духовнымъ развитіемъ: утопическій человѣкъ не будетъ знать жалости. Онъ создастъ для себя прекрасныя условія жизни, онъ станетъ на высокую ступень духовнаго развитія и нравственности, но въ то же время онъ безжалостно будетъ карать за всякій проступокъ, угрожающій цѣлости созданной гармоніи.

Создастся совершенно новая этика, не похожая на этику современную. Мы говоримъ, что земля—это временный пріютъ, въ которомъ человѣкъ—странникъ, временный гость. И огромное большинство людей, слѣпо придерживаясь этого взгляда, ведетъ себя именно такъ, какъ ведетъ себя странникъ, останавливаясь гдѣ-нибудь на отдыхъ. Такой странникъ, конечно, не заботится о томъ, чтобы украсить свой временный пріютъ, чтобы перестроить его. Большинство людей совершенно безучастно относится къ тому, что совершается на землѣ, если только событіе не касается ихъ самихъ, не затрагиваетъ ихъ интересы. Если бы современные люди жили общими интересами, и отзывались на всякое событіе, хотя бы оно и не касалось ихъ непосредственно, то уже теперь исчезла бы значительная часть зла и несправедливости, которымъ въ утопическомъ царствѣ не будетъ мѣста на землѣ. Этика утопіи будетъ видѣть въ жизни человѣка на землѣ особую привилегію, которая палагаетъ на человѣка серьезныя обязанности. Земля перестанетъ быть подобіемъ ночлежнаго пріюта для душъ, слетающихъ на нее изъ мірового пространства.

Каждый человѣкъ будетъ стремиться возможно полезнѣе провести жизнь, внести въ нее какъ можно больше красоты и счастья. Девизомъ утопическаго человѣка будетъ:

Красиво жить и красиво умереть.

И ради сохраненія этой красоты человѣкъ будетъ безжалостенъ по отношенію ко всякому, кто будетъ искажать ее. Человѣкъ, не признающій приведеннаго девиза, будетъ навсегда изгоняться.

Не только сами изгнанники, но и ихъ потомки будутъ лишены права когда-либо возвратиться въ общество незапятнанныхъ людей.

Выше мы уже говорили о томъ, что въ утопическомъ царствѣ въ бракъ вступать будетъ дозволено только сильнымъ, здоровымъ людямъ. Ясно, что этимъ имѣется въ виду избѣжать физическаго вырожденія людей. Хилыя дѣти могутъ рождаться только отъ хилыхъ родителей, не имѣющихъ права вступать въ бракъ. Современная утопія предусматриваетъ случаи, когда безнадежно хилые люди, какъ въ дѣтскомъ, такъ и въ зрѣломъ возрастѣ будутъ уничтожаться. Здѣсь мы снова встрѣчаемся съ чертой, которая по нашимъ этическимъ взглядамъ не совмѣстима съ высокимъ нравственнымъ развитіемъ. Утопическая этика будетъ относиться къ этимъ вопросамъ иначе. Во всякомъ случаѣ будутъ приняты всѣ мѣры для того, чтобы предупредить наслѣдственную передачу, какъ физическихъ, такъ и духовныхъ болѣзней и уродствъ.

Утопическій человѣкъ будетъ относиться къ смерти иначе, чѣмъ мы. У него будутъ идеалы, ради которыхъ онъ не задумается умереть самъ или устранить другихъ. Вѣроятно, онъ предпочтетъ красное самоубійство безобразящей болѣзни и медленному увяданію. И въ этомъ отношеніи будущее вернется къ прошлому, когда больные и слабые предпочитали смерть хилости.

Но смерть утопическій человѣкъ никогда не изберетъ орудіемъ устрашенія или наказанія. Для него смерть будетъ вполне естественнымъ актомъ, который долженъ совершиться возможно безболѣзненно, возможно незамѣтно для умирающаго. Къ услугамъ человѣка будетъ масса средствъ, при помощи которыхъ смерть можно будетъ сдѣлать не только безболѣзненной и незамѣтной, но даже прекрасной.

Вообще можно съ увѣренностью сказать, что утопическій человѣкъ совсѣмъ не будетъ знать боли. Но это не значитъ, что онъ будетъ измѣненъ. Просто, самыя условія жизни сложатся такъ, что всякая возможность причиненія боли будетъ предупреждена и устранена.

Такъ какъ въ утопическомъ государствѣ не будетъ повода къ благотворительности, не будетъ угнетенныхъ и несчастныхъ, которымъ надо помочь, то со временемъ чувство жалости въ утопическомъ человѣкѣ умретъ совершенно, но зато въ немъ

широко разовьется чувство справедливости и едва ли человекъ отъ этого сдѣлается хуже.

Вотъ въ общихъ чертахъ физическій и духовный обликъ человека будущаго.

VII.

Единое человечество будущаго.

Современная утопія рисуетъ картину постепеннаго образованія единаго государства, охватывающаго весь земной шаръ. Для того, чтобы яснѣе представить себѣ этотъ процессъ, надо бросить взглядъ назадъ, вспомнить, какъ возникали современные государства.

Еще въ доисторическія времена люди объединялись въ группы, потому что прежде всего человеку свойственна извѣстная общительность, а кромѣ того, въ группѣ всегда легко защищаться отъ нападений. Объединившись въ группы, люди естественно начали раздѣлять между собой обязанности. Въ то время, когда одни охотились, другіе въ жилищахъ занимались обработкой кожъ убитыхъ животныхъ, третьи тесали изъ камня или дерева оружіе и предметы домашняго обихода, четвертые готовили пищу, и т. д.

Такъ какъ природа не знаетъ полнаго равенства, то въ группахъ выдвигались на первый планъ люди, одаренные исключительнымъ умомъ или энергіей. Въ этихъ людяхъ просыпалось стремленіе къ власти. Они дѣлались начальниками и подчиняли своей волѣ другихъ, болѣе слабыхъ людей. Получились общины. Среди начальниковъ отдѣльныхъ группъ, въ свою очередь, встрѣчались люди сравнительно слабые, которые легко попадали подъ вліяніе другихъ, болѣе сильныхъ начальниковъ. Отдѣльныя группы сливались подъ начальствомъ сильныхъ. Члены группъ рождались между собою, получалось общество. Община, создавшаяся первоначально изъ одной семьи, изъ рода, подъ начальствомъ энергичнаго человека поглощала другія общины и росла какъ снѣжный комъ. Она захватывала землю и, въ концѣ-концовъ, выростала въ самостоятельную большую единицу. Въ средніе вѣка, когда на Востокѣ такихъ единицъ, опредѣлившись въ дѣльные народы, возникло такое множество, что имъ стало на землѣ тѣсно, они поднялись и могучимъ потокомъ залили всю Европу. Это было переселеніе народовъ. Каждый народъ, каждая общинная ячейка, заняли себѣ опредѣленную площадь земли. У cadaго народа были свои особенности, былъ свой

быть. Прошло нѣсколько вѣковъ сравнительно спокойной жизни, и отдѣльныя ячейки стали сливаться другъ съ другомъ, какъ сливаются другъ съ другомъ капельки ртути. Повторилось то же, что раньше дѣлалось съ мелкими общинами. Болѣе энергичные властители подчиняли себѣ другихъ и возникали уже княжества, герцогства. Мелкіе властители дѣлались данниками князей и герцоговъ, которые за это защищали ихъ отъ насилій со стороны сосѣдей. Среди герцоговъ и князей тоже нашлись болѣе сильные люди, и герцогства слились въ государства *)).

То же самое, но въ несравненно большихъ размѣрахъ должно произойти въ будущемъ. Уже въ настоящее время замѣтны шаги въ этомъ направленіи. Отдѣльныя государства уже теперь чувствуютъ себя слишкомъ слабыми. Заключаются союзы, которыми объединяются нѣсколько государствъ для защиты своихъ интересовъ. Это, въ сущности, то же самое, что раньше выливалось въ форму слянія. Пока изобрѣтатели не сдѣлаютъ своими изобрѣтеніями войну настолько убійственной, что она станетъ невозможной, будутъ наблюдаться такія временныя слянія государствъ на основаніи договоровъ. Затѣмъ начнется уже настоящее сляніе, на почвѣ общности интересовъ.

Положительно невозможно предсказать, по какому пути пойдетъ это сляніе, т.-е. къ какому современному государству будутъ постепенно примыкать другія.

Современная утопія допускаетъ возможность господства желтой расы. Населеніе земного шара опредѣляется цифрой въ 1585 милліоновъ, изъ которыхъ болѣе 400 милліоновъ, т.-е. болѣе четверти, приходится на долю желтой расы. Если мы положимъ еще 500 милліоновъ на цвѣтныя расы (340 милліоновъ индусовъ живутъ въ одной Индіи), то на долю бѣлой расы всего земного шара придется всего около 700 милліоновъ. Здѣсь слѣдуетъ принять во вниманіе, что желтая раса представлена всего двумя народами: китайцами и японцами.

---

*) Яркій, близкій примѣръ такого слянія мы видимъ въ Россіи. Маленькая ячейка, московское княжество, постепенно впитала въ себя ближайшія къ ней ячейки: княжества владимирское, тверское, суздальское и т. д. Образовалось великое княжество. Къ нему присоединилось еще нѣсколько мелкихъ княжествъ и возникло царство московское. Постепенно подъ защиту московскаго царя шли князья. При Іоаннѣ Грозномъ русское государство, благодаря завоеваніямъ Ермака, перекинулось черезъ Уралъ, въ Азію. При Петрѣ I границы раздвинулись къ югу черезъ Малороссію и къ сѣверу за Финскій заливъ. При Екатеринѣ Великой Россія захватываетъ берега Чернаго моря, и т. д. Изъ крошечной ячейки выросло государство, раскинувшееся на двухъ частяхъ свѣта.

Сліяніе всего двухъ, очень родственныхъ между собою народовъ, представляется не только возможнымъ, но и вполне естественнымъ. Въ то же время бѣлая раса состоитъ изъ безчисленнаго количества мелкихъ и крупныхъ ячеекъ, которыя безъ посторонняго давленія никогда не объединятся въ одно цѣлое

Ходъ событій, которыя въ концѣ-концовъ приведуть къ утопическому будущему, можетъ вначалѣ быть такимъ: объединившаяся многомилліонная желтая раса овладѣваетъ всей Азіей. Къ ней, конечно, охотно примыкають сотни милліоновъ индусовъ, для которыхъ всякое иго будетъ легче невыпосамага ига Англіи. Получится уже милліардная масса, противъ которой будутъ безсильны бѣлые, ~~потому~~ что къ тому времени желтая раса догонитъ бѣлую расу и въ развитіи и въ вооруженіи *).

Вполнѣ возможно, что предсказанія утопіи ошибочны, что бѣлая раса дружно объединится для отпора желтой, но, судя по настоящему положенію, скорѣе можно ждать обратнаго, тѣмъ болѣе, что желтая раса, вѣроятно, будетъ производить свой захватъ медленно, не нарушая слишкомъ рѣзко интересовъ отдѣльныхъ бѣлыхъ народовъ.

Во всякомъ случаѣ въ будущемъ произойдетъ постепенное сліяніе отдѣльныхъ государствъ, какъ въ прошломъ эти государства создались путемъ сліянія болѣе мелкихъ единицъ. Современная утопія представляетъ себѣ челоѣчество будущаго совершенно одинаковымъ, т.-е. безъ дѣленія на разноцвѣтныя расы. Едва ли надо говорить, какъ исчезнуть цвѣтныя расы. На примѣрѣ метисовъ и мулатовъ мы видимъ, что черныя расы при родствѣ съ бѣлыми расами постепенно утрачиваютъ рѣзкую окраску кожи. Въ данное время дикія явленія „обезцвѣчиванія“ приходится наблюдать сравнительно рѣдко, потому что цвѣтныя расы, особенно чернокожія, находятся въ полудикомъ состояніи и болѣе культурная бѣлая раса рѣдко родится съ ними. Недалеко время, когда черно-

*) Насколько правъ Уэльсъ, доказываютъ современные событія: Японія, которая всего нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ считалась маленькой карикатурой, которой еще недавно не боялась ни одна страна въ мірѣ, теперь не только признана великой державой, но и вышла побѣдительницей изъ борьбы съ такимъ колоссомъ, какъ Россія. Японія предъявляетъ требованія къ могущественнѣйшимъ Сѣверо-Американскимъ Штатамъ и грозитъ имъ своимъ флотомъ.

Японія насчитываетъ 55 милліоновъ жителей, а Китай—340 милліоновъ. Если 55 милліоновъ японцевъ сумѣли создать себѣ такое положеніе, то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что 340 милліоновъ китайцевъ сумѣютъ стать мировой силой.

кожіе поднимутся выше въ культурномъ отношеніи, когда браки между черными и бѣлыми людьми станутъ обыденнымъ явленіемъ, и тогда, вѣроятно, черезъ нѣсколько поколѣній цвѣтныя расы исчезнутъ совершенно, сольются съ бѣлокожими.

Такимъ образомъ, и въ этомъ предположеніи современной утопіи нѣтъ рѣшительно ничего неосуществимаго.

Въ утопическомъ царствѣ будетъ жить *единое человечество.*

№ 7687

КОНЕЦЪ

инв 3601-

Областная
библиотека им. Гоголя
Фундаментальное
отделение

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГРЯДУЩЕЕ.	Стр.
I. Механическое передвиженіе въ XX вѣкѣ	3
II. Вѣроятность распыленія большихъ городовъ	27
III. Война въ XX вѣкѣ.	47
IV. Языкъ будущаго	57
СОВРЕМЕННАЯ УТОПИЯ.	
I. Что такое утопія.	66
II. О личной свободѣ	70
III. Быть и строй утопическаго будущаго.	78
IV. Женщина въ царствѣ утопіи	87
V. Самурэи.	94
VI. Утопическій человѣкъ	101
VII. Единое человѣчество будущаго	106

